

Карина Орли Гарри Т. Ньютон

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕ ПОДЛЕЖИТ

ЭКРАНИЗАЦИИ

Гарри Т. Ньютон
Карина Орли
Экранизации не подлежат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67987511

SelfPub; 2022

Аннотация

У переводчика-фрилансера Григорича и его жены Риты лишь одно желание: купить квартиру и съехать от скандальных детей, мечтающих избавиться от родителей как можно скорее. Но поскольку денег на собственную жилплощадь нет, Григоричу приходит в голову безумная идея: заработать на сценариях, которых никогда не писал. Увы, он еще не знает, какой остросюжетный сценарий приготовила ему и его жене сама жизнь.

Эта авантюрная семейная драма – и учебник по сценаристике, и проверенный жизнью лайфхак «Как купить квартиру с нуля», и просто история о том, что даже самый заурядный человек с самыми средними способностями может добиться осуществления любой своей мечты, вот только какой ценой. В любом случае, авторы и сам Григорич предупреждают всех читателей: «Осторожно с желаниями».

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	75
Глава 6	93
Глава 7	109
Глава 8	142
Глава 9	149
Глава 10	177
Глава 11	191
Глава 12	211
Глава 13	237
Глава 14	253
Глава 15	277
Глава 16	298
Глава 17	328
Глава 18	345
Глава 19	367

Гарри Т. Ньютон, Карина Орли

Экранизации не подлежат

Глава 1

Его зовут Григорич, просто Григорич. Это мой ближайший друг пятидесяти лет, хотя я бы дал ему тридцать с натяжкой. Не считите за кокетство, но именно так Григорич стал выглядеть после счастливого избавления от двадцати килограмм собственного живого веса. Завидовать не торопитесь, ибо, если б вы узнали о самом способе похудения, поверьте, не каждый из вас решился бы испробовать его на себе. Впрочем, если Григорич захочет – расскажет сам. Дружу я с ним практически с колыбели, а может и раньше. И он – герой моего романа. Почему просто *Григорич* – объясню сразу, чтобы с самого начала у читателя не возникло и тени сомнения в полноценности главного персонажа. Дело в том, что имя моего друга, в принципе, не даст вам никаких сведений о его носителе, а фамилия даже не намекнет об удивительных странностях характера, коих более чем предостаточно. Если же назвать героя просто *Григорич* – это все равно, что по-свойски похлопать по плечу и растянув

на неподвижном лице кривую, слегка сожалеющую усмешку, сказать: «Ну, ты же понимаешь, дружище». В такие бесконечные минуты жизни Григорич обычно понимал одно: его только что послали, как посылали последние лет сорок пять: ненавязчиво добродушным тоном, но очень далеко. Робкому от природы интеллигенту действительно отказывали часто, а иными словами, моему герою редко везло на слепую удачу. Пока на иного неисчислимы блага сыпались как на дурняка на протяжении всей жизни, Григоричу даже любой малости приходилось добиваться долгим и тяжким трудом, истончая и без того слабое здоровье. И потому в самом звучании отчества *Григорич* ощущался привкус хронической горечи и безнадежной непухли. Именно таким появляется в начале романа мой самый дорогой друг.

Последний случай невезения Григорича на моей памяти связан с его увольнением с завода, где он более десять лет проработал переводчиком английского языка. Григорич не был единственным, попавшим под сокращение, но в отличие от других вовсе не огорчился, поскольку уже несколько лет и сам подумывал об уходе. Нужен был пинок, Григорич его получил и вскоре усвоил для себя новое слово: *фрилансер*. Сидел себе дома в комнатке хрущевки и выполнял переводы онлайн для Торгово-Промышленной Палаты и других заказчиков. Когда хотел – шел на кухню пожевать, когда утомлялся – мог прилечь на часик с томиком Чехова или вздрем-

нуть под бормотание какого-нибудь бездарного телесериала, извините за масло масляное. В часы вдохновения пописывал авантюрные романчики, которые пользовались некоторой популярностью в сети. Вечерами встречал с работы жену Риту, и они частенько ходили в кино или театры. Поначалу все в жизни Григорича шло неплохо. Он даже благодарил Бога за избавление от заводской кабалы и тихо посмеивался над страдальцами, вынужденными так и оставаться несокращенными марионетками при директоре-самодуре.

Но прошел год и благополучие счастливого фрилансера дало основательную трещину. Сразу оговорюсь, что Григорич женился в тридцать три года и поселился в двухкомнатной квартирке Риты. Его пленили две вещи: во-первых, свою жену Григорич придумал себе сам. Еще со времен зеленой юности, когда ложился спать под звуки заставки: *Сева-Сева Новгородцев. Город Лондон. Би-Бе-Си*, Григорич сладко грезил о девушке, которую хотел бы себе в жены – с внешними данными Элизабет Тейлор в роли Клеопатры и безумно преданную ему. С присущим ему романтизмом Григорич представлял, какие подвиги он совершает ради дамы сердца, куда они ездят вдвоем, о чем говорят, какие блюда вкушают и да что там скрывать: не было ни одного свободного уголка, рожденного фантазией озабоченного подростка, где бы он не напал на свою искусительницу с ненасытной яростью варвара. И лишь спустя годы, привыкая к холостяцкой жизни,

Григорич неожиданно встретил на заводе в отделе ОТК точь-в-точь объект былых юношеских грез. Во-вторых, дома у Риты, по венам которой действительно текла толика египетской крови, была еще и шикарная библиотека из книг в старинных переплетах. Для такого книжного червя, как Григорич, прижизненные издания Толстого и Куприна перевешивали неустойчивые принципы холостяка, и он, в конце концов, женился. Несмотря на то, что Рита была на двенадцать лет старше мужа, она навсегда стала его музой. И сам Григорич в глазах по-восточному преданной жены навсегда занял первое место на пьедестале совершенного мужчины, отодвинув далеко в сторону кумира юности Риты – Алена Делона. Общих детей у них не было, поэтому всю свою страсть и любовь дарили они исключительно друг другу.

Далее сделаем глубокий вздох и добавим ложку дегтя, ибо жили влюбленные не одни. В одной комнатке ютились наши романтики, летавшие на крыльях любви, другую же занимала довольно приземленная семейка Быдлбвичей. Она состояла из дочери Риты от первого брака – хамоватой мужланки Маши с вечно недовольным лицом, ее раздутого жиром и пустым самомнением мужа-таксиста Вована, которого Григорич иронично называл на французский манер: chauffeur¹ или Митрофанушка и двух их дочурок: восьмилетней оторвы Киры, и пятилетней плаксы Ирочки. Посещавшие тес-

¹ шофер (фр.)

ную двушку гости, тем не менее, всегда завидовали хозяевам: «Ах, как же весело вам вместе живется!»

Да-да, весело, если бы не полная несовместимость характеров и жизненных принципов на классовом уровне. Позволю себе отправить читателя чуточку назад, в предысторию, и расскажу о типажах и реальных «веселых» условиях, в которых жили обе семьи. Свою дочку Машу мама Рита излишне баловала и нежила с самого детства, из которого та, ни в чем не знавшая отказов в семье, вынесла единственный вывод, ставший ГОСТом: «Мне все должны». Думали: с годами перерастет, поумнеет, научится ладить с людьми – увы, не научилась. Ведь чтобы чему-то учиться, надо прежде понимать, что без этого знания никак не обойтись в жизни. Маша еще как обходилась. С лицом, заранее пропитанным претензиями и поджатой нижней губой, она уже к двадцати годам стала относиться к людям исключительно потребительски. Если Маше что-нибудь было нужно, ей не составляло труда оклеветать одного, чтобы получить подпись, документ, а то и деньги от другого, или прикинуться бедной сироткой, поведав о тяжелой жизни без папы с больной мамой. Взрослые дяденьки, слабенькие на передок, жалели девочку, горячо ее опекали и рассчитывали не только заменить Маше отца, но стать еще ближе – на расстоянии порывистого дыхания. Когда же ретивые старперы оказывались больше не нужными – они тут же получали от ворот поворот.

На работе с ядовитой сплетницей, ссорившей даже лучших друзей, старались лишний раз не связываться: «Не трогай гэ – не будет штыну». Если же собирались после работы всем отделом ехать в боулинг или на каток, никогда не приглашали Машу. Однажды девушку довело до слез, когда ее не поздравили на работе с днем рождения. Но выплакивая обиду, не понявшая истинных причин бойкота, Маша не избавилась от желчи, которой в самых ярких красках поделилась по телефону с мамой. После сочной тирады дочери о враждебности со стороны сотрудников, воинственно настроенной мамаше пришлось приехать на работу к Маше с единственной целью: защитить дочь от монстров. Возвращалась та с ощущением морально униженной родительницы, пришедшей со школьного собрания, где узнала горькую реальность о дочке-двоечнике. Шло время, но ни в одном другом коллективе, куда пристраивала Машу мама, та надолго не уживалась. Все происходило по обычной схеме: перессорившись со всеми, дочь жаловалась Рите, та приезжала и выслушивала от начальника вежливую просьбу забрать от них бессовестную фурию.

На недоуменные вопросы Григорича, почему Маша такая неуживчивая, Рита вздыхала, пеняя на дурные саратовские корни, доставшиеся дочери от ее покойного отца. Убежденная в том, что какая никакая, но она же – единственная дочь и ничего тут не поделаешь, Рита продолжала защищать Ма-

шу перед всем миром, что бы та ни вытворяла. А творить и творить довольно активно Маша начала сразу же с появлением в их доме Григорича. Поначалу она пыталась заставить и его подчиняться своим капризным хотелкам и даже высказалась матери, почему бы ее мужу не давать Маше денег, ведь он как бы ее отчим. Рита настораживалась, но молчала. Когда же Маша, не различавшая берегов, если попахивало легкими деньгами, задавала тот же вопрос Григоричу, то мгновенно получала неожиданный для себя ироничный ответ с усмешкой: «Деточка, а ты заработай. Убери на кухне бардак – получишь пятак. Уберешь кровать – получишь десятку». Так нагло указывать Маше на ее слабые места, считавшиеся нормой, никто себе не позволял. Но, несмотря на собственную неуверенность по жизни Григорич, тем не менее, не терпел наглых девочек. «На мне где сядешь, там слезешь» – приговаривал он, провожая взглядом очередную обиженную хамочку, выходящую из комнаты с обиженной физиономией и оттопыренным задом. Григоричу часто пеняли:

– Как можно так грубо обращаться с женщинами!

На что тот мягко отвечал:

– О, что вы! С женщинами я сама деликатность. У меня даже есть список тех, кому я посвящал поэмы и еще больший – тех, кто выплакивал длинные ароматные письма лично мне.

– Но вы только что оскорбили Вику.

– Кого? Ах, эту. Вы вправду находите ее женщиной? Или

понятие о женщине у вас дальше половых признаков не распространяется?

Ответ обычно повисал в воздухе, но те женщины, которые были свидетелями подобных разговоров, старались после как-то угождать старомодным понятиям Григорича о женщинах – как о Натальях Гончаровых, не меньше. Некоторые из них, впрочем, расцветали на глазах к странному неудовольствию их мужей. Сам видел. Однако с тех пор Маша не упускала возможности по любому поводу плеснуть яд-ку какой-нибудь базарной фразочкой в сторону Григорича и тут же захлебнуться, получив в ответ: «Ах, Моська! Знать она сильна, что лает на слона».

Взаимная их неприязнь, переросшая с годами в ненависть, доводила Риту, разрывавшуюся меж двух дорогих ей людей, порою до полного отчаяния. И если в силу природного упрямства дочь не желала идти на компромисс, то Григорича Рита легко могла уговорить помалкивать и не вступать в интеллектуальные дискуссии с Машенькой, от которых та неистово зверела. Это еще ладно, но Рита пошла дальше. Она умоляла мужа никогда не вмешиваться в ее скандалы с дочерью, которые в основном касались бытовых вопросов. Даже если Маша доводила мать до слез, Григоричу категорически запрещалось реагировать. В недоумении разводя руками, тот заявлял:

–Я же муж. Как же мне не защищать тебя?

Подобные сентенции, однако, не имели никакого эффекта

на Риту. И если случалось, что Григорич вступался за жену, жая Машу острыми метафорами, Рита моментально переносила обиду на мужа и хваталась за голову:

– Не смей оскорблять мою дочь. Она и так тяжело мне досталась. Терпи. Ради меня терпи.

И он терпел, затыкая уши берушами, хотя даже сквозь них пробивал истерично визжащий голос Маши, постоянно чего-то требующей от матери. Когда дочь видела, что имеет прежнюю власть над Ритой, с успехом манипулируя тою, Маша немного успокаивалась и ехидно улыбалась Григоричу. Только муж с женой решали провести романтический вечер и отправлялись в театр, как тут же возникала дочь, которой срочно нужна была мама, чтобы ехать с той на примерку какого-то платья. Только жена соглашалась сопровождать мужа к врачу по поводу его головных болей, как возникала Маша, которой мать нужна была дома, ибо именно в это время придет мастер по ремонту компьютеров. И Григоричу, долго страдавшему от панических атак из-за проблем с сосудами, приходилось добираться до больницы в одиночку. После работы, когда Рита с Григоричем уединялись в своей комнатке, Маше опять что-то требовалось. Несмотря на больные ноги, трепетная мать бросала умоляющий взгляд на мужа и получив в ответ унылое понимание, покорно уходила из дому по делам шантажистки. А иногда и более того: Рита чуть ли не на коленях умоляла Григорича помочь ее бедной дочери. Помочь – значило сделать все самому даже в ущерб

себе. Например, отказаться от денежного заказа и потратить время, сдав за Машу гос. экзамен по английскому, благодаря чему той вообще удалось получить диплом. Скажете: Какой же он дурак? Нет, Григорич просто очень любил свою жену.

Прошло несколько лет и все ахнули, а Григорич вздохнул: Маша вышла замуж, а вскоре появились и дети. Забрезжил огонек надежды, что теперь все изменится к лучшему, и они с Ритой освободятся от кабалы эгоистичной дочери. Но оказалось, что мест на шеях бабушки с дедушкой вполне хватает и на четверых. Еще бы! С супругом Маше особенно повезло: произошло гармоничное слияние двух половинок. Если у одной в характере чего-то не хватало, то другой тут же с лихвой компенсировал брешь из ходовых запасов собственной природы. Вован, поселившись в квартире Риты, слыл еще тем академиком хитрологических наук. Главным принципом в жизни считал один, которому не без успеха учил и детей: «Устраивайтесь в жизни поудобнее».

Сколько раз на протяжении пятнадцати лет вынужденного совместного сосуществования двух семей Григорич намекал ему, что хорошо бы оплачивать квартиру пополам, да только хрена лысого. Вован сразу же переводил разговор на другую тему или запирался в туалете и ничего не желал слышать. После оглушительного опорожнения мочевого пузыря он обычно отвергал претензии, заявляя, что в этой квартире он и так все чинит: сорванные краны в ванной, испорченные

электрочайники и тому подобное, но отговорка не работала.

– Вы ломаете, вы и чините, – парировал Григорич. – Все закономерно. А раз живешь – плати.

– Да щас! – громыхал зычным басом Вован. – Не живу я тут, а только ночевать приезжаю.

Где на самом деле считал себя проживавшим Вован, доподлинно никому не было известно, ибо, когда его родная мамаша пару раз просила оплатить родную коммуналку, тот ничтоже сумняшеся вопил: «Имей совесть, мать! Я плачу только по месту жительства. Куда мне еще и тебе помогать?»

У Григорича с Ритой оставалась еще тайная надежда, что их внучки, с которых они разве что пылинки не сдували, не пойдут в породу Быдловичей. Но чем ближе Григорич сталкивался с реальностью, тем все с большей печалью в голосе сокрушался:

– Жаль, но от худого семени редко случается доброе племя.

И хотя всегда миролюбивая жена умоляла его не сгущать краски, глубоко в душе вполне соглашалась с мужем. Эти дети, считавшие нормой и копировавшие исключительно поведение родителей, относились с крайним пренебрежением к Рите и совершенно не воспринимали Григорича. Когда Ирочка, с кислой гримасой от того, что за ней в садик явились не папа с мамой, шла одеваться, Григорич с Ритой чувствовали себя оплеванными. Они молча жались друг к другу, стараясь скрыться подальше от сочувствовавших взгля-

дов других бабушек и дедушек, в объятия к которым их внуки бежали с искренней радостью. И с какой же раной в сердце Григорич с Ритой встречали с танцев Киру, у которой отношения с дедом и бабой строились по принципу: «Дайте денег!» А в глазах сверкало: «Не то украду». И крала. Сначала у родителей, сваливая все на деда. Затем у деда, пока тот однажды не поймал внучку за ухо, а шокированная Кира как в лихорадке безостановочно лепетала:

– Это не я... Не я.... Не я...

И умоляла не выдавать ее папе. Бедная Кира.

Бедные дети. И бедная Маша. От нее, привыкшей все только брать, ничего не отдавая взамен, вдруг потребовали исполнения семейных обязанностей, к которым Маша ну просто никак не была готова. Вышла замуж и решила: «Все, я тут королева, а вы постойте за дверью, пока не вызову!» Но королеве вручили фартук и попросили приготовить борща вечно голодному мужу, которому даже в армии полагалась двойная порция. Но от королевы дети захотели ласки и ответов на четыреста вопросов в день. Но королеве хотелось все спихнуть на мать, которая на этот раз оказалась стойкой и с нескрываемой иронией заявила:

– Доченька, теперь у тебя есть муж – твоя опора и поддержка. Он для тебя и бог, и казначей, и крайне ревнив, когда ты пытаешься советоваться о чем-то со мной. Да и не могу я всю жизнь тебе подгузники менять.

И барыня Маша с грехом пополам пыталась заниматься

уборкой, готовкой и заботой о детях, правда, надолго ее не хватало, и она начинала стонать и жаловаться. Затем злилась и отрывалась на всех. Она хотела, чтобы все оставили ее в покое: никого не хотела ни видеть, ни слышать.

Сокращение Григорича на работе потрясло Машу до самых корней. На нервной почве она даже потолстела, заедая желчь тоннами полусырых котлет и обугленных окорочков. Благодаря постоянному пребыванию дома ненавистного моралиста, столкновения между ним и Марией приняли оборот под девизом: *Si vis pacem, para bellum*². Он в туалет, Маша выключает там свет; он на кухню разогреть обед, она – следом с намерением занять все конфорки кастрюлями, а все пространство миниатюрной кухоньки широкой задницей. Стоит ему повесить на балконе пару футболок, как Маша тут же спешит с тазиком, полным белья и срывает влажные вещи врага, мол, они ей мешают. Когда же Григорич, страдавший от бронхита, должен был успеть выполнить срочный заказ, ненавистнице вздумалось проветрить квартиру. Она распахнула все двери и окна настежь, вызывая жуткие сквозняки, да еще и врубила какой-то кислотный рэп. Не сдержавши негодования, Григорич воскликнул:

–Мда! Быдлу нужен музончик.

В ту же секунду хлопнула дверь, и подслушивавшая Маша влетела на середину комнаты.

² Хочешь мира, готовься к войне (лат.)

– Ты кого быдлом обозвал, интеллигент сраный! – заорала она. – Ну, все. Теперь с тобой Вова поговорит.

Изо рта угрожавшей фурии вылетали клочки пены, налитые желчью глаза тупо буравили пустое пространство, а руки лихорадочно били по воздуху.

Григорич спокойно встал, взял Машу за шиворот и вывел тушу из комнаты, заперев дверь на защелку. Маша барабанила тапками по двери и верещала:

– Все мужу расскажу. Все. Ох, не завидую тебе.

Как же провоцировала она Григорича на реакцию в надежде, что мама будет на ее стороне и наконец, прогонит его. Как же он мешал Маше. Когда же Рита по состоянию здоровья ушла на пенсию и тоже начала больше проводить времени дома, стала мешать дочери и она.

В квартире воцарилась атмосфера круглосуточного взаимного неуважения и если обычно человек, терпящий удары извне бежит домой – найти успокоенье у домашнего очага и получить поддержку и любовь от родных, то у Григорича не было такого дома. Плевки и обиды, от которых человек скрывается за защитой дружной семьи, стали излюбленным занятием самой семьи. Каждый хотел друг друга надуть, радовался неудачам и раздражался любому проявлению радости врага. Уйти и снимать квартиру казалось немислимым предприятием – она стоила три четверти и без того скудных доходов Григорича, часть которых уходила на оплату квартиры, и часть на два кредита, которые они были вынуждены

взять в банке на срочные операции. Мама Григорича тоже не жаждала приютить сына с женой, предусмотрительно полагая, что лучше любить невестку издали, какой бы милой та ни казалась. Когда же Григорич, пребывавший на грани срыва, пытался завести с матерью разговор о переезде с Ритой к ней, та традиционно ссылалась на давление и извиняющимся тоном советовала: «Поменьше попадайся на глаза Быдловичам, сынок, и не скандаль по пустякам». Как легки мы бываем на советы в вопросах, которые совсем нас не заботят.

Отфутболенный, но благодарный сын решил не нервировать мать и попытался последовать ее совету, пока однажды... Однажды Маша в порыве обиды ехидно заверещала в адрес матери:

– Что, выскочила замуж, когда еще года после смерти отца не прошло и рада? Хорошо тебе с интеллигентом безруким трахаться?

Рита побледнела и вlepила дочери пощечину. В ответ дочь плюнула в лицо матери. Скрестились руки, послышались вопли, понеслась привольная нецензурная брань. Теряя контроль, Григорич отодвинул жену и холодно произнес, обращаясь к отбежавшей Маше:

– Уж лучше с интеллигентом, чем с пролетарием, который везде сморчки оставляет, ходит по квартире царьком, яйца чешет и ЦУ всем раздает.

– Закрой свой рот! – заорала Маша и швырнула в Григо-

рича массивной деревянной щеткой для чистки одежды, попав тому прямо в лоб. Рана оказалась неглубокой, но из-за лопнувшего сосудика кровь залила лицо, что позволило хамке скрыться и запереться в комнате. Григоричу стало ясно:

– Все, это – конец. Нужно покупать квартиру или я за себя не отвечаю.

– А деньги... – вздохнула Рита, утирая слезы и обрабатывая рану мужа. – Где их взять?

– Не знаю, – задумчиво ответил тот. – Пока не знаю.

Вскоре они оделись и вышли на улицу – успокоиться и хорошенько все обдумать.

Глава 2

На детской площадке никого не было – время, когда Григоричу и Рите особенно нравилось там бывать. Рита сидела на качели и ела пирожок, с таким аппетитом откусывая каждый кусочек и с такой невообразимой мимикой пережевывая его, что казалось, будто она голодала целый год. С маниакальным вожделением поглощать пышные золотистые пирожки может только человек, которому это категорически нельзя. Рита и вправду не ела мучного, поскольку страдала диабетом, и каждый поход в супермаркет с Григоричем в поисках вкусенького был для нее одной из немногих радостей в жизни. Говорят, если очень хочется, то не просто можно, а нужно давать волю организму и на время снимать любые ограничения. Когда желание становится превыше любых законов природы и здравого смысла, когда из души рвется стон загнанного зверя, организм способен на великодушие к своей хозяйке и на время закрывает глаза. В глазах же Риты сияло неопишное счастье ребенка и великая благодарность мужу, который дарил ей подобное счастье. На задний план уходили и хроническое безденежье, и высокое давление, и склоки с дочерью, и осознание собственной ненужности в статусе пенсионерки, и куча других неприятностей.

А Григорич с наслаждением смотрел на жену. Он присел

на корточках, и нежно поглаживая колени Риты, думал о своем. Свое заключалось в том, что он безумно жаждал избавиться свою музу от постоянных скандалов с семейкой Быдлович и вместе с любимой выбраться из душного пространства, которое и пространством назвать было трудно, по крайней мере, личным. «По сути, – считал Григорич, – если бы у нас сейчас появилась отдельная жилплощадь, мы стали бы самыми счастливыми людьми на земле». Не *одними из*, а именно *самыми счастливыми*, поскольку он был твердо убежден, что никому другому так не нужна была квартира, как им. Для кого-то собственное жилье – приятный бонус от родителей в день свадьбы или непременный атрибут роскоши какого-нибудь фирмача. Для наших же героев это, без преувеличения можно сказать, место спасения жизни и последнее тихое пристанище двух одиночеств. Сегодня они оба почувствовали, что близки к суициду, если такая атмосфера в семье будет продолжаться. А она будет продолжаться. Ах, насколько обидной казалась реальность, что кому-то триста лет та квартира не нужна, но этот кто-то располагает несколькими домами, палец о палец не ударив, чтобы заработать на их покупку – разве что путем криминальных сделок. Григоричу подобные варианты не подходили. Нужно было достать денег каким-то иным способом, который пока никак не появлялся на сумрачном горизонте размышлений.

Под первые одинокие в вечернем воздухе звуки колокола на башне близлежащей церкви Григоричу постепенно ста-

новилося тоскливо. Сейчас он как никогда явно убедился в собственной невезучести.

– Господи, – глубоко вздохнул он, прислонясь лбом к коленкам жены. – Чем же я заслужил?

– Что заслужил? – удивленно спросила Рита, перестав жевать.

Григорич поцеловал пальцы на руке жены, что еще смолodu приводило ту в трепет и даже сейчас вызвало легкую поволоку фиолетовых глаз Риты, и с грустью ответил:

– Тебя, моя лапа. Только тебя.

Рита обняла голову мужа и склонившись, поцеловала ее. Колокол стал звонить чаще. Не сговариваясь, Рита с Григоричем встрепенулись и под действием незримой силы, мощным потоком тепла подталкивающей их, двинулись к ажурным воротам церкви.

В лавке они купили свечек и тихонько вошли в среднюю часть храма, где проходило обычное богослужение, во время которого священник призывал верующих молиться, прощать и мириться со всеми, «как повелевал Господь». Поддавшись умиротворяющему тону батюшки и сладкогласью церковного хора Григорич с Ритой немного успокоились и затерялись среди людей. Пока Рита заказывала молебен за здоровье одним и за упокой недавно умершей маме, Григорич прошел мимо великолепно сверкающего красным золотом иконостаса и направился к высокой иконе Спасителя. По-

дойдя к поликандилу, Григорич перекрестился, зажег свечку от лампадки и молча уставился на скульптурную фигуру Иисуса на кресте. Он редко посещал церковь, поэтому робко косился на окружающих, не зная, как правильно держаться и что делать, чтобы не опозориться. Вскоре выяснилось, что переживал Григорич зря, ибо никто ни на кого не обращал внимания: будто все телесное, наносное, все мундирное и лицемерное люди оставили за дверями церкви, а здесь блуждали легковесные неземные души – убогие, беззащитные, не стеснявшиеся признаться в этом, о чем-то плакавшие и чего-то жадно просившие.

Чужие слезы поражали Григорича, и поначалу он с сомнением верил в их искренность, считая плач лишь обязательным ритуалом во время пребывания в храме. Однако вскоре, сколько бы ни крепился, как бы скептически ни ухмылялся и ни пытался рационально оценивать окружающую обстановку, но и сам постепенно стал погружаться в общую эйфорию страданий. У него запершило в горле, засопел нос, и слезы произвольно увлажнили глаза. Григоричу захотелось произнести молитву, и он начал было беззвучно шептать: «Отче наш! Иже еси на небесах. Да святится имя Твое. Да придет Царствие Твое. Да будет Воля Твоя...», как неожиданно запнулся, потому что забыл продолжение и вспомнил лишь окончание: «и ныне, и присно, и во веки веков». Смущенный и раздосадованный, он кусал губы, и испуганно озираясь по сторонам, беззвучно по кругу – две первых и две последних

строки – шептал куски молитвы, еще надеясь вспомнить весь текст. Григоричу стало крайне обидно за свою короткую память, но безумно захотелось чуда. Ему казалось, будто каждое слово, обращенное к иконе, уходит в незримые высшие сферы и уже там творится некое волшебство в ответ именно на его мольбы. Ах, как он, – чувствовавший непреодолимую усталость, зевающий и сглатывающий стекающие по щекам слезы, – мечтал увидеть настоящее диво. Но слова! Где найти их – правильные, необходимые и метко попадающие в уши Богу?

И пока его Рита склонилась у иконы Божьей Матери и просила мира и согласия в семье, Григорич еле удерживался на ногах, ощущая давящую тяжесть от возникшего вдруг осознания собственной вины. Не в состоянии уразуметь, в чем именно она состояла, он поразился и другому факту: в эту секунду Григорич захотел вообще быть виноватым. Во всем. Почти не задумываясь, он готов был принять на себя роль Иуды и признать за собой грехи всех людей, и что он один виновен в бедах, войнах и болезнях, именно он – их источник. Неожиданно память неудержимым потоком стала выплескивать наружу обрывки давно угасших эпизодов жизни. В груди запекло, а по телу стал разливаться удушающий жар. Григорич инстинктивно сжал ладонями губы и зажмурился из-за боязни, что сейчас выкрикнет обо всем: и как он натравил кота на хомячка маленькой сестренки, и как во-

ровал доллары у матери, и как струсил, оставив друга одного перед хулиганами и многое-многое другое: кого обижал и кого предавал.

Перед глазами промелькнула жизнь, и от этой кинодрамы стало жутко на душе, во рту чувствовался привкус горечи, а глаза вновь остекленели от предательски нахлынувших слез. Добивающим его рассудок стало понимание, что все его неудачи в жизни именно из-за мерзости характера, из-за обид, которые он наносил людям – этим детям Божьим, за которых Господь теперь безжалостно ему мстит. Более же всего тяготило Григорича то, что вместе с ним вынужден страдать совсем невинный и самый дорогой для него человек – Рита. Григорич застонал и задыхаясь, ринулся через весь зал на выход. Хотелось бежать: от людей, представлявшихся ему здесь масками грешников, а за дверями – жестокими убийцами, от икон, которые с упреком судей взирали на него и от самого духа церкви, от которого он уже не чувствовал недавнего спокойствия. Все вокруг обернулось против него, все обвиняло его, все желало скорейшего возмездия над ним. Иконы, люди, иконы, люди – в золотом вихре все закружилось в голове и перед глазами Григорича.

На крыльце его обдало холодным воздухом, а из груди вырвался сиплый рык обессиленного марафонца. Когда же Григорич обернулся, почувствовав руку жены на плече, он посмотрелся в тревожные глаза ее, и она вдруг показалась ему

такой нежной, такой слабенькой и безнадежно несчастной с ним, что он безвольно уронил голову Рите на грудь и глухо зарыдал.

– Прости, – бормотал он. – Хреново тебе со мной, правда?

– Не правда, – шептала Рита, целуя мужа. – Ничего, ничего. Плачь. Это хорошие слезы, не бойся их. Если они есть, значит от души. Значит, ты полностью открыт сейчас. Именно такого слышит Господь. Слышит и прощает. Понял?

Григорич кивнул и засопел.

– Иди и проси, – сказала Рита. – Тебе помогут, точно тебе говорю.

Григорич замотал головой.

– Бесполезно. Разве можно простить те страдания, которые я причиняю тебе каждый день? Если бы не я, ты бы сейчас жила в уюте и радости с кем-то, кто чище меня, кто обеспеченней, кто умнее. Не вздрагивала бы от каждой смс-ки в надежде, что это перевод каких-нибудь денег из банка. Не страдала бы от ссор мужа с твоей хамкой дочерью, не заперла бы себя в четырех стенах... Но я не в силах и не в разуме дать тебе счастье. Я – ничтожество, способное лишь причинять страдания другим. Зачем тебе нужен такой подлец?

– Ну не такой уж ты и подлец, чтоб не заслуживать моих страданий, – ласково ответила Рита. – Иди.

Григорич вновь вошел в церковь и утирая рукавом слезы, уверенно двинулся к иконе Николая-Чудотворца. И он просил. Просил дать ему денег на квартиру или хотя бы знак,

как этих денег достать. Любому из нас столь наивное поведение взрослого мужчины может показаться смешным. Любому – это верно. А вот не любому, кому доведенный до отчаяния человек напоминал несчастного, смертельно больного раком, на которого плюнули все врачи, и который готов был пить даже авиационный бензин, лишь бы избавиться от страданий – тому Григорич со своим простым желанием счастливой жизни покажется вполне разумным. Не любой не станет над ним смеяться, а хотя бы посочувствует.

После того как они вернулись домой, Рита сразу же отправилась на кухню, замыслив порадовать мужа чем-нибудь вкусненьким, а Григорича потянуло по накатанной колее – к письменному столу. Но работать вовсе не хотелось. Стоило усесться в рабочее кресло, как он почувствовал такое тяжелое опустошение, будто из сердца вынули изношенный от круглосуточного труда механизм динамо-машины и полностью обесточили душу. В ушах еще глухо отдавались звуки церковного колокольного боя. От каждого удара слабели мышцы, голова слегка клонилась набок, а из груди вырывался еле слышный болезненный стон. Вдруг голову словно прошибло разрядом тока. Григорич еле-еле удержался за краешек стола, чтобы не свалиться с кресла. Он резко притянул к себе клавиатуру, открыл документ Word и набрал первое, что пришло на ум: *«Колокол по тебе»*. Рассказ. Название Григоричу понравилось, но он тут же застонал еще

сильнее. «Какой-нибудь мастер пера из этого названия сделал бы роман-лялечку, – досадливо подумал он и трусливо всхлипнул. – А я? Куда я лезу со своей графоманией?» Однако пальцы робко, вразнобой застучали по клавишам, спотыкаясь на каждом слове, но постепенно стали набирать скорость и понеслись, помчались в бешеном козлином галопе, оставляя далеко позади разбросанные кое-как запятые и бессвязные рваные мысли. Поначалу текст действительно походил на полную белиберду, в которой Григорич раскаивался во всех человеческих грехах, растекался в самоистязаниях и не стеснялся по отношению к самому себе самых скабрёзных выражений, каждое из которых неискушенная компьютерная программа смущенно подчеркивала красной волной. Автору стало еще более досадно от очевидной неспособности коротко и ясно излить душу. Однако строчек двенадцать-тринадцать спустя рассеянный взгляд автора стал напрягаться, зрачки сузились, губы поджалась, а руки словно включились в сеть и сделали пальцы упругими. Теннисными мячиками те ритмично отскакивали от клавиш и наносили все более точные и более изящные удары. Получался рассказ – о человеке, который всю жизнь обижал людей – проходя, не считаясь с чувствами других, насмехался и унижал, пока однажды не попал на кладбище собственной совести.

Когда последняя точка была поставлена и Рита на правах музы прочитала рассказ, он ей очень понравился. Прав-

да она горячо возражала против того, что прототипом главного героя является ее замечательный муж. Не сговариваясь, они оба посмотрели на ковер на стене, за которой находилась комнатка их родственников. Кроме того Рита сказала, что если бы рассказ экранизировать, она – как заядлая любительница сериалов – с удовольствием бы посмотрела. Сказала и тотчас осеклась. Отношение Григорича к отечественной сериальной продукции было категорически отрицательным. Бессодержательные сюжетные линии, набившие оскомину штампы, пластмассовые реплики и бездарная игра актеров – вызывали у него неудержимые приступы ярости. Каждый раз, проходя мимо телевизора, он опережал реплики персонажей, и слово в слово угадывал, что они скажут, какая сцена последует и каким станет финал, чем искренне поражал жену. Однако сейчас Рита крайне изумилась реакции мужа. С вспыхнувшей одержимостью в глазах тот загадочно улыбнулся, поднял указательный палец вверх и полусшепотом произнес:

– Вот он – знак. Я напишу сценарий и заработаю на квартиру.

– На сценарии? – неуверенно спросила Рита.

– Что странного? – вопросом на вопрос возразил Григорич. – Буквально вчера читал, как одна тетка продала сценарий какого-то паршивого сериала и уже на аванс купила крутую тачку. А нам с тобой всего-то нужно тридцать тысяч долларов. Тридцать... тысяч... долларов.

На последних словах Григорич стал задыхаться, моментально представив грандиозные перспективы, которые, несомненно, виделись ему вполне реальными. В маленькой комнатке запахло сомнительной авантюрой, от чего Рита встревоженно перекрестилась. Хорошо знакомая с подобным состоянием мужа, который уж если чего решил – не перешибешь, она еще пыталась использовать последний шанс и сказать, что просто пошутила насчет экранизации. Но Григорич уже не понимал шуток. Цель показалась ему легкодостижимой, хотя он и отдавал себе отчет, что написать хороший сценарий – не сигарету выкурить: надобно уменье, да и много еще чего. Немедля окунувшись в дебри Интернета в поисках подходящей онлайн-киношколы, Григорич даже растерялся. От предложений за считанные месяцы воспитать профессионального сценариста разбегались озаренные идей глаза, а с лица все не сходила улыбка счастливого идиота. Тем не менее, Григорич старался проверять каждую фирму самым придирчивым способом и не верить на слово всяким фантастическим обещаниям. Он был настороже и посмеивался, вспоминая лохов, которые легко попадают на удочку сетевых аферистов. Сам же Григорич с уверенностью считал, что умеет выбирать и наконец, выбрал киношколу под странным названием «Страусы». На афише красовались яркие гордо вышагивающие птицы, а после букв названия улыбалась бородатая физиономия, по-видимому, хозяина киношколы, изо рта которого вылетала фраза: *Мы верим в вас*

талант! С детства у Григорича вызывали безоговорочное уважение бородачи интеллигентного вида со слегка наивным и от этого честным взглядом. А от лозунга теплое ощущение некоего братства, общины, семьи, которая ждала только его – только она могла раскрыть талант Григорича, о котором тот догадывался и раньше, и вот только теперь абсолютно в него уверовал.

Со своей стороны с той же уверенностью «Страусы» обещали любому, что в процессе обучения ученик будет работать над своим сценарием под руководством опытных преподавателей из мира киноиндустрии и в конце трехмесячного курса у новоиспеченного профессионала будет написан сценарий – либо полного метра, либо пилотной серии сериала. Григорич не безосновательно рассудил, что растягивать сюжет его «Колокола по себе» не имеет смысла и решил писать полнометражный фильм. С энтузиазмом помолодевшего студента взялся он за учебу – благо после недавнего инцидента с Машей никто из семейки Быдлович ему не мешал, опасаясь ответного удара. У Риты тоже улучшилось настроение. Она даже заикнулась, что видела в мебельном чудесный стол и когда у них с мужем появится квартира, они непременно отправятся в магазин.

Уроки в киношколе нравились Григоричу простотой изложения видеоматериала, теплотой и дружелюбием, с которой учителя обращались к ученикам, считая их своими кол-

легами, а также подробными разборами каждой сцены какого-нибудь известного фильма. Каждое занятие посвящалось определенной теме, начиная с самой первой – поиска идеи. После занятия предлагалось домашнее задание на неделю, после чего результаты обсуждались с каждым учеником отдельно. Но обратная связь существовала только для слушателей, избравших расширенную форму обучения. К сожалению, из-за финансовых трудностей и просто из-за боязни мошенничества Григорич записался на стандартный курс, где обратная связь исключалась. Для такой категории лиц предусматривался иной выход из положения: работа в четверках. Создавалась закрытая группка из четырех таких же учеников, которые в любое время могли обсудить какие угодно вопросы по уроку. Предполагалось, что в четверке каждый будет помогать друг другу, подсказывать, делиться впечатлениями со стороны, станет первым добрым зрителем и строгим критиком. Подобная форма обратной связи казалось Григоричу недейственной. Он не понимал, как могут четыре двоичника проверять домашнее задание друг у друга, что-то исправлять, подсказывать и направлять, если они сами еще неоперившиеся птенцы. Многие обращались к руководству киношколы и предлагали разбавлять четверки хотя бы одним опытным сценаристом, но хозяин Валик Кухарук – тот самый бородач с вывески – все отмалчивался, давая понять, что реальная обратная связь с услугой анализа вашей работы профессионалом стоит дороже.

Приходилось искать ответы на вопросы самостоятельно, что на самом деле только приносило пользу благодаря собственному творческому исследованию. Одно дело – посмотреть ответ на задачку в конце учебника и совсем иное – самому ее решить. Помогало еще и то, что можно было беспрепятственно читать переписку руководителя со счастливыми из расширенной формы обучения. И поскольку задания у всех были одинаковые, разве что сценарий у каждого свой, Григорич и его друзья из стандартной формы пользовались бесценной информацией в свободном доступе. Правда, начитавшись сухих и кратких ответов преподавателей, обратная связь от которых выглядела так: «Ой, отцепись от меня», Григорич перестал сожалеть, что недоплатил за расширенный курс, ибо ничего особо ценного счастливы не получили. По мере продвижения в учебе Григорич начал понимать, что программа киношколы строилась на купюрах, выдернутых из разных учебников, которые и так были в свободном доступе и были изучены им еще до поступления в школу. Команда Кухарука лишь систематизировала всю эту информацию и представила как собственную уникальную разработку. Примеры заявок и синопсисов никуда не годились и были состряпаны совсем не по правилам, которые изучались в школе. На некоторые видеоуроки приглашались обещанные корифеи киноиндустрии, но о чем они рассказывали? Нудно углублялись в систему построения ка-

ких-то графиков расчета коммерческой прибыли или упивались собственными достижениями. Когда ученики задавали вопрос Кухаруку: «Зачем это нам?» тот как страус прятал голову в песок.

Многие разочаровывались и бросали школу, но Григорич выявил для себя один несомненный плюс – условия обучения приближались к боевым. А именно то, что домашнее задание нужно было сдавать точно в срок и в случае нарушения дедлайна хотя бы на минуту, тебе не открывался материал следующего урока, независимо от того, что ты заплатил за весь курс. Сценарист должен работать быстро, быть готовым в любой момент исправить, дописать, расширить, сократить или вообще все переделать. По счастью такой режим железной дисциплины был хорошо знаком Григоричу. Сотрудничая с разными клиентами на протяжении многих лет, он делал иностранные переводы практически в режиме нон-стоп в любом объеме и без потери качества. Поэтому он лично не жаловался, а напротив приободрялся и ощущал полезность такой стратегии. Утомляло лишь одно задание, которое надо было выполнять ежедневно на протяжении всех трех месяцев. Речь идет о так называемой насмотренности фильмов и сериалов. За весь курс обучения требовалось посмотреть девяносто фильмов, схожих по жанру. Причем смотреть глазами не зрителя, а критика и в конце просмотра представлять подробный отчет с разбором сцен, сюжетных поворотов, пу-

тей героя и так далее. Григоричу нравилось критично подходить ко всем фильмам, невзирая на их популярность, фамилию режиссера или всеми любимых актеров. К непререкаемым авторитетам наш новоиспеченный сценарист подходил особенно жестко. Подчас слишком смелый критический обзор того или иного нашумевшего фильма, никак не сползавшего с топовых мест, поражал даже скупого на слова Кухарука. При просмотре отчетов Григорича он не мог удержаться, чтобы не поставить смайлик удивления на эпитеты желторотого ученика в адрес «рукожопого режиссера», «бездарной актрисы» или «беспомощно примитивного сценария». Спасибо Валику, что хоть за смайлики денег не брал.

Итак, как я сказал выше, Григорич решил написать сценарий по мотивам рассказа – о человеке, который на протяжении всей жизни обижает людей, а в конце вынужден расплатиться за обиды весьма нетривиальным способом. Ничего, казалось бы, оригинального и достойного экранизации в банальной идее не наблюдалось. «Подобных заявок тысячи, – ухмыльнулся Григорич. – И моя среди прочих ничем не лучше. Продюсер отшвырнет ее от себя в многотонную кучу макулатуры как нечто вторичное, даже не читая синопсиса. Как же сделать, чтобы заявка выстрелила?»

С этого вопроса для Григорича стали открываться тайны создания текста, который на экране будут произносить актеры, а со зрителями будет происходить чудо: они будут и пла-

кать, и смеяться, и ненавидеть и безумно влюбляться. И так будет продолжаться год, два, десять, а то и сто лет. Захочется еще раз пересматривать сюжеты, переслушивать слова, повторять их и присваивать себе, уже не отделяя себя от персонажей и чувствовать от них волшебную власть, от которой может перевернуться в человеке весь мир.

Все это будет, будет... Но будет ли? Как же научиться писать такие тексты? На пути к приобретению мастерства сценариста Григоричу предстояло постичь первую истину: чтобы понять, хороший или плохой сценарий, редактору или продюсеру не обязательно читать его весь. Достаточно просто посмотреть на логлайн или *логическую строку* (с англ. *logical line*). Собственно, логлайн это короткий пересказ всего фильма в двадцати пяти словах.

– Только в двадцати пяти? – изумился Григорич.

– Только, – подтвердил руководитель курса Кухарук и добавил: – Любую хорошую историю можно пересказать и в пяти словах. Плохие же требуют длинных и запутанных пояснений, что говорит о беспомощности сценариста, которому самому еще не ясна ни идея фильма, ни главная мысль, которую он хотел бы донести до зрителя.

– Но двадцать пять... – словно в бреду бормотал Григорич, поражаясь услышанному далее.

– Вполне достаточно, чтобы пробудить интерес у зрителя, – уверял Кухарук. – В эти слова нужно включить всего лишь: краткое описание главного героя и возникшую у него

проблему. Затем обрисовать конфликт с антагонистом и в связи с этим выразить основную цель героя, задав главный драматический вопрос, ответ на который зритель должен будет увидеть в финале. Кроме того нельзя не упомянуть то-го и что случится с героем, если он своей цели не добьется, и наконец, указать на место и время действия истории. Последнее – по необходимости.

– Немыслимо! – завопил Григорич. – Кто же сможет рассказать идею фильма в двадцать пять слов, ответив на все эти пункты, да еще чтобы кого-то заинтересовать? Мне нужно хотя бы пятьдесят.

На что руководитель школы прислал простенький на первый взгляд логлайн одного из старых американских фильмов, принесшего когда-то многие миллионы в карманы его создателей и до сих пор считавшегося шедевром.

– Вот они смогли, – приписал Кухарук и добавил кучу раздражающих смайлов.

С вялой физиономией Григорич прочитал присланный ему логлайн:

8-летний Кевин, которого случайно забывают родители, отправившись в Париж, остается один в доме, который собираются ограбить два бандита. А Кевин решает дать им отпор.

– Двадцать четыре слова... – застонал Григорич, узнав

фильм, который по правде говоря, ненавидел с детства за бездарное подражание Чаплину и Гайдаю. Но при этом он чуть не расплакался от накотившего вдруг осознания, что сценаристика – это не его стезя. Бросив же короткий взгляд на жену, которая с ободряющей улыбкой и верой в мужа, уже несла трехлитровую банку разведенного кофе, понял, что придется работать над логлайном до утра.

– Итак, – произнес сам себе Григорич, сделал глоток и задумался. – С чего же начнем?

Глава 3

Кропотливая работа над логлайном затянулась на долгие часы. Банка с кофе наполовину опустела, а измазанные чернильной краской пальцы, – Григорич по старинке любил черкать бумагу, а не электронный экран, – лихорадочно дрожали от стремительного напора их неутомимого хозяина. Лаконичный же логлайн никак не выходил и выпирал в разные стороны то какой-нибудь яркой метафорой, а то важным фактом, без которого автор считал невозможным донести до зрителя ясное понимание действий персонажа. Стараясь отталкиваться от новой формулировки идеи: *обиды, которые мы наносим, постепенно сокращают жизнь обиженному человеку, а значит все мы – убийцы и должны расплатиться за это*, Григорич призадумался. Идти по легкому пути и придумывать типичного уголовника или маньяка показалось слишком плоским решением. Нужен был иной архетип и Григорич, который все более проецировал героя на себя, подумал, что это вполне мог быть и преподаватель-самодур, который в силу своей деятельности довольно часто обижает людей, простите, студентов. В памяти всплывали разные истории, особенно экзаменационные, когда некоторых мучеников чуть ли не выносили из аудитории после часовых издевательств. Многие из тех, кому не удавалось договориться с неподкупным тираном, до сих пор особо люто ненави-

дят Григорича. Однако он не испытывал в отношении подобных неучей каких-либо угрызений и не считал себя убийцей – этаким Григоричем-истребителем невежд. Нельзя же, в конце концов, обижаться на того, кто отказывается от взятков в обмен на оценку. «Если же подобная обида, – рассуждал бывший преподаватель, – и приблизила час смерти какого-нибудь олуха, то туда ему и дорога. Пусть договаривается на том свете, а я посмотрю – удастся ли ему вернуться на следующий курс жизни».

Кроме того тема: *Преподаватель – Студент* настолько уже изъезженная и набившая оскомину, что хотелось создать персонажа нового типа, более современного и ожидаемого всей аудиторией. «А что если стендап-комик? – подумал Григорич. – На это вполне может клюнуть продюсер. Стендаперство давно уже стало субкультурой, а уж как стендаперы могут обижать – и говорить не приходится. Итак, скандальный стендапер?» Довольный неожиданной находкой, Григорич перешел к следующему пункту: проблема, с которой сталкивается главный герой. Задумался, грызя ручку. «Он обидел со сцены, скажем, мэра города. А дальше? На выходе из зала получает в челюсть от людей без лиц? Или со связанными руками его бросают в иномарку с тонированными стеклами?» Попахивало тошнотворной чернухой девяностых, которой и так полно на всех телеканалах. Григорич сразу же отверг банальный предсказуемый вариант. Его ин-

тересовала драматическая или даже мелодраматическая история об антигерое, который поначалу выглядит циничным хамом и бессовестным мерзавцем, но проходя через опасные испытания, встречая на своем пути и любовь и предательство, многое начинает осознавать, во многом раскаивается и в финале меняется в лучшую сторону.

Пока ясно было одно: Вадим Гранин (фамилия придумалась не случайно – герой все время ведет себя на грани фола с людьми, из-за чего и сам балансирует между жизнью и смертью) сталкивается с проблемой: он обидел человека, который вскорости умер. И родственник покойного... Григорич задумался: «Конфликт. Какой здесь конфликт? Это должен быть антагонист, который сильнее Вадима не физически, а морально, обладает каким-то даром, компроматом, тайной, раскрытие которой для Гранина смерти подобно. Что-нибудь эдакое, иначе зритель просто переключит на другой канал. «Антагонист...антагонистка...» От волнения у Григорича из-за никак не приходящей нужной мысли пересохло в горле. Тихонько поднявшись, чтобы не разбудить жену, которая и без того все время ворочалась и скорее всего притворялась спящей, ибо тоже волновалась, он вышел на кухню за очередной банкой кофейного напитка. Когда вернулся, Рита слегка привстала на кровати и полушепотом произнесла:

– Пусть Вадим будет виноват в смерти ее ребенка.

Банка чуть не выпала из рук Григорича. Удивленный, он

спросил:

– Тебе что-то приснилось? Спи.

– Ты просто уже полчаса вслух разговариваешь.

Наступила пауза и Рита сказала о другом.

– Мама приснилась. Давай на кладбище съездим.

– Угу, – пробурчал Григорич. – Съездим.

– Я Вову попрошу, пусть нас отвезет.

– Отвезет? – поднял брови муж.

– Мне кажется, после инцидента с Машей он чувствует вину и захочет....

Григорич усмехнулся, от чего Рита нахмурилась.

– Он и вдруг чувствует вину? Мы точно об одном и том же царьке говорим?

– Прекрати. Ты со мной?

– А как же, – задумчиво вперив глаза в стол, пробубнил Григорич. – Только давай утром поговорим, ладно? Я и так специально не включаю компьютер, чтобы он не тарахтел на твои нервы. Спи.

– К маме хочется... – прошептала Рита и снова легла. Она повернулась на другой бок и вздохнула. «Снова обидел ее, – вздохнул и Григорич. – Вот чего я такой придурок? Ритулька – единственный дорогой мне человек, без ее забот я давно бы умер. Вижу, как она страдает, как хочет всех помирить, всем помочь, как разрывается между всеми, а меня словно изнутри бесы мордуют: нет-нет да ляпну что-нибудь дрянное. Нет, я и есть мой главный герой. Прости, мася. Хм...ви-

новат в смерти ее ребенка, говоришь. То есть его враг – женщина. А он чем-то оскорбил ее сына со сцены и тот... Что же тот? Повесился? Или... Нет-нет, сложнее надо. Сложнее и неожиданней».

Впервые за последние десять лет Григорич пожалел, что бросил курить. Сигарета хоть и благодаря внушению, но всегда стимулировала его к размышлениям. Григорича зацепил антагонист. Противоборство с женщиной всегда интригует и никто никогда не знает, к чему оно приведет: к любви или ненависти, будет ли великое спасение или подлый удар в спину, а может, придется испытать все сразу – как в общем-то и случается, если имеешь дело с женщиной. Правда, Григорич решил не указывать в логлайне имя антагониста, ибо к нему полагалось добавлять и фамилию, а это еще одно лишнее слово. О лаконичности он не забывал на протяжении всей ночи, и вздрагивал как от занозы в пятке. Наделив врага Вадима коротким и емким именем – *неизвестный*, Григорич перешел к пункту: Что случится, если герой не добьется цели? Не колеблясь, автор решил, что ставка должна быть очень высокой, а именно: жизнь. Правда, для этого нужно так развить персонажа, чтобы зритель стал сопереживать ему и не находить себе места при каждой опасности, которой подвергается Вадим Гранин. Но дело осложнялось тем, что в сценарии протагонист и антагонист как бы меняются местами и зритель скорее посочувствует женщине, у

которой погиб сын, а не Вадиму, который хоть и косвенно, но все же виновен в смерти ее мальчика. «Задача», – хмурился Григорич и продолжал блуждать в дебрях сюжетных перипетий, стараясь как-то помочь выбраться своему герою из той каши, которую заварил жестокосердный автор.

А ночь постепенно стала убывать. Уже минули так называемые часы волка – с двух до четырех. Уже стало холодать, как обычно бывает под утро. Уже стали пробуждаться робким зеленым светом уличные фонари, разгораясь в более уверенный и жизнеутверждающий светло-желтый. А Григорич, который уже ничего не соображал от обилия вариантов, тупо смотрел на стопку исписанной бумаги толщиной сантиметров в шесть и спрашивал себя вслух:

– Блин! Как же теперь все это вместить в двадцать пять слов? Я столько знаю и о внутреннем мире Вадима и о его сильном и вместе с тем несчастном враге, и о той невообразимой психологической драме, которая между ними разгорится, и о тайне, которую Гранин скрывает вот уже двадцать пять лет, и о многом другом. А какой гениальный финал я придумал! Такого еще не случалось в мировом кинематографе, клянусь. Зритель ахнет на последней секунде. Возможно, разрыдается. И вот если я упущу в логлайне хоть малейшую деталь из всего придуманного, редактор ничего не поймет, скривится от скуки и равнодушно удалит заявку в корзину. Ах, а в сценарии столько вкусоностей, философии, ума

и юмора. Обидно, как же обидно будет не рассказать все зрителю до конца. Какой же я бездарно многословный.

Пока Григорич неистово жалел себя любимого, рука автоматически водила по листу, а перед глазами стояли его персонажи – как положительные, так и отрицательные – и ждали появления на свет, взволнованно смотря вдаль – в будущую жизнь, которую уготовил им неуверенный в себе автор. Они словно хотели сказать ему: «Да плюнь ты на эти двадцать пять слов. Мы скажем больше, но зато так, что мир содрогнется, а отголоски наших слов войдут в каждое сердце и поселятся в нем навсегда». Бледный, измученный автор с красными слезящимися глазами и чернильными разводами вокруг губ шептал, обращаясь к персонажам: «Простите за краткость» и вымарывая фразу за фразой, будто затягивая петли на шеях и лишая оживших героев мыслей и слов, машинально выводил на бумаге двухсотый по счету вариант логлайна:

Спасаясь от преследования неизвестной, скандальный стендапер Вадим Гранин попадает на кладбище с могилами обиженных им людей и чтобы выбраться оттуда, должен отчитаться на Суде мертвых.

– Ровно двадцать пять, – выдохнул Григорич и уронил голову на бумагу. Через минуту он уже храпел. Рита, словно и не спала, повернулась к мужу и довольная прошептала в

его сторону:

– Спокойного утра, мой милый.

Когда утром Григорич вышел на связь со своей четверкой и поделился ночными мытарствами в поисках сестры таланта, его коллеги-соученики крайне поразились. Оказалось, никто из них особо не заморачивался количеством слов в логлайне. У одного насчитывалось сорок, а у другого цифра приближалась к сотне. Еле скрывая самодовольство, Григорич искренне посочувствовал им и по-дружески высказал опасение, что Кухарук может не принять домашнее задание недоделанным. Но товарищи не беспокоились. Один из них, фонтанирующий идеями Вася Первушин, со знанием дела убеждал, что поскольку пишет шестнадцатисерийный сериал, то и логлайн должен составлять не менее ста слов. Алена Винницкая с легким равнодушием заявила, что пошла в киношколу только ради мужа, который сделал ей странный подарок на день рождения – оплатил курс обучения. А третий коллега, Геша Терехин, который витал в каких-то фантазмагорических мирах, вообще не понял, что такое логлайн. В общем, Григорич, будучи не злым, все же радовался тому, что хоть в чем-то он – везучий.

Каково же было его удивление, когда выяснилось, что двадцать пять слов в логлайне придумали американцы. А поскольку русский язык гораздо многословнее английского в плане перевода, то соответственно и количество слов может быть увеличено. Григорича возмутило, что Кухарук на заня-

тии ни словом не обмолвился об этой разнице в языках и даже напротив, лицемерно настаивал на лимите. Уже было собиравшийся написать гневное письмо руководителю курса, муж был вовремя остановлен Ритой, подоспевшей с его любимыми рыбными отбивными. Она тут же возразила:

– Не злись на Кухарука, он хоть и жестоко, но правильно поступил. Зато ты научишься коротко и ясно излагать мысли. Посмотри: актеры во всех классных фильмах не говорят слишком длинно. Все лаконично и красиво, слушаешься. А кто им пишет тексты?

– Сценарист, – ответил успокоившийся муж и принялся поглощать золотистые кусочки пангасиуса.

Логлайн был первым препятствием для Григорича, которое он не без помощи своей музы Риты успешно преодолел. Затем в процессе обучения в киношколе будут и другие, связанные и с библией героя, и с системой поворотных пунктов и точек невозврата, с разбивкой на акты и битшитами, с поэпизодниками, и массой других инструментов, мастерское владение которыми и создает в результате фильмы, которые десятилетиями могут не сходить с экранов. За несколько дней Григорич вдохновенный логлайном, написал сценарий психологической драмы с элементами мистики под названием «Колокол по тебе» и невзирая на то, что обучение в киношколе еще только началось, был убежден, что уже все умеет и никакие киношколы ему больше не нужны. Сто-

рая от нетерпения, он начал рассылать сценарий по студиям. Предлагаю и вам, дорогой читатель, почитать его в адаптированном виде.

Глава 4

Афиша на воротах парка: *Сегодня 1 сентября 2021 года известный стендап-комик Вадим Гранин со скандально-популярной программой "Ддадаже не ззаикайтесь!"*. Вадим Гранин (40) выступает в эстрадной ракушке перед публикой, уже разогретой смехом.

Вадим *(на подъеме вдохновения)*. А я что вам говорю? Стресс влияет на нас в обе стороны. Нет, конечно, можно чудотворных теток искать и молиться всем богам до усрачки, и даже песни выть. Хреня все это. А вы стрессом лечиться пробовали? Заики у нас есть? Не отвечайте – просто поднимите руки.

Несколько человек поднимают руки. Смех.

Вадим. Найдите у себя то, чего боитесь – тем и лечитесь. В детстве я заикался и жутко боялся кладбищ. Вот отец и свел меня туда на ночь. А креатив какой выдумал: голоса, огоньки, призраки. Не скучал я до самого утра. Орал так, что мертвые воскресли, а те, кто у кладбища жили, заикаться стали. Ну а я ничего – заговорил, правда, матом.

Вадим обращается к заике из публики.

Вадим. Вот вы чего боитесь? Поездов? Ха! Ищешь ж/д путь, ждешь дизеля, а сам уже в позе Карениной на рельсах затаился. Только товарища посильнее найди, пусть держит тебя до последнего, когда уже и орешь и ссышься и посинел весь. А только до поезда метр – сразу пусть дергает. И мечта сбудется. У тебя или у поезда – тут уж как повезет.

ВЕРА (31) сидит в джипе с эмблемой "Приморское лесничество" почти у самой эстрады и слушает Вадима через окно. У нее хмурое лицо, играют желваки. Она читает в ноутбуке сведения о Вадиме Гранине: фотографии Вадима, родителей и сестры. Статья под заголовком: *Заику забрало море*. Вера надевает черные очки и выходит из машины.

Вадим ходит по площадке и обращается к каждому: А У ВАС КАКАЯ МЕЧТА? Видит Веру в защитной куртке и очках.

Вадим (*восторженно*). О, какая амазонка! Подай же голос, прелестница. Если он так же прекрасен – я твой. Только, чур, не заикаться. О чем мечтаешь? Ну же!

Вера (*холодно*). Надеть на вас наручники.

Вадим. Ух ты, а шалунья с фантазией! Наручники, плетка, запах кожи, ммм. (*Изображая возбуждение.*) Ты арестуешь меня сегодня? За что?

Вера. Вы убили свою сестру 25 лет назад.

Вадим бледнеет, ему тяжело дышать, он пробирается к Вере и кричит: *Стой!* Но та уезжает.

Вадим едет в машине, он задумчив и хмур. Вспоминает 1996 год. Из ворот детдома выезжает на велосипеде ВАДИК (15), едет мимо ОЛИ (10), которая забрасывает мячик на дерево и показывает Вадику.

Оля (*жалостливо*). Вадь, ммможже...

Вадик (*отмахиваясь*). Хватит мычать. Другие слова ищи.

Оля. Не мммооо... Бббратик, не уезжай.

Вадик уезжает, Оля закусывает губу и лезет на дерево.

Оля сидит на скамейке и обрабатывает зеленкой раны на руках. У ее ног мячик. Она, заикается, но старательно поет песню: *"Да и на небе тучи, а тучи, тучи, а тучи, как люди. Как люди они одиноки. Но все-таки тучи не так жестоки да и на небе тучи"*. Вадик возвращается на велосипеде.

Вадик. Кончай выть эту дурацкую хрень!

Вадик выбивает мяч на дерево. Оля продолжает петь песню и плачет. Конец воспоминания.

Вадим резко тормозит – посреди дороги ящик. Выходит из машины, подходит ближе: это гробик в детский рост. Открывает, там порванный мячик в песке с надписью краской: *ОЛЯ*. Приходит смс: *С 40-летием, братик!* Вадим в шоке, нервно оглядывается.

Вадим (*орет в лес*). Кто ты, сука? Выходи – хуже будет.

Тишина. Вадим садится в машину и уезжает, сбив колесами гроб в кювет. Машина сворачивает на проселочную дорогу за указателем: *пос. Приморское*.

Вадим оставляет машину за двором, сам входит в калитку. Ему приходит аудио-смс. Женский голос: *"Наша Оля громко плачет. Уронила в море мячик. Тише, Олечка, не плачь. Не утонет в море мяч"*. Вадим раздражен, идет в беседку и все время оглядывается. Из-под стола достает бутылку виски и хлебает из горла. В это время откуда-то детским заикающим голосом звучит песня "Тучи". Вадим захлебывается и кашляет. Он не понимает, откуда звук.

Вадим (*орет*). Тварь! Какого хера прошлым меня терзашь? Выйди – поговорим!

Звонит телефон. Вадим вздрагивает и боится ответить.

Наконец, смотрит на дисплей и облегченно вздыхает.

Вадим. Алле! Веселюсь, мля. Какая-то сука шарманку завела на весь поселок. А?! С сорокалетием? Иди ты в жопу. Какие зайцы? Нет, силки не ставил. *(Задумывается.)* Хм, спасибо за идею. До связи.

Песня продолжается нон-стопом и все громче. Вадим вытаскивает из сарая силки и расставляет их в траве у крыльца дома. Затыкает уши лопухами, бежит в беседку, садится. Выпивает полбутылки и быстро опьянённый роняет голову на стол.

Вадим *(бубня)*. Не виноватый я. Сама она... Сама.

Вадим всхлипывает и храпит. Сон-воспоминание: 1996-й. Дикий пляж. Вадик валяется на песке, читает журнал и дремлет. Оля играет мячиком и все время кидает его Вадиду. Тот недовольно откидывает мяч далеко в воду. Оля смотрит на брата, затем бежит к морю и оглянувшись в последний раз прыгает с крутого обрыва. Оля кричит в воде. Вадим порывается к сестре, но испуганно отворачивается, будто спит. Оля тонет. Конец флэшбэка.

Вадим пробуждается от стука в забор. Песня уже не звучит. Входит Вера с обрезом в руках, направляя его на Вадим.

ма.

Вадим (*насмешливо*). О, амазонка! Какие мы грозные...

Вера передергивает затвором. Вадим смеется.

Вадим (*игриво закрываясь руками*). Ой, боюсь-боюсь. Ладно, детка, брось эту пукалку. Тебе хоть раз стрелять доводилось?

Вадим берет бутылку и хочет налить в стакан. Вера стреляет и метко выбивает стакан. Вадим в шоке.

Вадим (*испуганно*). Чего тебе надо, дура?

Вера (*сквозь зубы*). На совесть твою посмотреть, убийца.

Вадим. Мля, ты на кого гонишь?

Вера (*ровно и холодно*). Сидеть! Мой сын – заика, такой же, над какими ты насмехаешься и даешь дурацкие советы. Но ты даже не представляешь, как он страдает, как его травят в школе, унижают на улице, и как он ненавидит себя. Мы перепробовали все средства...

Вадим. Ну и к чему вся эта пурга?

Вера. Он боится высоты. Очень. И когда ты грязным языком начал варнякать о лечении стрессом... Тёма сорвался с крыши, и теперь он в коме.

Вадим (*ерничая*). Тема в коме. Стихи. Доведение до са-

моубийства, дамочка? Не выйдет. Я насильно его на крышу не толкал.

Вера злится и выстреливает в забор за спиной Вадима, разбивая висевшую на тыне банку. Вадим отшатывается.

Вера (*с надрывом*). Он искал помощи! Хоть от кого-то.

Вадим. Очень жаль, сочувствие и все такое. Но у меня шутошная программа, а не назидательная. Я бывалый чел, детка и меня на фуфле не поймаешь.

Вера холодно ухмыляется и кивает.

Вера. Я знала, что просто так тебя не поймать. Но меня тогда осенила мысль: такой хам и бездушный циник не мог не оставить по жизни грязных следов. И надо же, не ошиблась.

Вадим кусает губы и сжимает кулаки. Вытирает пот с шеи.

Вадим (*настороженно*). В смысле?

Вера. Ты ведь жил в детдоме вместе с младшей сестрой Ольгой.

Вадим. Ну да. Наши родители погибли в автокатастрофе и нас определили...

Вера. Я была в этом детдоме. Там вас помнят. Особенно тебя и твое отношение к сестре. Вместе со всеми ты смеялся

над ее заиканием, хотя знал, что оно из-за гибели родных. Но тебя это так раздражало, что ты был бы рад избавиться от Оли. И вот случай – она падает с обрыва.

Вадим. Заткнись, чокнутая! Не упала, а сама прыгнула. Никто ее не тянул в воду. Она плавать не умела.

Вера. И тебе никогда не приходило в голову, почему она решила прыгнуть?

Вадим молчит, потупив голову в стол.

Вера. Ты убил ее, зверь

Вадим (*волнуясь*). Я уснул...

Вера. Врешь! У меня есть свидетели и они подтвердят. Ты слышал ее крики о помощи и не спас. Не спас! Почему?

Вадим закрывает лицо руками, стонет и всхлипывает.

Вадим. Я просто... испугался. Больно. Как же больно-то. Зачем тебе все это?

Вера. Я хотела, чтоб ты мучился, страдал, как те, кого ты обидел. А сейчас ты пойдешь в полицию и признаешься. Станет легче, поверь. Носить в себе чувство вины столько лет – сердце не выдержит, если оно еще есть.

Вадим пьет из бутылки, икает и смотрит на Веру слезливыми глазами. Вера садится напротив и отбирает бутылку.

Вадим (*с горечью*). А ведь ты мне понравилась. Очень. Но мне никогда не везло с девушками. Правда-правда, не удивляйся. Это я на людях такой бравый. А на самом деле... Меня две жены бросили, знаешь, почему? Забеременеть не смогли. А от других смогли. Как тебя зовут, милая?

Вера сочувственно гладит его по руке.

Вера. Вера. Бедный ты, бедный. Пора тебе.

Вадим кивает, вздыхает и встает. Вера забирает у него телефон. Вадим уходит, Вера печально смотрит вслед.

За двором Вадим видит на заборе табличку: **Вадим Гранин (1981-?)**, вдруг приходит в ужас и бежит к машине. Он рыщет в бардачке, находит другой телефон и звонит в полицию.

Вадим (*шипит в трубку*). Полицию на Рымарскую, 17. Нападение чокнутой. Она...она все-равно не отпустит меня живым. Убивают. (*Кричит.*) Кто пьян?! Да, не в себе! В меня щас из обрезка стреляли, как я могу быть в себе? Тогда я приеду сам.

Вера прикладом разбивает стекло двери со стороны пас-

сажира. Вадим лихорадочно заводит машину и отъезжает.

Вера (*вскрикивая*). Лжец! Стой! Если Тема не выживет, я тебя сама убью, и полиция уже не поможет. Сдайся, пока не поздно.

Машина уезжает. Вера печально вздыхает.

Вера (*с печалью в голосе*). Куда спешишь? Знал бы – не торопился. Но раз так рвешься от правосудия, накажи себя сам. Счастливого пути и спокойной ночи. Только где он покой? Спрячься за сотней засовов, тут же задышат в затылок души обиженных. Промчи сто километров, на сто первом все равно упруешься в кладбище своей совести. Какой стресс для тебя, не правда ли? Что ж, успешного лечения.

Вера возвращается в дом Вадима.

Пьяный Вадим петляет по трассе. Поворачивает влево, вправо, вглядывается в указатели и пожимает плечами.

Вадим (*озадаченно*). Че за хреня. Куда меня занесло?

Сверкают молнии, гремит гром. У Вадима перед глазами все плывет и в это время дорогу перебегает Оля. Вадим вскрикивает, руль в сторону и машину несет в кювет.

Льет дождь. Колокольный звон. Машина перевернута, вокруг ни деревца. Вадим промок, спрятаться негде. Он видит кладбище, над оградой которого серебрится крест часовни. Вадим вынужден бежать туда.

Вадим вбегает в ворота и бежит к часовне. Стучит в дверь.

Вадим. Есть кто дома?

Слышится позвякивание ключа изнутри, сквозь узкий проем двери видна бородастая физиономия СТОРОЖА (60).

Сторож (*глухо*). Чего надо?

Вадим (*язвительно*). Чего-чего. За пирогами пришел.

Сторож. Ступай себе с Богом.

Сторож хочет закрыть дверь, но Вадим придерживает ее плечом. Сквозь проем проскальзывает острие лопаты. Вадим отступает.

Вадим. Эй, отец, не чуди. Дай хоть дождь переждать? Божий человек должен помогать просящим. Или ты кто?

Сторож отворяет дверь, но не выпускает лопату из рук.

Вадим с театрально поднятыми руками бредет в маленькое помещение. Сторож подходит к иконе Богородицы и начинает креститься. Вадим тоже пытается креститься, но чертыхается, неумело копируя движения Сторожа.

Вадим (*удивленно*). Раньше здесь я кладбища не видал.

Сторож (*хмуро*). Недавно возвели.

Вадим (*с иронией*). За ночь что ли?

Сторож молча крестится. Вадим окидывает взглядом помещение, ощупывает иконы, подходит к окну и всматривается.

Вадим. Ты со мной не шути, отец. У меня дядька в органах – один звонок и все. Понаедут архаровцы и к лесу передом, а ко мне задом. (*Наигранно.*) Отвечай, борода, че у тебя тут: бордель, малина, наркопритон? А?

Вадим смеется, растегивая мокрую рубаху. Сторож прерывает молитву и направляет лопату на Вадима. Тот сторонится. Сторож наступает и подталкивает Вадима к выходу.

Сторож (*мрачно*). А ну-ка, сын мой, ступай, не то....

Вадим (*испуганно*). Ты чего-чего? Шуток не понимаешь?

Сторож. Вон ступай из Храма Господня.

Вадим выскакивает на крыльцо, перед ним захлопывается дверь.

Вера с обрезом в руке в кабинете Вадима. Над столом на стене висят фотопортреты Вадима, Оли и их родителей. Вера снимает портрет Оли и ставит на стол.

Вера. Какие чудесные голубые глазки-колокольчики. Ольчик-колокольчик. Красивая. Как и Темочка мой.

Вытаскивает из сумки фото Темы и ставит рядом.

Вера (*вздыхая*). Бедные, бедные дети.

Вера звенит игрушечными колокольчиками.

Вадим прячется под елью у ближней могилы, на тумбе которой дощечка: Оля Гранина (1986-1996). Вадим вскрикивает.

Вадим нервно барабанит в дверь кулаками и бьет сапогами.

Вадим (*кричит*). Эй, черт старый! Открывай!

Сторож (*из-за двери*). Не богохульствуй, сын мой.

Вадим (*рукою в сторону могил*). Там! Там могила моей

сестры.

Сторож. А ты что ожидал на кладбище?

Вадим (*задыхаясь от гнева*). Как что? Ее тела не нашли!
Куда я попал, а?

Вадим решительно направляется к выходу из кладбища.

Сторож облачается в рясу, становится у иконы Богородицы.

Сторож. Куда попал... На кладбище обид попал. Все сюда попадают. Все. Только не все выбраться могут.

Сторож прикладывает свои ладони к распростертым ладоням Богородицы и потирает их. Глаза Богородицы оживают.

Вадим дергает калитку, она заперта. Ворота тоже закрыты. Он замечает колючую проволоку поверх ограды по всему периметру территории кладбища. Вадим пытается набрать номер телефона, но связь не работает. Он возвращается на могилу сестры.

Вадим напряженно всматривается в лицо сестры на фото. У креста венок с лентой, на которой золотом выведено: *От любимого брата*. Вадим зажимает глаза и мотает го-

ловой. Он хватается руками за прибитую дощечку и хочет оторвать её, но слышит детский смех из глубины могильной плиты. Вадим отшатывается, смех прекращается. Он вновь касается дощечки. Снова смех. Вадим пинает сапогами прутья ограды. Из глубины надгробья слышится голос Оли и голос ее мамы, за которую говорит сама Оля.

Оля (*плакливо*). Мам, а ппочему Вадик дддразнится?

Оля за маму. Как дддразнится?

Оля. Говорит, я ззаикаюсь. Наккажи его.

Оля за маму. Ммменя уже нет, дддоченька.

Оля. Неппправда! Для меня ты вввсегда есть. Накккажи его.

Оля за маму. Не ппплачь. Конннечно, накккажу.

Вадим (*сдавленно*). Ма...мама? Ты где? Где ты?

Оля. Он ссказал, что мне только ммморе поммможет. Надо прыгнуть и кричать, пока не ссспасут. И тогда я зззаговарю. Ппправда?

Оля за маму. Пппопробуй.

Вадим (*визгливо*). Что попробуй? Да вы что там обе?! Вы где? Олька! Мама! Поговорите со мной. Какая сука придумала этот цирк! Я же... я же шутил, Ольчик!

Вадим тяжело дышит, утирает слезы и потирает грудь. Он мечется, оббегает могилу несколько раз, высматривая, откуда могут доноситься голоса. Убегает к часовне.

Вадим вновь барабанит по двери. За ней слышен лязг лопаты.

Вадим (*зло*). Слышь! Что за игры такие, а? Пусти!

Сторож. Чего тебе нужно?

Вадим. Мне?! Мне Бог нужен.

Сторож. Да неужто? Как же ты, мил человек, все годы без Него обходился?

Вадим (*умоляя*). Послушай. Послушай меня, дедушка.

Сторож (*глухо*). Поздно. Теперь ты их слушай – обиженных.

Вадим (*испуганно*). Кого – их? Они же все давно...

За дверью слышится топот удаляющихся ног. Вадим пытается плечом вышибить дверь, но падает в грязь. Встает и медленно направляется к могилам, беспрестанно крестясь.

Вадим бредет мимо могил, читает надписи. Каждая могила разговаривает прижизненным голосом покойника. У одной Вадим читает надпись на ленте венка: *От лучшего друга.*

Вадим (*читает табличку*). Берман. Петька? 1981-1995.

Голос Петьки. ...мама, а разве еврей – это смешно? Почему тогда все смеялись? И Вадька с ними...

Вадим кусает губы.

Вадим. А я тут при чем?

Эхо: При чем....при чем...

Вадим проходит дальше, попадает в зону следующей могилы и тут же звучит голос взрослой девушки. Вадим вздрагивает.

Вадим. Ирка! Тебя тоже нет? 1984-2006.

Голос Ирки. ...никто меня не бросал. Он погиб. Ничего!
Сама рожу, сама воспитаю.

Вадим пытается отыскать на кресте динамик. Читает ленту на венке: *От настоящего мужчины*. Вадим закрывает уши ладонями.

Вадим. Неправда. Я просто не знал...

Эхо: Сбежал...сбежал...

Он мечется среди могил, стонет и рычит.

Вадим (*читая имена*). Инна Сергеевна... Ольховский... Кто вы такие? А это что за старуха? Ох, бабулечка. Но тебя-то чем я обидел?

Эхо: Обидел... обидел...

Вадим. Не смей! Ты бы все равно умерла.

Он читает ленту на венке: *От заботливого внука*. Вадим выбегает на просеку и с ужасом слышит, как голоса начинают разговаривать между собой о своем – прижизненном.

Вадим (*орет*). Заткнитесь! Кто вы такие, чтобы осуждать меня? Я столько пережил, столько нахлебался, а вы? Что вы знаете о жизни и обо мне? Нет у вас права судить живых. Вы все – покойники, так успокойтесь же!

Эхо: И ты... И ты...

Звонок Вере. Она слушает, кивает, бледнеет и закрывает глаза.

Вера (*глухо*). Умер. Мой Темочка...

Вера берет фото Темы и прижимает к груди. Она стреляет по окнам, в зеркала, и наконец, стреляет в портрет Вадима.

За окном слышатся сирены полицейских машин. Вера выскакивает на крыльцо. Сбегает со ступенек и попадает в силлок. Вера падает и случайно нажимает на курок обреза дулом в шею. Выстрел.

С могил срываются ленты, опутывают Вадима и начинают душиить.

Вадим (*сдавленно*). За что?

На лентах надписи: *За предательство! За ложь! За трусость!* Колокольный набат. Вадим отбегает к пожарному щитку, хватается лопату и ведро. Стуча ими друг о дружку, криво усмехаясь, ходит вдоль могил и бьет по оградкам, ломает кресты и сбивает таблички. В ответ слышит отзвуки:

Дзинь! Зверь! Дзинь! Зверь!

Вадим рычит и трясет кресты за перекладки, словно за плечи. Мечется по кладбищу, подбегает к Сторожу, который копает яму.

Вадим (*в истерике*). Чего удумал, отец? Квартирку мне на тот свет роешь! Я жить хочу!

Вадим пытается вырвать у Сторожа лопату, но падает в яму.

Вадим открывает глаза, ощущает себя в свежевырытой яме и стонет. Сверху Сторож выливает на него ведро воды.

Вадим (*вяло*). Где я

Сторож. Все там же. Как ты, сын мой?

Вадим хочет приподняться, но что-то его держит снизу.

Вадим (*еле шевеля губами*). Если я виноват, пусть меня судит Небо, а не мертвецы.

Сторож. Но сначала надо умереть на земле.

Вадим (*ехидно*). Разве я их всех убил? Многих даже не знаю. Шалимов, например?

Сторож. Ты не уступил инвалиду место.

Вадим (*ухмыляясь*). И это все? Не понимаю.

Сторож. Любая обида – вроде бы мелочь, но тем самым ты на миг приблизил чью-то смерть. Каждая обида – капля в чашу грехов, из которой пьет твоя совесть. Пьет и травится. И чем больше пьет, тем сильнее угасает, а чаша все наполняется. И чем полнее она становится, тем меньше совести остается в тебе. Меньше человеческого и больше звериного. А сегодня твоя совесть задохнулась в силках.

Вадим оглядывает яму.

Вадим (*мрачно и с горечью*). Так значит, меня здесь и погребут. Хоромы. Но здесь места на двоих.

Сторож (*печально*). Эта яма не для тебя.

Сторож уходит. Вадим задумывается и вскрикивает. Нервными движениями нащупывает на земле телефон и дрожащими пальцами набирает разные номера. Наконец, ему отвечают.

Вадим (*волнуясь*). Ттттетя Рррита! Сссоседушка моя. Ппппростите за все. А помните...помните... Господи! Вспом-

ните сами и за все простите. Ссходите ко мне, в траве у кккрыльца силки, я зззабыл. Там...там... жжженщина...

Вадим осекается: над ямой показывается фигура Веры с Темой на руках. Вадим стонет, вскакивает, протягивает руки к Вере, но виском ударяется об острие лопаты Сторожа и падает навзничь.

Вадим (*тихо*). Ты мне очень нравилась. Эх, если бы... один шанс...простите...

Перед глазами Вадима кровавый туман. Звучит приглушенный погребальный звон колокола. Все глуше и глуше.

Вадик вскакивает на покрывале и лихорадочно ощупывает себя. Бросает удивленный взгляд на транзистор, в отражении стекла которого пытается разглядеть свое лицо. Звучат слова песни: "Тучи". Вадик хватает газету и присвистывает: *19 августа 1996 года*. Смотрит на Олю, которая бежит к обрыву за мячом и бросается вслед за сестрой.

Вадик (*хрипло*). Олька... Стой! Стой же, пожалуйста. Оля бросается с обрыва. За ней Вадик.

Вадик вытаскивает Олю на берег и трясет ее. Она открывает глаза и молчит.

Вадик (*дрожащими губами*). Не молчи... Почему ты молчишь?

Оля (*плаксиво*). Ты ссснова бббудешь смеяться.

Вадик прижимает Олю к себе и целует.

Вадик (*плачет*). Никогда, сестренка. Никогда. Мне сей-час вся жизнь приснилась.

Оля (*удивленно*). Каккая жизнь, Вадь?

Вадик (*вздыхая*). Никакая, Ольчик. Ваще никакая.

Оля. Бббедный мой, бедный.

Оля обнимает брата. Колокольный благовест.

Весь день у Григорича было приподнятое настроение, будто сегодня тридцать первое декабря. Рита тоже радовалась за мужа и с предвкушением мечтала о новой жизни.

– Мы обязательно купим квартиру на первом этаже, чтобы можно было сделать веранду. Поставим там диванчик и телевизор. Хочется всегда свежего воздуха.

Григорич обнимал супругу и добавлял:

– Веранда будет выходить не во двор, а в тихий садик с сиренью.

– Нет, лучше с яблонями, – целуя мужа, говорила Рита.

– Лучше, – соглашался муж.

– Милый, я с Вовой договорилась, он отвезет нас сегодня на кладбище к маме. Только надо купить покушать в дорогу, все-таки почти час ехать.

Пока Рита хозяйничала на кухне, Григорич отправился за покупками в супермаркет.

Он словно летел на крыльях, все казалось ему праздничным, люди приветливыми, а недавние склоки с Быдловичами отошли так далеко, такими представлялись тусклыми и эфемерными, что будто их совсем не было. Григорич шел медленно, специально обходил квартал и засматривался на балконы, сады и окрестности, мечтая, как они с Ритулькой будут здесь счастливо жить. Проходил дальше, встречался с еще более живописным местом и тут же влюблялся в него. Затем были и другие красоты, от которых часто билось сердце и сдавливало виски. Сопровождаемый радужными фантазиями, Григорич, наконец, добрался до супермаркета АТБ. Сегодня ему везло: все продукты, даже давно исчезнувшие из ассортимента, вдруг появились и Григорич набрал полную тележку с верхом. Он уже направился к кассе, как услышал знакомые голоса из соседнего ряда. Язвительный тон Маши и недовольный бас Вована спутать было невозможно ни с чем другим.

– Какой в жопу корпоратив, Мань?

– Такой! Все наши там будут, а я как дура что ли?

– Ну, так заработай, чтобы стать умной.

– Короче, дай денег.

– Мне шо, почку продать? Где их взять? Я и так машину на ремонт ставлю. Вот свезу мамашу твою в деревню на кладбище и все.

– В деревню? Тю, так вот и деньги.

– В смысле?

– В коромысле. Возьми с нее за проезд.

– Ты шо, прикалываешься? С мамы?

– И че? Только не сегодня вези, а завтра.

– Чего это ты раскомандовалась?

– Дурачок, завтра тариф праздничный – двойной. Или тройной. Короче, тебя что, учить надо?

– Хитруля ты моя.

Григорич окаменел. В горле его пересохло, он отъехал с тележкой как можно дальше, с ужасом оглядываясь назад, словно спасался от смертельной опасности. Завернув за паллеты с баклажками, он машинально взял с полки бутылочку воды, вскрыл и хлебнул из горлышка. В ушах звучал довольный голос Вована: «Хитруля ты моя».

– Поистине хитрость – ум дураков, – пробурчал Григорич и поспешил к кассе.

Через полчаса он появился дома и застал Риту в расстроенных чувствах, как и ожидал. В лице ее чувствовалось напряжение, глаза она отводила в сторону и губы все время дрожали. Григорич не стал спрашивать, что случилось, но понял, что Вован уже звонил.

– Одевайся, – спокойно сказал Григорич Рите, – подавая плащ.

Рита смотрела на Григорича глазами побитой собаки.

– Ты только не сердись, но Вова просто.... Он не может сегодня.

– А когда? Завтра?

Бегающие глаза Риты наполнились слезами. Она молча кивнула и уткнулась носом в грудь мужа.

– Мы поедем сейчас, – прошептал тот.

– Как сейчас? – удивилась жена.

– За окном Сашка ждет.

– Сашка?

– Муж моей сестры, забыла?

– Нет, но сколько...

– Что сколько?

– Сколько это будет стоить?

Григорич схватил жену за плечи и пристально посмотрел ей в глаза.

– У нас в семье не принято брать денег с родни за проезд, – твердо произнес муж.

Рита прикусила губу. С надрывом она сказала:

– Я уверена, что это все Вова. Если бы моя дочь узнала, она бы при всем своем мерзком характере пристыдила бы его. Веришь? Веришь мне? Я скажу ей. Давай я все ей расскажу и он...

Григорич глубоко вздохнул и прижал к себе Риту.

– Я верю только в одно: пусть рано или поздно, но каждому за все обиды придется ответить самым непредсказуемым образом.

Через пять минут Григорич с Ритой уже выходили из квартиры.

Глава 5

Несмотря на то, что кладбище, судя по заброшенным надгробиям и полусгнившим крестам, разменяло уже как минимум лет семьдесят, узкие тропки вдоль самих участков были посыпаны песком, деревья ухожены и все вокруг выглядело более-менее облагороженным. С известной долей эстетического вкуса работниками кладбища были высажены живые изгороди из лавровишни, над которыми высились, склоняясь над могилами, задумчивые древние дубы. На всех перекрестках кивала разноцветными кронами благоухающая сирень и казалось бы, иди и любуйся, особенно если ты творческая личность и жаждешь зачерпнуть немного вдохновенья у сил природы. Но Григорич лениво брел, тупо уткнувшись в смартфон, и не замечал вокруг ничего. Не только потому, что изнемогал от желания получить сообщение на электронную почту от какой-нибудь киностудии, но еще и потому что избегал смотреть на могилы. Скрывать тут было нечего: Григорич с самого детства ужасно – до икоты в груди и слабости в коленках – боялся кладбищ.

Сегодня, тем не менее, он оставался невозмутим благодаря счастливой возможности побывать в шкуре своего персонажа Вадима из «Колокола по тебе», которому, если вы помните, пришлось многое пережить на кладбище обиженных ним людей. Григоричу показалось, что собственным по-

гружением в локации, он сможет лучше понять переживания героя и возможно влить в неостребованный сценарий каких-нибудь свежих идей, коих предостаточно рождается в подобном месте вечного упокоения. В любом случае, автор, принеся свой животный страх перед кладбищем в жертву ради искусства, готов был постичь доселе неведомую ему истину для стопроцентной экранизации своего творения. Готов был увидеть, но что-то ничего не виделось и не грезилось. Рита ушла далеко вперед, и Григорич, тут же почувствовавший себя среди улыбающихся фотографий на могильных тумбах не в своей тарелке, немедленно поспешил к жене, перебирая ватными ногами – подальше от странного оксюморона.

Они оба искали нужную могилу, где похоронена мама Риты – Ираида Коламбусовна. Сколько раз, в основном на пасху, дочь приезжала сюда – то к бабушке, то потом к маме – а все путалась на местности и сворачивала обязательно куда-то не туда. И сейчас, нервничая от отчаянных попыток, Рите было не до комплексов мужа. Она читала молитву и корила себя плачущим тоном:

– Это все из-за того, что мы долго не были на могилке, вот покойники обиделись и путают нас. Мамочка, прости, прости меня. Но из-за проклятого карантина мы не могли приехать раньше.

Григорича тоже напрягало положение заблудившихся

странников. К тому же холодеющей спиной он фантазировал, будто кто-то из могилы уже наблюдает за ним и вот-вот заговорит, как с Вадимом. Практичная Рита предложила разделить и искать могилку в разных секторах, но муж категорически отказался хоть на шаг отставать от жены. Лишь когда Рита хорошенько на него гаркнула, Григорич обиженно сунул в рот две таблетки корвалтаба и с выпрыгивающим из груди сердцем покорно поплелся в другую сторону. Слава Богу, невдалеке оказались еще люди, занятые покраской ограды, и с соотношением живых к мертвым стало немного легче дышать. А уже минуты через две откуда-то из-за густых ветвей орешника до слуха Григорича донесся радостный возглас и его жены о том, что могила, наконец, найдена.

Это был почти самый край кладбища, утопающий в зарослях березки, выюнка и плотной стены из крапивы и лопухов. Пока Григорич, вооружившись тяткой и топориком, вовел с бурьяном, выпалывая и выкорчевывая упругие скользкие корни лебеды и полыни, Рита вполголоса разговаривала с мамой, покашливала и поглаживала ладонью фотографию седой женщины. С волнением рассказывала она о дочери, делилась, как тяжело ее Машеньке с мужем, с детьми и со своим характером. Говорила о своих внучках, радостно общалась, что Ирочка с Кирой просили поклониться бабушке Ираиде и сказать, что помнят и любят ее. Григорич только вздыхал и недовольно бурчал, ведь ничего подобного никто из Быдловичей не просил, даже и не думал просить. Но Гри-

горич не мешал Рите, он понимал, насколько упорно его жена-миротворительница мечтала и продолжает мечтать о большой и любящей семье, которой, в общем-то, не существовало, но у могилки она скрывала от мамы горькую правду, чтобы ту по привычке не огорчать. Григорич прекрасно понимал, что мечты разрушать нельзя, а если неустанно их фантазировать, то однажды они могут и сбыться. Когда с зарослями было покончено, цветы посажены, земля посыпана песком, а ограда покрашена, довольная Рита попрощалась с мамой и сказала Григоричу, что надо бы обновить фотографию на памятнике. Для этого они решили пройтись по деревне и заглянуть в старый родительский дом, где прошло детство Риты, чтобы поискать старые фотоальбомы. Где-то в них были вложены и новые фото мамы Риты.

Дом показался Рите очень маленьким и совершенно заброшенным после смерти Ираиды Коламбусовны. Читатель с удивлением может заметить: «Позвольте! Так вот же готовый вариант. Съезжайте от Быдловичей и живите, кто мешает? И не надо заморачиваться идти длиннющим путем, выдумывая странные истории с сомнительными героями». Эх, а вы думали, что Григорич с Ритой не думали об этом? Но условия проживания в сельской развалюхе были совсем нежилыми. Сам домик располагался на краю леса возле химбазы, на которой непонятно что хранилось. Когда-то до революции в этих краях протекала чистая речка Нетечь, но уже

тогда на ней установили шерстомойки и за сто лет превратили реку в болото. Но людям нужно было где-то строиться и семье Риты предложили обустраиваться и те, надеясь на светлое будущее, когда и сюда придет цивилизация, здесь и осели. Цивилизацией в этой деревне не запахло и до сих пор. До ближайшей автобусной остановки минут сорок по грунтовке и это в хорошую погоду, а если слякоть после дождя или сугробы после снегопада, то и больше часа. Рядом ни одного магазинчика или хотя бы просто ларька. Как только начинало темнеть – сразу становилось тоскливо, ибо кроме совсем древних стариков и старух, доживавших свой век да нескольких домов армяшек, в селе никто больше не жил. Забор вокруг дома шатался даже от легкого порыва ветра. Старый сарай разваливался, а в погребе постоянно стояла вода, квакали жабы и ползали змеи. Железо на крыше довоенного домика давно проржавело, лаги прогнили, и во время дождя шла неустанная беготня по дому с тазиками, подставляя их под многочисленные ручейки из-под потолка. Пол в комнатах был настолько холодным – и зимой, и летом, – что казалось, будто его и вовсе не существовало, а ты идешь в тапочках по сырой земле и увязаешь в болоте. Все постепенно трещало, сыпалось и требовало огромных, но бессмысленных вложений. Ну а теперь, после смерти Ираиды Колабусовны Рита не могла и несколько часов усидеть в доме, наполненном самыми яркими и живыми воспоминаниями ее детства. На каждый скрип половицы она оборачивалась с надеждой,

на любой звон посуды на кухне она бежала с улыбкой. В действительности же давным-давно угасли последние надежды и стерлись с лиц когда-то счастливые улыбки. Нет, Рита не могла больше жить в этом доме. Покупатели тоже не горели желанием покупать недвижимость без удобств. Перебои со светом, замерзающий водопровод зимой и дорогущее печное отопление отпугивали даже самых оптимистически настроенных клиентов.

Примостившись кое-как на стареньком диванчике, Рита с Григоричем сидели и рассматривали старые-старые фото семьи, из которой в живых осталась теперь одна только Рита. Новых фотографий не нашли, но Григорич понимал, что Рите просто нужен был повод прийти сюда. А если ей надо, то лучше послушаться, ибо у его жены иногда возникает внутренняя потребность что-то сделать такое, без чего она просто задохнется. С каждой комментируемой фотографией в Рите происходили абсолютно реальные метаморфозы – в ней восторгался и радовался ребенок, морщинки вокруг глаз исчезли, а сами глаза сияли, и только чуть вздрагивали руки, выдавая предательское волнение от горького осознания необратимости времени.

– Смотри, – говорила она дрожащим голосом, показывая на фото роскошной молодой женщины в панаме и пляжном халате.

– Актриса! – изумился Григорич. – А куколка у нее на

руках дорогая, небось?

– Бесценная! – воскликнула Рита. – Это мы с мамулей в Симеизе на море. Жили так высоко в горах, туда даже комары не долетали. Зато природа какая – чудо. Там «Неуловимых мстителей снимали». И мы с мамой даже где-то в массовке на рынке.

– А это кто? – спрашивал муж, глядя на фото двух дам в роскошных платьях.

– О, – захлопала в ладошки Рита. – Это две подруги моей бабы Зины, они из Белгорода – Кира и Мира. Такие аристократические дамы, ой, что ты! Мы очень любили приезжать к ним из Харькова в гости. Ах, ты не представляешь, как вкусно нас кормили бульоном с пирожками. А сколько интересных историй они знали, и как умели рассказывать – заслушаешься. Вот одна из них, не помню точно кто, переписывалась даже с Индирой Ганди. Да и моя бабушка тоже княжеских польских кровей, из рода Муравецких, между прочим. Ой, куда мы с бабушкой только ни ездили. Я обожала ее. Особенно когда она меня отмажет от школы и мы прям с утра сначала блинчиков напечем, потом обязательно я сыграю на пианино и мы с бабушкой споем, и конечно же посмотрим «Четыре танкиста и собака». Как было хорошо. А вот, смотри, какая я была пухленькая. А в этом пальто мама упала в грязную лужу, я зашлась хохотом, а мама сильно на меня тогда обиделась. Я только потом узнала, что она почти всю зарплату на пальто истратила. Знаешь, мне до сих пор

кажется, что она обижается.

Губы Риты поджались, она отвела глаза в сторону и прикладывая фото мамы к глазам, о чем-то стала шептать.

Среди фотографий нашелся и пожелтевший, сложенный вчетверо листочек бумаги, с проступавшей наизнанку уже почти выцветшей печатью. Это была справка на имя Вардаевой Ираиды Коламбусовны о реабилитации ее отца. На удивленный взгляд Григорича Рита ответила, что отец мамы – перс. Он приехал в Харьков учиться, потом познакомился с бабушкой и женился. Вскоре родилась Ираида, а Коламбус уехал работать в Полтаву, да там и пропал в 1938 году. О его гибели сообщили только 1941-ом, что якобы в гараж, где он работал автомехаником, попала бомба, но тела так и не нашли. Уже после войны выяснилось, что на самом деле отца Ираиды репрессировали еще в 1938-ом. Ираида росла без отца и практически без матери, которая круглосуточно работала и обращалась с всегда одинокой дочерью довольно сухо и строго. Маленькая Ираида, сидя дома в оккупированном фашистами Харькове, читала книжки о любви и семейном счастье, особенно одну – «Гордость и предубеждение» – зачитала до дыр, играла в собственный домашний театр и мечтала о счастье. Но до конца дней своих боялась чего-то и даже просила, чтобы ее называли не Коламбусовной, а Николаевой. И когда у самой Ираиды появилась Риточка, она до дрожи в коленках и иголок в пятках почувствовала несказанное женское счастье. И практически сразу стала мечтать,

чтобы у дочери сложилась полноценная дружная семья. Ираида Коламбусовна всегда всех защищала, ненавидя всякие скандалы. Тому и Риту учила: «Не ссорься в семье, живи в мире, береги и люби ближних своих. Прощай им глупые поступки, ибо все мы несовершенны и зачастую не ведаем, что творим. Люби и прощай, ибо, если потеряешь их – потеряешь и себя». И Рита слишком хорошо усвоила уроки матери.

Сейчас за разглядыванием старых фото вернулось все – детство с заплатанным пальтишком, поездки с бабушкой на Конный рынок за кровяной колбаской и топленым молоком, школа с непременно прогулами и юность с первыми увлечениями и бегством на море втайне от мамы. Ах, сколько всего было...было...было. Из груди Риты вдруг выплеснулись рыдания. Григорич охватив ладонями голову жены.

– Что случилось, мася?

– Знаешь, – всхлипывая, ответила Рита. – Я только сейчас поняла, как очень люблю свою маму и бабушку... и тебя тоже. А ты? Ты меня любишь?

И Рита снова зашлась слезами. Осыпая поцелуями все лицо жены, Григорич успокаивал ее и шептал:

– Люблю.... Люблю... люблю.

Немного придя в себя, Рита попросила мужа запихнуть все фото в альбомы, сложить их в один картонный ящик и поставить его на шкаф.

– Если когда-нибудь продадим дом, – твердо сказала Ри-

та, – обязательно заберем его.

– Если... – горько вздохнул Григорич и пошел выполнять просьбу, осторожно ступая по продавленному скрипучему полу. А вернувшись обратно в комнату, он с удивлением взглянул на жену, сидевшую на диване. Она показалась Григоричу такой помолодевшей, такой свежей и блистательной дамой света с гордо поднятой грудью и упругими бедрами. От Риты повеяло такой опьяняющей энергией жизни, в голосе ее появились такие сочные нотки игривости, а в глазах засверкала такая забытая губительная страсть, что Григорич вдруг очень сильно захотел свою жену. Они не сговариваясь, выбежали из дома и прорубая путь, – Григорич топором, а Рита лопатой, – ринулись через заросли сада в летний душ.

Вскоре в маленькой кабинке уже зажурчала вода, задрожали ветхие доски и послышались глубокие сладостные стоны. Спустя час супруги уже сидели в машине зятя Сашки, который снова заехал за ними, как вдруг Рита предложила мужу, который нервничал от того, что никто ему не пишет со студий:

– Слушай, а пусть Машка с Вовой занимаются домом, а? Они ребята молодые, ушлые, знают всякие лазейки и как к чему подступиться. Тебе ведь всегда некогда, я так вообще не приспособлена к подобному бизнесу. Вдруг получится продать.

– Не знаю... – скептически промямли Григорич. – Ну, продадим и что дальше?

– Купим однокомнатную квартиру.

– Ты думаешь, они вчетвером уйдут в однушку?

– Дурачок, – покрутила пальчиком у виска Рита. – Мы уйдем в однокомнатную.

Григорич посмотрел на кивающую головой и уже все решившую жену, которая добавила:

– Но ты все равно занимайся сценариями, у тебя отлично получается.

– Мда уж, получается... – вздохнул Григорич и махнул рукой. – Ладно, но все равно, даже если купим квартиру, это будет твоя однушка. Не думай, что я на нее стану претендовать. На свою жилплощадь я заработаю сам.

Рита улыбнулась и поцеловала мужа в шею.

– Ах, как вы щепетильны и благородны, сэр.

Оба рассмеялись.

Всю неделю Григорич бомбил студии вопросами, отправлял новые заявки по новым адресам, все беспощаднее и беспощаднее вымарывая самые дорогие сюжетные куски и максимально сокращая характеристики персонажей. Под безжалостную редакторскую правку попадали целые сцены и эпизоды, порою изменяя всю сюжетную линию. В конце концов, когда Григорич прочитал то, что у него получилось после многочисленных купюр, он вернул все обратно и заорал: «Да что вам не так? Классный сценарий! Идите вы все на хер!» Испуганная Рита прибежала из кухни и поспешила обнять

мужа, шепча на ушко свои волшебные нежности, от которых Григорич стал постепенно успокаиваться. Однако вскоре волны негодования с еще большей силой стали накатывать на него, и в сопроводительных письмах Григорич уже не стеснялся в грубых выражениях по адресу редакторов. Одной студии, которая вообще никак не реагировала на его заявки, он написал прямо: «Я что, на кладбище пишу?» Там словно бы ждали подобного выплеска, на который тотчас последовала явно заготовленная фраза: «Из-за огромного количества писем, приходящих ежедневно, наша киностудия оставляет за собой право не отвечать на непринятые заявки».

Григорич с возмущением бросал обратно: «Неужели совсем не подходит? Вы хоть объясните, что переделать, может быть не все так плохо?»

И вновь – мертвая тишина. Григорич пытался как-то оправдывать молчание, мол, у них каждая минута на счету, а в день на почту приходят сотни заявок, синопсисов и сценариев и надо всем уделить внимание. Но тут же сам же себе парировал: «Судя по количеству того дерьма, которое снимают, они могли бы стать как-то разборчивее и свою занятость более разумно оптимизировать, не закливаясь на бездарно пошлых *мылодрамах*». Его никто не хотел слышать, и тогда Григорич решил подойти к штурму крепости киноиндустрии с другой стороны: написать актерам и режиссерам. Впрочем, актерам писать он почти сразу же передуд-

мал, считая тех людьми подневольными, которые тоже толпами штурмуют кастинги, чтобы хоть как-то и хоть в чем-то засветиться. Они могут лишь посочувствовать собрату по несчастью и выразить надежду, что если Григорич отыщет нужного режиссера, который бы взялся за его сценарий, а тот в свою очередь подключит нужного продюсера, то может быть, что-то и сложится.

Перспектива казалась смутной, но начинающий автор сценарий решил через Фейсбук обратиться к режиссерам. Григорич выбирал таких мастеров, которым по сюжету, теме или жанру могла быть близка тема «Колокола по тебе». И к удивлению он получил отзывы, которые, правда, не очень обрадовали. После прочтения сценария один выдал приговор: «Чернуха». Другой долго и пространно объяснял, что «...сюжет неплохой, но у вас весь фильм – это сон, а зрителя обманывать нельзя». Никакой пользы от таких приговоров Григорич не получил и почувствовал себя брошенным. В голове искоркой вспыхнула шальная мысль: «А не бросить ли все это, все равно если продадим дом, то.....» И в тот же момент на почту пришло сообщение от редакторши киностудии. Карина извинилась за долгий ответ, ссылаясь на то, что летом все на съемочных площадках и редко читают новые сценарии. Вполне ясно и лаконично она объяснила: «Уважаемый коллега, У вас история о герое, который каждый день занимается своим делом и решает проблемы свое-

го прошлого. Знаете, сколько заявок подобного рода мы получаем ежедневно? Океаны. Такой сценарий у вас никто не купит, поверьте. Убыточный он. Разве что его вытянет супер-режиссер вместе с супер-актером. Но суперы не возьмутся за сценарий новичка. Я понимаю, насколько вам дорог ваш персонаж и это кладбище обид, но... Вам нужно не кромсать свой сценарий, а создать другой – хай-концепт, понимаете?» Григорич мало что понял, но был настолько парализован тем, что с ним поговорили уважительно и на профессиональном жаргоне, обращаясь как к коллеге, что даже забыл спросить, что же означает загадочный термин «хай-концепт». Спустя минуты три после схлынувшей эйфории Григорич таки вновь написал девушке, но уже не получил ответа. «Бюро добрых услуг закрылось», – усмехнулся он и стиснул зубы. О хай-концепте он решил справиться у Кухарука в киношколе. Тот долго не отвечал по Вайберу, потом долго мялся, словно боялся выдать государственную тайну, но все же признался:

– В коммерческом кино действительно больше востребованы хай-концептуальные фильмы. Хай-концепт – это новая оригинальная и при этом очень простая идея, и именно – идея, а не новый персонаж. Что там персонажи? Все их архетипы уже сотни раз повторялись, только с новыми деталями и что? Даже ваш Вадим Гранин: стендапер со своими проблемами и тайной прошлого. До тошноты скучно и миллион раз было. А вы увлеките насмотренного зрителя интересной

идеями – вот, что нужно! Так что идите.

– Куда идти? – переспросил озадаченный сценарист.

– На улицу, – твердо ответил Кухарук. – Гуляйте по паркам, заходите в магазины, торгуйтесь на базарах, подслушивайте, подглядывайте и все записывайте.

Григорич хмыкнул:

– А смысл? Куда ни глянь – везде банальщина. Что не придумаешь – все уже было.

– Неправда, – спокойно отвечал Кухарук. – Если бы так же думал тот, кто снял историю о человеке с загипсованной рукой или тот, кто придумал парня, попавшего на машине времени в прошлое, или...

– Стойте... Но это ж фигня.

– Могло бы стать, но режиссеры действовали по простому и весьма эффективному принципу: «А что если...».

– А что если? – переспросил Григорич. – Вы нас этому не учили.

– Будете должны, когда разбогатеете, – засмеялся Кухарук. – Просто они щелкнули пальцами, и один из них в загипсованную руку вложил бриллианты, а другой заставил парня в прошлом посорить своих будущих родителей и оказаться на грани исчезновения из настоящего.

– Мда... Да, тут недюжинной фантазией нужно обладать.

– Не более чем у любого ребенка, – спокойно возразил директор киношколы. – В конце концов, не боги горшки обжигали. На любую банальную ситуацию попробуйте посмотр-

реть как на завязку истории: просто щелкните пальцами и представьте, что в очереди в магазине вы встретили человека, который, скажем, умер месяц назад.

Григорич застыл.

– То есть.... Как это может быть?

– В кино, мой дорогой, может быть все, что заблагорассудится старой госпоже Фантазии. Придумайте, что одна фирма предлагает родственникам для утешения их скорби по ушедшим родным любопытное лекарство: клонирование покойников. Представляете, что выйдет, если желающих иметь при себе давно мертвых, но воссозданных родных, друзей или даже врагов с искусственным интеллектом, точным копированием движений, манер, голоса, привычек и т.д. окажется слишком много? Сюжет?

– Сюжет, но... – засомневался Григорич.

– Или вы вышли на улицу: широкий проспект с сумасшедшим движением, а посреди дороги на месте постового стоит не гаишник, а священник и крутите-крутите, придумывайте завязку и как можно проблем персонажу, переворачивая все с ног на голову, и рассыпая постоянные непредсказуемые крючки. Интригуйте зрителя, предлагайте ему самому предсказать, что будет дальше, и пусть он обалдеет: «Как! Кто бы мог подумать!» Вот это непредсказуемое «Кто бы мог подумать» в вашем сценарии должно быть в каждой сцене. В каждой, понимаете? В конце концов, смотрите новости – бесценный материал. Можно наткнуться на уникальную идею.

– Да какие у нас в городе новости...

– Сегодня, – сказал Кухарук, – я слышал, у вас в Харькове хотели снести памятник маршалу Жукову.

– А, да. Ну и что? Памятником больше, памятником меньше. Пошумят и разойдутся. Так и с Лениными было. Что тут интересного?

– Вы забыли щелкнуть пальцами, мой дорогой, – уклончиво ответил Кухарук и отключился.

После разговора с директором киношколы Григорич пребывал в замешательстве. Ему казалось, что принцип «А что если...» это уж слишком примитивный способ создания шедевров и Кухарук просто-напросто посмеялся над ним. «Он просто не хочет выдавать секретов сценарного мастерства, – решил Григорич. – Так я никогда не пробью стену. Надо что-то делать...» Он встал из-за стола и вышел в коридор. Из кухни послышался голос Риты, которая о чем-то очень эмоционально разговаривала с Машей по телефону. Григорич не сразу понял, Рита злилась или радовалась, впрочем, по ее улыбке, брошенной в сторону мужа, тот сообразил, что пока несносная доченька не успела испортить настроение матери. После разговора Рита обняла Григорича и он понял: будет очередная просьба, и она явно связана с Машей. Григорич не ошибся: Маша просила забрать Ирочку из садика, так как у поглощенных поисками покупателей дома, Вована с Машей совершенно не хватает времени. Григорич давно уже заметил, что если он во что-то глубоко погружен, если

занят выше крыши и особенно в те моменты когда ни черта не получается или что-то потерялось и никак не находится, а вдобавок еще и цейтнот – обязательно нарисуеться кто-то, чтобы нагрузить Григорича чем-то своим – более важным и более срочным. Но на этот раз Григорич не возникал. «Лишь бы все сложилось» – подумал он, молча влез в ботинки, накинул на плечи плащ и вышел из дому.

Глава 6

В этот на удивление прохладный августовский вечер Григорич шел по школьной аллее вдоль клумб с оранжевыми лилиями, и уже виднелась решетка забора детского садика, а в голове кружился вопрос: «А что если?» Кружился-кружился, но ни на чем не останавливался. Вокруг все выглядело вполне обыденным и традиционным. Вон по левую сторону от Григорича возле киоска стоял традиционный пьяный и по традиции ссорился с продавщицей. А вот на школьном стадионе традиционные дворовые бугаи, насыщая атмосферу традиционной матерщиной, пинали мяч. Дети традиционно гоняли на самокатах и традиционно кто-то из малолетних «шумахеров» со всей дури обрушивался на утоптаный предыдущими падениями асфальт. Обычные сцены с обычными людьми в обычном скучном мире. Однако соблюдая ритуал, Григорич все-таки щелкнул пальцами, чем спугнул только стайку ворон со школьного забора и привлек внимание традиционной шавки с более чем традиционной кличкой Собака. Она гавкнула, отбежала к кусту сирени, помочилась, перепрыгнула через валяющуюся бетонную плиту и исчезла. И было во всем этом столько абсолютно традиционно банального, что Григорич чуть не заснул. «Ну что тут придумать?» – спросил себя он, с отчаянием бросив взгляд вслед мамаше, гулявшей с коляской. «Разве что в коляске у

тетки не ребенок, а бомба? – предположил Григорич. – Да ну, чушь какая. Кто в это поверит?» и не отвлекаясь по сторонам, направился прямо к воротам детского садика.

Погода наладилась и всех детей уже вывели гулять. Долго искать группу своей внучки Григоричу не пришлось. Ирочку он заметил сразу по некоторым характерным особенностям. Она никогда не любила толпу – признак интеллектуального свойства, который очень импонировал Григоричу. Он сам был индивидуалистом и любил тех, кто не вливался в коллектив. Пока гурьба детсадовцев играла в «кучу-малу», Ирочка гуляла с какой-нибудь такой же индивидуалисткой и получала большое удовольствие просто от общения. Ей всегда было чем заняться: то они увлеченно искали ежей, то наблюдали бурную жизнь комаров, расширяя их владения, за что получали нагоняй от воспитательницы, то просто гуляли и сплетничали о мальчиках. Сегодня Ирочка ходила одна, и по ее лицу было видно: она не в духе. Григорич вздохнул, предчувствуя серьезный разговор с воспитательницей, и не ошибся. Оксана Борисовна вывалила на дедушку все сразу: и что Ирочка сегодня отказывалась кушать кашу с молоком, и что не давала помыть ей руки, и что всем мешала спать.

– Как мешала? – подал голос Григорич, чтобы хоть как-то показать вид, что его это крайне волнует.

– Ползала под кроватями детей и стучала по сетке. А когда ее уложили, она спряталась под одеяло и о чем-то разго-

варивала сама с собой. Я считаю, родители Ирочки должны обратить особое внимание на поведение дочки. Возможно, лучше будет показаться врачу.

Оксана Борисовна замолчала, чтобы перевести дыхание, но Григорич уже взял Ирочку за руку и пообещав, что все передаст родителям, вывел приготовившуюся к отпору внучку за территорию. Для самозащиты у Ирочки на любой случай всегда было одно и то же довольно эффективное оружие – слезы. Но Григорич и не думал ругаться, а просто поинтересовался:

– Тебе тоже не нравится в садике?

Ирочка, насупленная, молча шла рядом с дедушкой.

– Оксана Борисовна достала или мальчишки пристают?

Ирочка что-то промычала, мол, отстань.

– А знаешь, что, – предложил Григорич заговорщицкой интонацией. – Давай помечтаем. Хочешь, я сейчас щелкну пальцами, и ты превратишься в Оксану Борисовну, а она – в тебя.

Ирочка оживилась и неуверенно кивнула. Но щелчок пальцев разочаровал ее.

– Не обманывай, дедушка, – промямлила Ирочка.

– И в мыслях не было, – с убеждением в голосе заявил Григорич. – Мало ли что ты не вымахала как ваша воспитательница под три метра, как жирафа. Зато представь, что тебя назначили Оксаной Борисовной. Что бы ты сделала?

– Я бы накормила ее гречневой кашей, – тут же выпали-

ла Ирочка. – Пусть целую бочку съест. И пока не съест, даже....даже...в песочницу с нами не пойдет.

– Да ты просто Малюта Скуратов! – рассмеялся Григорич. Ирочка тоже засмеялась и продолжила, задыхаясь от нетерпения:

– А еще.... а еще....

Григорич одобрительно захлопал в ладоши и присоединился к внучке в луже. Ирочка выкрикивала имена и придумывала наказания своим недругам. Дедушка безостановочно поддакивал:

– Так с ними! Так! Громи! Круши! Бей! А еще что? А еще?

И тут Ирочка посерьезнела, подошла к бабушке и спокойно призналась:

– А еще я хочу, чтобы вернулась Анечка. Это моя самая-пресамая лучшая подружка. Я думала, что она заболела и в садик не ходит. Каждый день жду ее и жду. А сегодня Оксана Борисовна сказала, что Анечка уехала в другой город и никогда не вернется. Вот.

– А с другими девочками ты дружить не хочешь? – спросил Григорич.

На нахмуренном лице внучки появилось удивление.

– С другими? Ты что! Они ведь не Анечка.

На лице Ирочки отразилось нечто вроде брезгливости, словно она увидела в тарелке с супом живую жабу.

«Так вот в чем дело, – подумал Григорич. – Похоже, это

была настоящая дружба».

– Пойдем погуляем, – вдруг предложил он.

– Пойдем, – согласилась внучка. – Сходим на крепость?

И они пошли на детскую площадку с огромной крепостью посредине – шикарной постройкой с всевозможными мостиками, лабиринтами, сетками для взбирания, канатами, цепями, батутами, домиками с окошками и балкончиками и прочими миниатюрными архитектурными элементами. Крепость была излюбленным местом для детских игр. Каждый из детишек представлял себя либо королем, либо воином, либо самим орудием. Разворачивались целые баталии, похожие на нашествия дикарей или вторжение марсианских пришельцев. Малолетки, словно с цепи сорвавшиеся, в полной мере овладели искусством «А что если» и крайне привлекали внимание Григорича. У каждого ребеночка в голове явно роился четкий и непредсказуемый образ самого себя и мира вокруг, в реальности которого тот был четко убежден. С гиканьями и визжанием проносились с горки, пролетали на тарзанке и перепрыгивали через рвы эти варвары, рыцари и орки. А из крепости отстреливались, изрыгали пламя и поливали водой храбрые защитники. В общем, жизнь кипела довольно активно, у каждого была своя роль, и каждый вполне гармонично вписывался в общую сюжетную картину историчной вакханалии перед неминуемо приближающимся концом света.

Ирочку Григорич тоже видел в своей роли – прекрасной русоволосой принцессы-несмеяны с голубыми глазами и удивленно приподнятыми бровками. Не возникало и тени сомнения, что его внучка включится в общий сюжет и легко-возбудимая красивая девочка будет с радостью принята всеми сторонами. Но Ирочка как-то вяло реагировала на происходящее, я бы даже сказал, снисходительно взирая на беснующихся малолеток, среди которых она ощущала себя гораздо старше. «Может быть, – предполагал Григорич, – она еще не вышла из образа Оксаны Борисовны». Ирочку окликали знакомые, приглашая играть то на стороне варваров, то на стороне защитников, перед ней бравировали прекрасные принцы и не прочь были полакомиться трехголовые драконы. Но все это Ирочке было неинтересно. С натянутой улыбочкой, в разрез скоростной суете очень медленно она обходила сказочный замок, с гордым видом, не на карачках, как другие, поднималась она по лестнице и прохаживалась по террасе. Подойдя к горке, с которой каждый из ребятишек с радостью сталкивал друг друга вниз, Ирочка как-то по-особенному посмотрела на всех и мальчишки тоже как-то внезапно смутились и съжились. Они расступились перед принцессой, а та спокойно присела на край горки, осмотрелась и так же спокойно съехала вниз. Никто ее не толкал, никто не ловил внизу. Затем она прошла в домик, побыла там какое-то время и вышла, пожимая плечами и держа в руке палочку. За странной девочкой стали следить десятки любо-

пытных глаз, а Ирочка начала подходить к каждому, дотрагиваться палочкой до плеча или головы, что-то шептала и шла к следующему. В глазах ее не было ни тени улыбки, а скорее чувствовалась тревога. В среде детишек тоже быстро возникло волнение, и каждый старался чем-то помочь девочке, которая явно чего-то добивалась. Один предлагал ей покататься на машинке, другой предлагал пойти на качели, третий гонял вокруг Ирочки с воздушным шариком, но так так на него посмотрела, что малыш отпрянул назад и свалился в канаву. Тут же подлетела его мамаша и хотела пристыдить девочку, но внучку позвал к себе Григорич и мамаша успокоилась. Ирочка подошла к дедушке и снисходительным тоном произнесла, небрежно отмахиваясь в сторону крепости:

– Что с них взять, дети.

– А что это у тебя? – спросил Григорич у внучки.

Ирочка повертела в руках палочку, вздохнула и выбросила ее.

– Просто она была волшебной. Это наша с Анечкой палочка.

– Но ты касалась ею каждого мальчика и девочки.

– Я загадала желание, чтобы кто-нибудь из них превратился в Анечку. А может ее заколдовали в них. Но Анечки здесь нет.

На грустную Ирочку было больно смотреть, и Григорич

предложил купить что-нибудь вкусненькое. Ирочка не возражала. Они взяли в АТБ пиццу и сок «Агушу» и расположились в парке на лавочке. Еще дедушка купил внучке куклу, у которой, как заявила Ирочка, глаза были похожи на Анины. Ирочка обняла куклу и стала бережно баюкать ее, а когда руки были заняты соком и куском пиццы, просто держала куклу под мышкой. Через время Ирочка дернула Григорича за рукав и шепотом сказала, указывая на скамейку напротив, где сидела довольно объемная женщина и о чем-то эмоционально разговаривала по телефону:

– Дедушка, видишь тетю?

– Вижу.

– Она все время за нами наблюдает.

– Хочешь сказать, она – шпионка? – таким же тоном спросил дедушка.

– А вдруг! – выдохнула внучка. – Нам в садике про них рассказывали. Они разговаривать по телефону и высматривать людей.

– Хм, резонно, – согласился дедушка. – Что ты предлагаешь?

Ирочка ничего не ответила, но они оба вперили взгляды в женщину, да так, что вызвали тревогу на лице объявленной шпионки. Женщина встала и не прекращая держать у уха телефон, вышла из парка на проспект. За ней последовали и Григорич с Ирочкой, которая приложила пальчик к губам куклы и велела той молчать. Женщина оглянулась и пресле-

довавшие увидели, как у той подогнулись колени. Она ускорила шаги и столкнувшись с идущим на нее мужчиной, испуганно взвизгнула и вприпрыжку через тротуарные плитки выбежала на площадь. Преследователи не отставали, и как только женщина в очередной раз обернулась, Григорич сделал вид, что кому-то машет рукой, мол, сейчас она перейдет дорогу, а ты хватай ее. Язык жестов женщина поняла слишком правильно и передумала переходить проезжую часть, а резко свернула вбок и побежала во двор дома. Григорич с Ирочкой побежали следом, смеясь и гикая. Но их веселье прервал звук сирены вывернувшей из-за дома полицейской машины, в которой сидела та женщина и нервно тыкала в стекло пальцем, указывая на охотников за шпионками.

Дед с внучкой галопом побежали прочь и минуя два или три двора, только тогда остановились, чтобы перевести дух. Застывший испуг быстро улетучился, сменившись на обоюдный всплеск смеха. Настроение поднялось и Григорич с Ирочкой спокойно направились в свой квартал. Они шли и оживленно продолжали играть в игру: «А что если». Ирочка смотрела на кошку и говорила: А что если это крокодил и он очень мучается без воды и ищет речку. Григорич категорически отказался брать кошку-крокодила на руки и бросать с моста в реку даже ради ее спасения. Зато сам предложил, заметив в кустах дипломат:

– А что если в нем миллион денег!

Но как только они попытались приблизиться и схватить за

кожаную ручку, откуда-то из глубины зарослей послышался хрип и мат, а через секунду показалась заросшая грязная физиономия бомжа. Ирочка поинтересовалась:

– Дедушка, а если у дяди столько денег, он что, не может помыться или к нам домой прийти и бабушка его пострижет.

Оценив доброе сердце внучки, Григорич, тем не менее, отверг ее добрые порывы, но на разумное замечание ответил, что в чемодане вероятно не деньги, а дядин дом. Дядя входит туда, и исчезает в волшебной стране. А иногда выходит сюда, так и путешествует в чемодане.

Уже стемнело и совершенно не хотелось домой. Бабушка, правда, звонила пару раз и справлялась, где они. Но когда она позвонила в третий раз и предупредила, что скоро явятся родители, Ирочка вздохнула и сказала:

– Пора.

Пройдя пару домов, Григорич остановился с тыльной стороны одной из пятиэтажек и посмотрел на балкон. Ирочка терпеливо ждала. Наконец, спросила:

– Ты куда смотришь?

– Знаешь, это уже стало традицией. Каждый раз, когда я гуляю по нашему району, я останавливаюсь здесь хоть на парочку минут и смотрю на этот балкон. Какой живописный вид сада, это балкон, увитый виноградом, а вон там видишь, там белочки живут.

– Настоящие? – оживленно спросила Ирочка.

Григорич кивнул и добавил, что он уже полгода смотрит на этот балкон и там ничего не меняется. Все так же приоткрыта створка, все там же стоит палка, все та же тряпка висит и сушится.

– Там никто не живет что ли? – настороженно спросила Ирочка.

– Наверное, – задумчиво ответил дедушка.

– А что если... Что если нам зайти туда и жить остаться, а?– шурясь, предложила внучка. – Вдруг квартира ничейная, а хозяйка ушла в другую страну тоже через чемодан? Или вообще....

Что «вообще» Ирочка не договорила, но оба округлили глаза и на цыпочках двинулись к дому. Поднявшись на второй этаж, они остановились у искомой квартиры с одиноким балконом. Прислушались – тишина. Ирочка шурилась, прижимая к себе куклу с пальцем у ее губ. Григорич слегка толкнул дверь. Квартира оказалась незапертой. Они вошли в коридор, и Ирочка чихнула от затхлого прогорклого духа сырости. В сумеречной тишине не было слышно даже звука часов. Ступая как можно мягче, дед с внучкой, держа друг друга за руки, двинулись в гостиную. Куклу Ирочка положила на трюмо и приказала сидеть тихо. В комнате не было ни души, только тени от высоких лип и каштанов в лунном сиянии распускали изумительный бисер по стенам со старой альфрейной росписью и Григорич понял, что ремонта здесь не было лет сорок. Григорич направился к балкону, а Ирочка

встала у зеркала на стене и начала строить рожицы и снимать паутину. Когда зеркало было очищено, девочка обрадованно сказала:

– Все, дедушка, теперь здесь можно жить.

В тот же самый момент в зеркале мелькнула старая костлявая физиономия с крючковатым носом и Ирочка закричала. Он неожиданности она плюнула в зеркало, но картинка не изменилась. Григорич обернулся и подхватил внучку, которая ринулась к нему на руки.

– Кто вы такие и что здесь делаете? – прохрипел голос сторбленной старухи с табуреткой в руках.

Григорич зарычал и двинулся на старуху. Сбив несчастную с ног, он вместе с Ирочкой бросился прочь из квартиры. И только выбежав из подъезда, они оба перевели дух. Вдруг Ирочка закричала:

– Моя кукла! Она там осталась.

Не успел Григорич и сообразить, как Ирочка пулей влетела в подъезд и исчезла в темноте. Несколько раз шлепнувшись, она таки добежала до нужной квартиры и на секунду замерла. В груди что-то предательски съежилось и стало жутковато. Ирочка обернулась назад, посмотрела вниз сквозь просвет перил и заколебалась. Но внутри тотчас что-то разжалось, и девочка открыла дверь квартиры. Зажмурившись, она продвигалась по коридору и стала рычать как дедушка, намереваясь напугать старуху, но на удивление в квартире никого не было. Ирочка схватила куклу, крепко обняла ее и

поцеловала. Любопытства ради она заглянула в гостиную и заметила, что зеркало, в которое она прежде заметила бабу, было разбито и на полу валялись осколки. Ступая почти на цыпочках, Ирочка выскочила из квартиры и за ней с силой захлопнулась дверь. А за дверью еле слышно зазвенел колокольчик и раздался приглушенный смех. Ирочка заорала и ринулась вниз по лестнице.

У подъезда притормозил форд Вована, из которого выскочила разъяренная Маша, за нею Кира и наконец, вынес свою тушу и Вован, да и стал у капота, вальяжно опершись о крышу.

– Где моя дочь? – зло прокричала Маша Григоричу.

Тот не сразу нашелся, что ответить, но как только с этажа донесся крик Ирочки, Маша с Кирой со всех ног кинулись в подъезд. Двинулся было и Григорич, но его грубо оттолкнул Вован и задыхаясь, со стоном впихнул свою тушу в проем двери. Именно в эту тушу и попала Ирочка, да и отскочила как от батута, попав спиной в руки к матери. Маша зло фыркнула в сторону Григорича что-то вроде: «Нашли кому доверять моих детей» и взяв за руки уставшую после танцев Киру и плачущую Ирочку, зашагала в машину. Когда форд скрылся за поворотом, Григорич обошел дом и вновь посмотрел на балкон. Там все также никого не было и все вещи оставались на своих местах.

Первой новостью, которой Рита поделилась с Григоричем, было то, что наконец-таки на их дом нашелся покупатель.

– Слава Богу, – вздохнул Григорич и проследовал в комнату. Ему хотелось побыть одному, в тишине, и подумать, как быть дальше. Благо Рита ушла на кухню, где Маша готовила Киру к вечерним соревнованиям по танцам и по-садистки натягивала волосы дочери со лба чуть ли не на затылок. Пререкаясь с Кирой, которая орала белугой, Маша успевала поливать грязью Григорича и рассказывать о покупателе. Клиент попросил уже завтра освободить дом от вещей и мебели, поэтому утром Маше с Вованом придется ехать в деревню и решать проблемы. Рита взволнованно ходила по кухне и давала ценные наставления, какие вещи куда и кому можно сплавить. В это же время воинственная Маша требовала от Киры прекратить плач иначе: «На хер мне нужны эти твои танцы! Сегодня съездим на турнир и хватит: медалей куча, а в школе одни шестерки из-за танцулек». Кира огрызалась, хамила, стонала и умоляла не лишать ее танцев, обещая хорошо учиться, поэтому молча сидела перед зеркалом и терпела, прикусив губу. А Маша как специально то ухо прижмет феном, то волосы в хвост так затянет, чтобы прищипить заколку, что обязательно вырвет клок.

Григорич включил телевизор и плюхнулся в кресло. Включил так, для фона, потому что на самом деле ему хотелось вспомнить весь вечер, который они провели с Ирочкой

и хотя никакой темы из «А что если» не вышло, зато впечатление о сегодняшних приключениях он сохранил весьма приятные. Сегодня Ирочка действительно приятно его удивила и по крайней мере, он понял, что растет совсем незаурядная девочка. «Странно, может быть она в бабушку, – предположил Григорич, удивившись, как в семейке Быдловичей могла родиться девочка с таким ранимым к друзьям сердцем. Ему очень захотелось как-то помочь Ирочке отыскать Аню, и он спросил жену, вошедшую за ножницами:

– Ритуль, ты не знаешь, почему подруга Ирочки Аня ушла с садика.

– Они ж тут были беженцами, снимали квартиру, но хозяйка подняли цену. Платить стало очень дорого и за жилье и за садик, вот они и вернулись в Луганск.

– Черт, там же сепары бомбят! – воскликнул Григорич. – А что, в садике не могли подождать, пока мама Ани не найдет работу?

– Могли бы. Так и делается, но там какие-то личные трения между мамой Ани и заведующей. А почему ты спрашиваешь?

– Да так.... – грустно ответил Григорич и взгляд его упал на телекартинку: местные активисты в черных куртках и балаклавах сваливали бюст Жукову, обвязав его канатами. Когда с памятником было покончено, на постамент вспрыгнул черный кот, а кто-то из молодчиков прогремел: «Хэнде хох» и огрел кота лопатой под общий смех оголтелой толпы. Гри-

горич застыл в кресле. Что-то начало шевелиться в его голове, глаза вперились в одну точку, а губы пролепетали:

– А что если....

И через минуту он уже знал, о чем будет его хай-концепт. Он бросился к столу, схватил кипу бумаги и принялся строчить. В комнату вбежала Ирочка с куклой на руках. Внучка на ушко дедушке призналась, что назвала куклу Анечкой. Теперь было ясно, почему она так стремительно бросилась в страшную квартиру за куклой. Она побежала спасать подружку.

«Удивительная девочка, – подумал Григорич. – Удивительная и совсем не похожая на Быдловичей. Ох, хоть бы не испортили ее». Взявши с нее слово, что она сегодня не будет мешать дедушке, Григорич дал внучке пару листиков для рисования и погрузился в работу над сценарием фильма, который назвал: "Свалка истории".

Глава 7

Само по себе разрушение исторических памятников деятелям и деятельницам далекого прошлого, которые своими делами заслужили столь великую честь быть увековеченными в мраморе или граните, почти всегда носит негативную политическую окраску. Кто разрушает – тот не обязательно политик или давний знакомый деятеля, который сводит теперь с ним счеты подобным не очень честным способом. Чаще всего это люди, которым до недавнего времени было абсолютно начхать на того, мимо которого они торопились на свидания, на работу или на футбол. И в принципе, никто – ни памятники людям, ни люди памятникам – никогда не переходили дорогу и как то так из года в год, из века в век вполне сносно существовали друг без друга. Никто из людей не чувствовал себя оскорбленным или гордым, что памятник этому бородачу стоит в этом городе. А памятнику вообще было наплевать, где стоять. Но вот подули ветра перемен, и кому-то стало тесно жить на одной земле с памятниками. Почему? Что произошло? Чем же заслужил безмолвный камень такую пощечину? В чем провинился? «Сколько вопросов» – размышлял Григорич, но как на них ответить? В какую сторону повернуть историю? У него не было ни малейших сомнений, что пощечина человека памятнику – это прямое оскорбление, нанесенное самой Историей, а значит это –

пощечина и человеку, ибо он – ее часть. Сначала Григорич написал нечто пафосное, типа: «Прежде чем вырывать страницу истории, убедись, что на ней нет и твоей фамилии». Или что-то вроде: «Выискивая виновных в своём прошлом, рискуешь упереться в зеркало».

Перед глазами все еще стояла картинка свержения с пьедестала героя Великой Отечественной – маршала Победы и одержимые святой идеей лица посягателей на славное прошлое. Григоричу стало интересно, а вот деда этих молодцов, они воевали? Рассказывали ли они внукам о боях-походах, о выходе с одной гранатой навстречу колонне танков, о воздушных таранах, о последних словах, которые произносили умирающие друзья, о том, как солдаты грудью защищали матерей, жен, детей и клялись, что истребят всю нечисть и вернуться домой? Нет, наверное, не рассказывали. Интересно, а были ли эти дикари пионерами? Приходилось ли им стоять у Вечного огня и вглядываясь в пламя, видеть лица не вернувшихся с войны? Вряд ли. И чем глубже погружался Григорич в размышления, тем отчетливее понимал, что никак не обойтись без политики. Как говорится, если ты не хочешь заниматься политикой, тогда политика займется тобой. Он быстро накропал драфт логлайна:

Перед предстоящими выборами для поднятия собственного рейтинга мэр Хрякин решает воспользоваться траге-

дией, случившейся с маленькой девочкой, пострадавшей от упавшего на неё чугунного фрагмента памятника Пушкину, и объявляет кампанию сноса памятников национальным врагам культуры и истории его народа. Но безмолвная доселе история не собирается оставаться в долгу.

Потирая руки, Григорич верил, что попал в тему и отписался о том Кухаруку. Начальник киношколы не замедлил предупредить: «Будьте осторожны! Хай-концепт – отличная вещь, но ее очень легко можно загубить, если сюжет окажется предсказуемым. Обратите внимание на точки невозврата».

«Как известно их в любом фильме три – вспомнил Григорич и задумался. – Мда, придется идти точно по структуре».

Наступала ночь, Рита досматривала кино в наушниках, о чем-то базарили за стенкой Быдловичи, но Григорич ничего этого уже не слышал, кроме... Кроме храпа своего главного героя, который начинал уже просыпаться в собственном кабинете.

«Да-да, – думал автор, – ...в собственном кабинете. Именно так и заявим его, а заодно дадим читателю осмотреться в новом мире».

Под утро мэру Хрякину снились черные воздушные коты, раздутые до неуклюже гигантских размеров. Бесформен-

ными ленивыми сомнамбулами они тяжело проплывали над спящим, вяло улыбались ему, обнажая редкие гнилые зубы, и виновато спускали на него воздух, от которого Хрякин задыхался и брезгливо отплевывался. И тогда он сам тоже начинал сдуваться и вовсю разлагаться, да так ослабел, что почувствовал: еще миг и исчезнет в никуда. Но исчезать сегодня Хрякину не хотелось. Совсем не хотелось. Даже во сне он был уверен, что в пятьдесят лет жизнь только начинается. Поэтому резко прервав кошмарный сон, он вскакивает на кожаном диванчике и хмуро оглядывается.

Хрякин (*уныло*). Снова в кабинете задрях. (*Зовет*). Алла!

Нет ответа. Близорукий Хрякин встает, шарит по сторонам, находит очки и цепляет их на нос. Пошатываясь, бредет к столу заседаний, заваленному посудой и арбузными корками, на ходу отшвыривая ногами встречавшиеся пустые бутылки и скомканные обрывки всяких грамот и дипломов. Берет со стола стакан, наливает в него воды из графина и делает жадный глоток. Вдруг осознает, что это не вода, а водка, но уже поздно. Хрякин приободряется и протяжным, но срывающимся басом поет.

Хрякин (*поет*). Широка страна моя родная! Много в ней...того-сего и... мать его еще чего.

В тщетных попытках вспомнить чего и кого в его стране много, мэр включает телевизор, плюхается толстым задом в кресло и сопит. Утро начинается с новостей о предстоящих выборах мэра. Хрякина очень тревожит его падающий, да что там падающий – нулевой рейтинг.

«Вот и проблемка нарисовалась, – подметил Григорич и нахмурился. – Так-с. Сейчас и антагонист появится. Какой-нибудь страшный, сильный и беспощадный. Ух, какой вражина! Стихия неуправляемая. Сущий апокалипсис. Этому Хрякину нужна основательная встряска, чтоб весь фильм висел на краю пропасти, а его еще и подталкивали».

Не в силах реагировать на телевизионную номенклатурную муру о вчерашнем праздновании Дня города, Хрякин хочет выключить телевизор, но камера переходит на улицы. Корреспондент берет интервью у избирателей, которые к удивлению мэра, совершенно не скрывают своих истинных чувств. Отзывы о кандидате не самые лестные, даже грубые, оскорбительно грубые. В приемной мэра слышно, как открывается дверь.

Хрякин (*басом в сторону приемной*). Алла! Бегом сюда!

На пороге тут же возникает длинноногая лань с конским

хвостом на голове и быстро цокает острыми каблуками высоких сапог к креслу.

«О, нет, – улыбается Григорич. – Это еще не антагонист. Это молоденькая красотка лет двадцати восьми по имени Алла, которая кроме изящно сложенной фигурки особенным умом не отличается, а точнее он пропорционально короток длине её юбки. Антагонист появится чуть позже».

Алла не понимает Хрякина и решает сделать ему массаж, но мэр холодно отстраняет девушку и пальцем указывает на экран телевизора.

Хрякин (грозно). Что это?

Алла напрягается, с лица исчезает обычное «возьми меня» и глаза тупо смотрят в экран. Камера скользит мимо прохожих, выхватывая то одного то другого и нацеливаясь микрофоном, интересуется заискивающим и довольно вьедливым голосом репортерши.

Голос журналиста. Значит, вы не станете поддерживать нынешнего мэра Хрякина на предстоящих выборах?

Голос горожанина. Кого? Хрякина? Да я бы все это ворье на столбах вешал головой вниз и...

Запикивание длинной брани.

«А вот матерится уже он – антагонист, – Григорич кивает ему как старому знакомому. – По-простому, народ. Ух, как сложно придется мэру бороться с этой силищей могуцей, хоть часто очень дремучей и глупой, но от того и опасно непредсказуемой. Кто кого и из какого оружия – неизвестно».

Хрякин (*огрызаясь*). Ох, уж мне эти пенсионеры. Вечно всем недовольные. А кто вам бесплатные туалеты в городе поставил? А? Только вам! Ходи – не хочу.

Алла (*робко*). Но многие из них не могут ходить, Николай Ильич. А после того как вы заблокировали карточки на проезд...

Алла замолкает, ловя на себе злой взгляд Хрякина.

Хрякин (*в отчаянии*). Пролечу. Как пить дать пролечу. Что же делать? (*Алле раздраженно.*) Я со стенкой разговариваю или своим пресс-секретарем? У меня рейтинг сдох, если ты не в курсе. А выборы через неделю. (*Угрожающе.*) Уволю!

Хрякин хватает Аллу за плечи, та начинает жалобно скулить.

Алла. Может быть... В зоопарке на днях голубая овца родила шестерых ягнят.

Хрякин (*смотрит не мигая*). И чего?

Алла (*робко*). Ну, вы могли бы сфотографироваться на фоне животных с детишками, а на колени маленьких ягняток усадить. По-моему, мило будет.

Хрякин (*надуваясь*). У тебя что, блондиновые дни начались? Какая овца? Какие ягнята? Я уже вижу заголовок: *Мэр Хрякин среди других баранов*. Еще есть предложения кроме идиотских?

«Вы заметили, дорогой зритель, – мысленно обращается к публике автор, – как накаляются страсти, какой серьезной становится проблема для Хрякина, а решения пока нет. Но выбор все равно сделать придется. Причем как правило это выбор между плохим и очень плохим».

Алла скулит еще громче и только открывает рот, как по телевизору начинают передавать новости из Ближнего Зарубежья. На экране видим момент сноса памятника Ленину.

Диктор. Вчера городская администрация при поддержке широких масс и активного участия национальной партии «Новая история» демонтировала памятник Владимиру Ильичу Ленину. Мэр сформулировал решение довольно

просто: Вождь мирового пролетариата никакого отношения к городу не имеет, поскольку никогда здесь не был и ничего полезного для него не сделал. Жители в восторге от решительных действий хозяина города.

У Хрякина озарение на лице. Он ухмыляется и щелкает пальцами.

Хрякин (*Алле*). А ну-ка, принеси мне список наших объектов культурного наследия.

«Ну вот, – подумал Григорич, грызя кончик карандаша. – Вот и ППП – первый поворотный пункт истории, а иными словами вот она и есть – пресловутая первая точка невозврата. Если, конечно, Хрякин решится осуществить свой план – слабенький, рискованный, но какой есть. На другой уже нет времени – рейтинг падает, а кресло терять, ой как, не хочется».

Алла (*с тревогой*). Николай Ильич, но сносить памятники небезопасно. Можно не угадать и...

Хрякин (*внушительно*). А ты угадай, девочка. Угадай, если на панель вернуться не хочешь.

Алла послушно кивает и выбегает из кабинета.

Тойота мэра едет по центру города. Вокруг банки и ресто-

раны. Хрякин напряженно смотрит в окно. Алла рассказывает о памятниках коту Бегемоту и Пушкину. Они установлены рядом друг с другом у входа в детский парк.

Алла. Их обоих поставили еще при бывшем мэре и в районе тут же начались неприятности.

Хрякин. Какие же?

Алла. Кто мимо пройдет, у того либо сердце схватит от странного взгляда кота, либо под машину бросится безо всякой причины. А на той неделе ураган страшный был, помните? Ну, когда мы с вами в лодке перевернулись, а потом грелись у костра. Но вы так замерзли, что мне пришлось...

Хрякин кашляет в кулак и пучит глаза. Алла прикрывает ладошками рот, поглядывая на улыбающегося водителя.

Алла (*робко*). Ветром книжку из рук Пушкина как вырвало и прямо в голову маленькой девочке, представляете? Она и сейчас еще в больнице с сотрясением.

Хрякин. С сотрясением, говоришь? Хорошо... (*Смотрит в окно.*) А почему вообще Бегемот?

Алла. Не знаю. (*Пожимает плечами.*) Документы потерялись, но говорят, что памятник очень похож на кота, что на нашем гербе.

Хрякин (*задумчиво*). На кота... На кота... А Александр

Сергеевич? Он часто бывал у нас?

Алла (*уверенно*). Ни разу.

Довольный Хрякин делает знак водителю остановиться.

В парке вокруг памятника коту Бегемоту толпа молодежи, мамаш с маленькими детьми и беременных женщин. Кое-где можно наблюдать бритоголовых мужчин мощного склада в черных куртках с нашивками «За дело!» В позах сторожевых псов они зорко посматривают по сторонам и готовы к бою по любому жесту их вожака – высокого сутулого мужчины в надвинутой на лоб шляпе, по фамилии УДОДОВ (31). Удодов стоит сбоку от сколоченной сцены, с которой Хрякин в сопровождении Аллы и соратников энергично жестикулирует и орет в мегафон.

Хрякин. Граждане, вы только взгляните! (*Показывает пальцем в сторону памятника Бегемоту.*)

А теперь ответьте, может ли подобное убожество принести славу нашему городу и сделать счастливыми ваших детей? А? Может?!

Из толпы выкрики, спровоцированные бритоголовыми по отмашке Удодова: НЕТ! НИКОГДА! УБОЖЕСТВО!

Хрякин. Откуда же взялось это уродство, как не от бив-

шей власти оборотней! Это они насаждают нам свою чуждую культуру. Это они заставляют вас и ваших детей говорить на их птичьем языке. Это они искажают и душат наше много-страдальное прошлое, чтобы ваши дети никогда не увидели светлого будущего. Никогда! А что же они увидят, спросите вы? Голод и нищету. Куда их толкают? На гастарбайтерство и войну. Ради чего? Ради такого вот убожества, которое вконец искалечит их и превратит в бессловесных рабов.

Кто-то из толпы выкрикивает: Руки коротки!

Хрякин (*одобрительно кивая*). Вот слова настоящего патриота. Возродим же свою национальную культуру. Хватит жить по указке засланных к нам наймитов. Сколько мы натерпелись от них!

Одобрительные возгласы и аплодисменты. Хрякин обращает внимание толпы на памятник Пушкину.

А это знаете, чьи слова? (*цитирует из Пушкина.*) «Самовластный Злодей! Тебя, твой трон я ненавижу, Твою погибель, смерть детей С жестокой радостию вижу». А?! Какое? Как можно было такое сказать о детях! И это – наше все? Нет, друзья. Это – не наше! Не допустим же больше трагедий, какая совсем недавно произошла вот тут на этом самом месте с маленькой девочкой. Подобные случаи есть не

что иное, как провокации со стороны врагов. Все вы знаете их имена!

Из толпы зычно донеслось: Знаем! Знаем! Из толпы в сторону памятника Пушкину летят редкие камни. Хрякин неожиданно для всех падает на колени. С трагической мимикой в голосе он произносит:

Я прошу прощения у матери этой девочки за бессовестную политику бывшей администрации, а также у матерей других пострадавших детей.

Хрякин передает мегафон Алле и незаметно шлепает ее по заднице. Та оживает.

Алла (*торжественно*). Сегодня из фонда защиты детей, который возглавляет наш уважаемый и всеми любимый мэр Николай Ильич, на лечение Машеньки была перечислена крупная сумма. Мы сделаем её счастливой. Но главным счастьем для девочки был подаренный ей щенок.

«Ход со щенком – всегда беспрюграмный», – хмыкнул Григорич. Он даже подумал, что каким бы бездарным ни было произведение, стоит лишь включить в него эпизод, где либо малыш спасает щенка, либо щенок спасает ребенка, и считайте, что слезы у читателя обеспечены. Григорич даже

брезгливо скривился от этого лицемерного цинизма, но кто виноват в том, что подобные штампы до сих пор волнуют сердца читателей и зрителей?

В звенящем от речей и оваций воздухе, пропитанным национальным пафосом и сентиментальностью подстрекаемая активистами толпа, орет: ХРЯКИН – НАШ МЭР! НАШИ ДЕТИ – ЗА ХРЯКИНА!

Хрякина на руках относят к машине. Машина Хрякина отъезжает. Из-под колес в лицо Пушкину словно пощечиной летит струя грязи. Хрякин дает отмашку из окна, и бульдозер рушит оба памятника. С лиц людей сходят улыбки и появляются оскалы дикарей. Озверевшая толпа беснуется. В толпу врывается древний старик и воздевает руки к небу.

Старик (*с надрывом*). Безумцы! Не слушайте идиотов! Пушкин – он...он ведь чувства добрые нам лирой пробуждал. И милость... милость к падшим.... Он не был у нас, но он наш. Наш. Люди...

По жесту Удодова старика бьют дубинками, он сплевывает кровь и его уводят в никуда.

Машина мэра останавливается на перекрестке. Пробка. Хрякин злится, нервно поглаживая коленку Аллы.

Хрякин (*водителю*). Черт. Что там?

Водитель высовывается из окна и что-то спрашивает у прохожего. Поворачивается к Хрякину.

Водитель. Говорят, кто-то под трамвай бросился.

Алла с Хрякиным переглядываются. Вдруг на капот машины вспрыгивает черная кошка и бьет лапой по стеклу. Множество других кошек пролезает через окна в салон. Они прыгают на голову шоферу и Алле. Кошка срывает парик с головы Аллы. Хрякин смеется. Водитель тоже смеется, но трубным голосом. Алла с Хрякиным смотрят на него и кричат от ужаса. У водителя нет головы. Алла смотрит на Хрякина. У того тоже нет головы. Кошки рычат: ВОР! ВОН! ВОР! ВОН!

Хрякин просыпается в холодном поту. Телевизор работает на полную громкость. Близорукий мэр надевает очки. На экране телевизора график предвыборной гонки, на котором рейтинг Хрякина зашкаливает. Довольный Хрякин энергично вскакивает с кровати. В комнату входит Алла в банном халате с полотенцем на голове. Хрякин в трусах и майке строго смотрит на неё. Алла тут же оказывается в деловом костюме, в руках блокнот и ручка.

Хрякин (*с бесиками в глазах*). Пора, наконец, вернуть городу его истинную историю и культуру. Люди должны пом-

нить имена только настоящих героев. А?

Алла (*преданно*). Да, шеф. Вы великолепны.

Хрякин ходит по комнате с видом Наполеона и диктует. Алла с восхищением смотрит на него и записывает.

Хрякин (*отрывисто*). Создать штаб.

Алла. Уже создан.

Хрякин. Объявить всеобщую мобилизацию.

Алла. Объявлена по всему городу.

Хрякин. Подключить Общество национальной идеи. Задействовать радикально настроенное студенчество. Охватить повышенным вниманием малоимущих! В общем, собрать всех наших.

Алла (*с чувством*). Николай Ильич, сегодня все – ваши.

Хрякин (*потирая руки*). Отлично. Вызовите ко мне Удодова. Мне понадобятся его патриоты. И с завтрашнего дня юбку оденьте подлинней, начальница Комитета по культуре.

Алла в изумлении раскрывает ротик. Хрякин возбужденно поглаживает Аллу по ягодицам, проникая сквозь разрез юбки. Алла вздрагивает и смотрит на Хрякина ласково, ее губки дрожат. Хрякин уводит её из комнаты. Слышатся стоны.

В кабинете начальника группы «За дело» Удодова собрались бойцы и смотрят выступление Хрякина по телевизору.

Хрякин стоит у памятника основоположнику рефлексологии и патопсихологии Бехтереву перед зданием городской психиатрической лечебницы. Хрякина окружает толпа.

Хрякин. Может быть, Бехтерев чем-то и знаменит. Может быть даже герой. Но что героического он сделал для нашего города? А я скажу вам что. С приходом военных в городе все становятся солдатами, с появлением поваров всем очень хочется есть. Когда же являются подобные горе-психиатры, они тут же начинают ставить диагноз шизофрении нашим детям. Это ли геройство? Не позволим чужакам превращать нацию в психов! Мы и сами отличные диагносты. А?!

Толпа кивает и блеет. Все аплодируют, а над толпой растягивается длинное полотно: «НИКОЛАШУ НА ЦАРСТВО!» Все кричат: Ура! Удодов выключает телевизор и вопросительно смотрит на бойцов.

Удодов. Всем все ясно? Тогда действуйте по всем направлениям – быстро и организованно.

Бойцы активно покидают кабинет.

Во дворе Военной Академии им. маршала Жукова два крана-жирфа едут к памятнику Жукову и выдвигают мощные стрелы на всю длину. Из здания выбегает весь команд-

ный состав. *Полковник Комаров (55)* размахивает руками.

Комаров (грозно). На каком основании?!

Байкеры Удодова хватают офицера под руки, но тот успевает дать оплеуху одному из них. Затем выхватывает из кобуры пистолет и щелкает предохранителем. Воздух оглушает выстрел.

Комаров (разъяренно). Отставить, мерзавцы! С вами говорит полковник Комаров. Еще один шаг и следующий выстрел будет на поражение. Вы на кого замахнулись? На святое!

Байкер (размахивая цепью). Отойди, мужик. Твой Жуков – палач. Он солдат на убой гнал, да приговаривал, что бабы еще нарожают.

Комаров (парируя язвительно). Так может дед-то в УПА воевал?

Остальные офицеры и курсанты стоят молча, но лица их мрачные. Поодаль, в тени акаций Хрякин молча наблюдает за происходящим сквозь очки, которые Алла постоянно ему меняет, но тот злится, потому что ни одни не подходят.

Появляется Удодов.

Удодов (трясет Комарова за плечи). Ух, генерал!

Комаров (*хмуро*). Что?

Удодов (*восторженно*). Майор. Генерал-майор. Хочешь?

Комаров (*моргает*). Купить меня?! Не выйдет. Да я лучше нищим... (*Хрипло*). Пусть никогда собственной квартиры не увижу. Пусть сыну-калеке никогда на операцию не соберу, но на святое...

Хрякин (*с ухмылкой Алле, указывая на Удодова*). Далеко пойдет.

Удодов. Квартиру ему! Трехкомнатную. В центре. И дачу. Элитную!

Комаров. Да как вы смеете?

Удодов. Сыну операцию за счет фонда нашего мэра. Ну?

Лицо Комарова дергается, глаза наливаются кровью, а губы предательски дрожат. В отчаянии полковник беспомощно воет. Ему стыдно. Стыдно перед курсантами, перед Жуковым, перед самим собой. Хрякин не отводит восхищенного и одновременно презрительного взгляда от Удодова. Наконец, Хрякин выходит из укрытия и в сопровождении Аллы следует к памятнику. Все бурно приветствуют его, а Удодов подбегает и рапортует.

Удодов. Стараемся не щадя сил, Николай Ильич. Ваш приказ.

Хрякин (*нервно*). Да вы что! Я не приказывал ничего подобного. Под статью захотели? Немедленно прекратите про-

извол, а завтра я с вами поговорю в другом месте. Пошли вон!

Удодов (*робея*). Не обижайте ребят, хозяин. Они ж всей душой к вам, а вы... (*Смелее и наглее*). Пока вы в белых галстучках великие прожекты толкаете да жопастых девочек на банкетных столах трахаете, вся грязная работа нам достается. Дайте ж парням расслабиться.

Хрякин свирепеет и хочет что-то заорать, но замечает своего родного деда, переходящего дорогу и направляющегося к ним. Дед в парадном кителе при орденах. Твердой поступью он подходит к Хрякину, который протягивает руку.

Хрякин. О, дедуль! Ты уже с дачи? Как там?

Дед срывает с груди свои ордена и протягивает их Хрякину. Затем молча плюет внуку в лицо. Хрякин отбегает в кусты. За ним Алла. Комаров молча уходит в здание и там стреляет себе в висок. Но никто этого не слышит, потому что после трагического падения памятника Жукову небо уже прорезают «мессершмитты», а на улицы въезжают первые «тигры» и «пантеры». Лица людей становятся серыми, на окнах домов появляются полосы из скотча крест-накрест и повсюду слышатся звуки губных гармошек. Звучит воздушная тревога: **ВСЕ В УКРЫТИЕ! НЕ ЗАБЫВАЕМ ПРО ПРАВИЛО ДВУХ СТЕН! ОСТАВАЙТЕСЬ В УКРЫТИИ! ОСТАВАЙ-**

ТЕСЬ В УКРЫТИИ!

«О, добрались до середины, – потирает ладони Григорич. – Центральный поворотный пункт, господа. Откуда я узнал, что середина? Очень просто. Сейчас произойдет нечто, что развернет весь сюжет на сто восемьдесят градусов, и все пойдет иначе. Возможно, возникнет какое-нибудь шокирующее обстоятельство или как снег на голову явится новый персонаж, которого никто не ждал и все боятся, или герою откроется ужасная тайна его рождения, которая поставит вторую точку невозврата в истории и потребует от Хрякина сделать самый сложный выбор. Теперь в этой точке бифуркации любой неверный шаг – и ты труп, ибо удодовцы уже не остановятся даже перед устранением своего вождя во имя святой национальной идеи. А что делать? «Лес рубят – щепки летят».

Во дворе Центра офтальмологии. Бойцы-удодовцы увлеченно рушат памятник Святославу Федорову. На улицах появляются слепые нищие.

Кабинет. Хрякин вскакивает с дивана, щупает руками пространство и стонет.

Хрякин (*звонит по телефону*). Алла! Где мои очки? Я ни черта не вижу, мать твою! Да мне по хер на твои культурные мероприятия. Жопой перед иностранцами успеешь

навертеться. Бегом ко мне. Что? Как это много дел? Да я тебя... Я тебя так отпизжу, шлюха деловая! (*Слышит мужской голос трубке.*) Борис Сергеевич? Губернатор? А вы... А я...я... (*жалобно.*) Они же Федорова снесли. (*Швыряет телефон в стену.*)

От удара телефона включается громкая связь. Слышится голос губернатора.

Губернатор. И что не так? «Во дворе глазной клиники имени Гиршмана какой-то не наш Федоров». Твои слова?

Хрякин (*еле шевеля губами*). Мои... Мои. Боря...прикажи этим байкерам... Слепну я...

Губернатор. Твои идеи, ты и приказывай.

Хрякин (*жалобно*). Они не слушают меня. Как с цепи сорвались, бандиты.

Неожиданно из рук Хрякина вырывает трубку Удодов.

Удодов. Прошу прощения, Николай Ильич. Но мы не бандиты. Мы ваш народ и действуем по вашему приказу.

Хрякин (*отстраняясь*). Вы пойдете под суд. Я ничего вам не приказывал.

Удодов. Как это не приказывали, учитель?

Хрякин. Учитель?

Удодов. Конечно. Мы теперь навсегда под вашими хоруг-

вьями. И не стоит сбивать с пути своих лучших учеников. А если и перегибаем, то только чтобы превзойти вас.

Хрякин. Вон! Уволен! Все уволены.

Удодов. Народ уволить нельзя, хозяин.

Хрякин. Вы что, не соображаете, что происходит? Как только вы разрушаете памятник, уничтожается жизнь, перечеркивается вся история человечества и исчезаю я, вы и все-все-все. Остановитесь же, прошу вас....

Удодов. Это не наша история – чьи слова? Поздно, учитель. На полной скорости байкеры не любят поворачивать, а народ – тем более. Уйдите с проезжей части, мой вам совет.

Хрякин (*скрежеща зубами*). Да я вас, пьяниц, в порошок....

Удодов (*с усмешкой*). Не надо пугать, хозяин. Потому что если мы протрезвеем, никому мало не покажется. (*Уходя.*) И еще: слепые мэры народу не нужны.

Хрякин швыряет пультом в телевизор. Слышит новости.

Диктор. На протяжении последних дней в городе наблюдается нестабильность, проблемы с обеспечением магазинов продуктами, рост малолетней преступности и эпидемия пока еще неизвестного заболевания. В связи с этим кампания мэра Хрякина хоть и набирает обороты, но у большей части населения вызывает недоумение, а в некоторых районах города происходит... Вот нам еще сообщили: снесен памятник Кур-

чатову. И тут же экстренное сообщение из службы безопасности АЭС. Просьба граждан соблюдать спокойствие пока на реакторе ведутся профилактические работы. Несмотря на известные трудности, мы, тем не менее, от всего сердца желаем мэру Хрякину успехов на своем нелегком пути.

Хрякин воет белугой и вылетает из кабинета, спотыкаясь на бегу.

Хрякин едет на велосипеде, падает, ранит коленку и плачет. Садится на крыльце школы. Чувствует тепло ладони на своей голове. Хрякин хватает чужую руку, нюхает и вглядывается в женщину, склонившуюся над ним. Видно смутно, но он разглядел. Это его первая учительница – *Нина Николаевна Соловьева (56)*.

Хрякин (*сглатывая слюну*). Господи...

Нина Николаевна (*мягко*). Нет, Коля, это я. А ты ничуть не изменился, все такой же сопливый плакса. (*Смеется*).

Хрякин опирается о руку учительницы и встает. Оглядывается и не узнает своей школы. Видит развалины памятника Макаренко и переводит встревоженный взгляд на Нину Николаевну. Она рассказывает о пребывании здесь его бойцов, об устроенном ими митинге, об учиненном вандализме, о наглом и бесцеремонном обращении с ней самой. Хрякин только теперь замечает, что Нина Николаевна все время по-

тирает шею смоченным водой платком. На коже явственно проступают синевато-багровые гематомы.

Хрякин *(в ярости)*. Я убью их.

Нина Николаевна *(мягко)*. Ничего, Коля. Они были нетрезвы да я и сама виновата. Не надо было вступать в дискуссию с неандертальцами. Ой, прости, пожалуйста. Мне не стоило.

Хрякин. Они пожалеют. Они новую школу вам... И двойную, нет, тройную пенсию я лично...

Нина Николаевна. Не надо, Коля, не старайся. Я все равно буду за тебя голосовать. А они... Они несчастные люди, которых никто пока не любил. Их просто очень запутали и внушили, что они больше не люди, а жалкие безмозглые рабы. Но придет время, а оно придет, они разберутся и помнеют. И вот тогда начнется самое страшное.

Нина Николаевна умолкает и грустно улыбается. Хрякин с тоской смотрит на окна школы, из которых никто не высывается, на вестибюль, по которому никто не носится и на странный транспарант, криво свисающий с фасада: ВСЕ НА БАРЬБУ Э БЕСГРАМАТНАСТИ!

Хрякин. Скажите, Нина Николаевна. А зачем вы будете за меня голосовать?

Нина Николаевна *(глядя в глаза Хрякину)*. Чтоб ты те-

перь знал, кому будешь врать в своих обещаниях.

Хрякину становится дурно, он не выдерживает пристального взгляда учительницы и уходит, понуро свесив голову. Он идет, расставив вперед руки, его сваливают с ног байкеры, смеются, пинают ногами. Хрякин просит о помощи.

В городе волнения и мародерство. Из уличных репродукторов, развешенных на фонарных столбах, звучат успокаивающие речи Хрякина, который клянется навести порядок, наказать виновных и распинается в любви к каждому жителю. А в это время беспомощно падают Гоголь, Пирогов, Мечников, тем самым пробуждая к жизни подхалимов и аферистов, заражая город страшными вирусными эпидемиями и увеличивая число самоубийств. Люди уезжают из города целыми кварталами, не забывая на прощанье плюнуть на расклеенные повсюду портреты Хрякина в противогазе.

Окулист ХЛЕСТАКОВСКИЙ осматривает глаза мэра, что-то капает в них, от чего мэр вскакивает.

Хрякин. Какого хрена так печет!

Хлестаковский (*смущенно улыбаясь*). Ой, это ж ацетон. Простите великодушно.

Хрякин (*орет*). Что?!

Хлестаковский. Вообще-то, я маляр. Но зато первоклассный, так что не извольте беспокоиться.

Хрякин вскакивает с кресла и бежит по кабинету, натываясь на мебель и стены.

Хрякин. А доктор? Доктор где, твою мать?

Хлестаковский. Он на футболе, а я его заменяю. Да вы не волнуйтесь, меня здесь все знают. Я даже с губернатором на дружеской ноге.

Мэр в ужасе выбегает из кабинета. Хрякин бежит по коридору, разражаясь нецензурной бранью. Останавливается отдышаться. В это время сзади ему на плечо ложится тяжелая рука. Хрякин оборачивается. Перед ним мужчина с сигаретой в зубах, в надвинутой на лоб фуражке и в толстом шарфе, обмотанном вокруг шеи. Мужчина с таинственностью в голосе сообщает свое имя:

Бендер-Задунайский к Вашим услугам.

Хрякин. А?

Бендер-Задунайский. Скидки на бесплатное лечение не нужны?

Хрякин мычит и убегает.

Бендер-Задунайский. Стопроцентная гарантия! Куда же вы? У меня есть четыреста сравнительно честных спосо-

бов, как выманить у вас деньги, Николай Ильич. Ваша школа, учитель.

Хрякин на крыльце. Видит движущиеся в его сторону полосатые пятна. Красотка-вамп АЗАЗЕЛИНА с вставным стеклянным глазом прикладывает к глазам Хрякина огромное увеличительное стекло. Хрякин видит, что эти пятна – толпы людей в противогазах и полосатой форме узников концлагеря, с плакатами: БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, ИСТОРИК! УБИРАЙСЯ ВОН ИЗ ГОРОДА! Хрякин прячется за спину Азазелины. Азазелина поднимает руку, и все замирают.

Азазелина (*Хрякину нежно*). Не бойтесь, мой дорогой. Пока я здесь, вам ничего не угрожает.

Хрякин (*задыхаясь*). Кто... Кто вы такая?

Азазелина. Я? Да знаете, не помню. У меня был автор, но его отправили на свалку. Было имя, но его вычеркнули из истории. Если угодно, зовите меня, скажем, убийцей.

Хрякин сжимает голову руками и делает гримасу ужаса. Ему страшно.

Азазелина (*равнодушно*). Хотите умереть? Это не больно, а вам даже на пользу пойдет.

Хрякин (*огрызаясь*). К черту, дура. К черту! Глаза. Мои глаза...

Азазелина. Ну что ж, к черту так к черту.

Азазелина протягивает Хрякину талон.

Азазелина (*продолжает*). Первокласная клиника, лучшие врачи. К вашим услугам лечебные смолы, горячие ванночки и непременно распятие. Последнее рекомендую особенно. Вы же любите все эффективное, особенно падать...на колени (*Смеется*).

Азазелина исчезает. Хрякин бежит к машине. Пока он садится в салон, ему в спину летят яйца и помидоры.

Хрякин (*водителю*). В аэропорт! Живо!

– Действие ускоряется, – возбужденно и с надрывом комментирует Григорич. – Ближе к финальному повороту у героя как водится совсем мало времени и при этом на него оказывается сильное давление. Он одинок и никому не нужен. Куда бы ни пошел, везде враги. Какое бы решение не принял – все только усложняется. Хрякин должен принять последнее решение перед финальной битвой, но хватит ли у него времени?

Григорич только теперь замечает, что уже давно наступил следующий день и что его слушают Рита, Кира и Ирочка. Слушают, разинув рты.

Машина лавирует между танковыми заграждениями на дорогах, проезжает мимо фонарных столбов, на которых обезображенные жителями портреты Хрякина. Путь машины преграждает кавалькада мотоциклов. Машина останавливается, подходит Удодов.

Удодов (*Хрякину, улыбаясь*). Николай Ильич, вы никак уехать собираетесь?

Хрякин (*хмуро*). А вам какое дело?

Удодов. Очень даже прямое. Вы лицо государственной важности и ценности необыкновенной. Вы не просто наш лидер, вы – новый символ города и если с вами что случится...

Хрякин. Что случится?

Удодов многозначительно кривит рот.

Удодов. Все ваши прожекты, идеи, амбиции – все вмиг кончится и тогда ради чего все затевалось? Не хотелось бы перед потомками выглядеть неоднозначно. С исторической точки зрения.

Хрякин. Что вы мелете? Я всего лишь лечу в глазную клинику – к мировому специалисту.

Удодов. Ах, ну это можно. Надеюсь, вы не против, если мои ребята сопровождают вас до аэропорта, а я уж так и быть до самой столицы? Разумеется, в целях безопасности. У вас

найдется местечко в вашем частном лайнере?

Хрякин в сопровождении байкеров и форда Удодова едет в аэропорт. Хрякин выглядывает из окна машины.

Хрякин. Как глупо все вышло. Я должен...должен все кончить сам. (*Водителю*). А далеко ли до авиазавода?

Водитель. Два квартала.

Хрякин. Сверни туда.

Водитель. Но нам не по пути.

Хрякин (*достаёт нож и упирает острием в бок водителю*). Живо!

Водитель послушно сворачивает. Они доезжают до авиазавода. Возле них резко останавливается форд Удодова.

Удодов (*подбегая к машине Хрякина*). Николай Ильич! Вы здесь что-то забыли?

Хрякин (*деловито*). Нет, это вы забыли. (*Указывает пальцем на памятник Туполеву*.) Плохо исполняете приказы.

Удодов (*удивленно*). Разве этот адрес был в вашем списке? (*Пытается найти в карманах список*.)

Хрякин. А как же.

Удодов (*улыбается*). Хитрец какой! Ладно. Мои ребята займутся им, а мы двинем дальше. (*Наклоняется к уху Хря-*

кина.) От народа не убежишь. (*Водителю.)* Заводи.

Байкеры облепили памятник Туполеву. Хрякин усмехается и в сопровождении удодовского форда едет дальше.

Аэропорт. Частный самолет. Удодов забирается в самолет, Хрякин резко закрывает за ним дверь и спускается с трапа. Он доволен. Видит перед собой толпу народа: нищего, злого, часть в эсесовской форме, часть в полосатой форме узников концлагеря и большая часть в противогазах. Хрякин подходит к толпе. Выходит Алла в противогазе.

Хрякин. Алла! Что за фокусы, мать твою?

Алла. Фокусы только от вас, Николай Ильич. (*Гладит себя по животу.*) Через шесть месяцев увидим, что за фокус родится? Может даже трехголовый. (*Смеется.*)

Хрякин сжимает голову ладонями и стонет. Задом пятится к самолету. Толпа напирает. Хрякин становится перед толпой на колени. Толпа плюет в него и смеется. Хрякин поднимается, хватая за руку Аллу и тащит ее к трапу.

Алла (*пищит*). Николай Ильич, куда мы? Куда?

Хрякин. В ад. Самое место....

Алла в истерике, но Хрякин вталкивает ее внутрь салона и входит сам. Самолет взмывает ввысь и летит над городом.

В это же время байкеры сваливают памятник Туполеву. В тот же момент падает и самолет Хрякина.

На свалке догорают обломки самолета. Вокруг черепки разбитых памятников, над ними кружит воронье.

Черный кот Бегемот лапой срывает этот финальный кадр, словно вырывает страницу из книги и произносит полу-утвердительно-полувопросительно:

ЭТО – НЕ ВАША ИСТОРИЯ?

Глава 8

Как только Григорич произнес последнюю фразу, точнее, вопрос кота Бегемота, Кира с Ирочкой в один голос воскликнули:

– Суперская сказка получилась.

– Но очень уж мрачная, – с легким скепсисом добавила дегтю Рита.

Впрочем, ее сейчас больше занимали дела семейные, поэтому сценарий она слушала в пол-уха, постоянно пребывая на телефонной связи с дочерью.

– Бедный дядя, – пропищала сердобольная Ирочка, имея в виду несчастного Хрякина.

– Сам виноват, – возразила всегда прямая Кира. – Не надо было трогать прошлое. Опасно для жизни.

– Опасно, – подтвердил Григорич. – Увы, прошлое – фундамент человека и крепость замеса каждому из нас всю жизнь приходится проверять на прочность. Хорошее или плохое твое прошлое, но от него уже никуда не деться. Хрякин попробовал и сами видите, каким стал.

– Очень злым и беззззз... – скривила губки Ирочка.

– Бездушным! – нетерпеливо выпалила Кира. – А у меня тоже есть прошлое?

– Как тебе сказать... – задумчиво произнес Григорич. – У вас с сестренкой пока только все в настоящем. Но когда оно

станет прошлым, не забудьте взять из него в будущее только самое лучшее. Ирочка забралась на коленки к Рите и попала в самые ласковые объятия на свете.

– Дедушка, а у бабушки хорошее прошлое?

– Ты ее любишь? – переспросил Григорич.

– Очень.

– Значит, хорошее.

Рита улыбнулась, и тут раздалась соловьиная трель из до-мофона. На благодушном лице Риты появился легкий румянец, а глаза выдали волнение – приехали Маша с Вованом. Все кроме Григорича побежали открывать дверь, а довольный проделанной работой сценарист принялся за вычитку очередного шедевра и уже обдумывал текст сопроводительного письма для киностудии.

Несомненно, Григорич верил в настоящий успех, но не успел он даже почту открыть, как из коридора донесся оглушительный вопль жены. Григорич метнулся на звук и только подбежал к двери, как та с силой распахнулась и в комнату влетела взбешенная Рита. Резким движением она захлопнула за собой дверь так, что даже задрожал хрусталь в буфете, закрыла ее на щеколду и бросилась на кровать. Отвернувшись к стенке, Рита стала сопеть, закашлялась и глухо зарыдала в подушку. Из семейного опыта муж знал, что его жену в такие моменты лучше не трогать – взорвется, а виноватым окажешься сам. Когда чуть спадет первая волна негодо-

вания и боли, от которой темнело в глазах и саднило в груди, Рита сама непременно выскажется, а пока Григорич сидел на краю кровати и терпеливо ждал. За стенкой настойчиво барабанила в дверь Маша и пыталась что-то нечленораздельно объяснить, но обиженная мать закрыла подушкой уши и не желала никого слышать. Из невнятных обрывков оправданий, тем не менее, Григорич начал понимать, что в общей суматохе вокруг продажи дома ящик с детскими фотографиями Риты якобы по ошибке снесли на свалку. Машу тогда больше заботило, куда девать мебель, посуду, книги и сколько за все это запросить. «А что фотографии? – легкомысленно решила она. – О них можно будет подумать и позже». Но не подумала, а после распродажи всего имущества довольная барышами Маша дала указание Вовану вывезти на свалку весь оставшийся в доме мусор.

Когда первые и самые удушающие спазмы обиды чуть ослабли, Рита прижалась к Григоричу и сквозь слезы прошептала:

– Это все, что у меня оставалось от мамы, понимаешь? Там всё, вообще всё моё.....моё...

Рита вновь глухо зарыдала, уткнувшись в грудь мужа.

– Как мне хочется.... – сжав кулаки, произнес Григорич.

Он ожидал, что Рита остановит его, вновь обвинит, что он ненавидит ее дочь, вновь начнет рассказывать, как тяжело Машенька ей досталась. Но жена не остановила, хотя прекрасно поняла, что Григорич имел в виду. В ее воспаленных

от слез глазах застыл сизый туман, а в голосе холодно про-
сквозило:

– Она вся в свою бабу Раю – мать моего первого. Та тоже как дело касается собственной выгоды, своего не упустит и плевать она хотела на чувства других.

Рита отстранила нежные руки Григорича, тяжело поднялась и неспешно подошла к зеркалу, стоявшему на комод. Взглядом охватила пространство, схватила шпильку, нервно постучала ею по зеркалу, нахмурилась, затем открыла пудреницу, захлопнула крышку, проделала эти манипуляции несколько раз и застыла. Наконец, Рита взяла расческу и начала выделывать на голове немислимые башни. В дверь постучали. Один. Два. Три удара. Проскулил голосок Ирочки.

– Открой, – холодно попросила Рита мужа.

Григорич отодвинул щеколду и в комнату в диком волнении вбежали их внучки. Дергая то дедушку, то бабушку за ноги и плечи, они наперебой щебетали, что мама не в себе, на всех кричит и приказала им сложить в мусорные пакеты весь их хлам, который собиралась позже выбросить. Не оборачиваясь, Рита холодно бросила:

– Вы что, не видите, чем я занята? Оставьте меня в покое! Все оставьте меня в покое навсегда!

Из груди ее стали вырываться хрипы, а губы на безобразном от гнева лице задрожали так, что внучки со страху ринулись из комнаты с криками:

– Злая! Злая!

Григорич встал, подошел к жене и слегка коснулся рукой ее плеча. Рита отдернула руку мужа и продолжала причесываться. Тот мялся, подбирая слова утешения, наконец, произнес:

– Мася, с другой стороны, старые фотографии обладают сильной отрицательной энергией. На них изображено много умерших. Я имею ввиду... Только пойми правильно, но моя мама тоже сожгла все старые фотки на всякий случай.

Григорич зажмурился, ожидая гневной тирады со стороны жены, но ее не последовало.

– Я понимаю, – тихо ответила Рита. – Просто так обидно стало. От родной дочери... Теперь у меня не осталось прошлого. Ничего не осталось. И никого.

– А я? – растерянно спросил Григорич и взял в ладони руку жены.

Рита повернулась к мужу и поцеловала его в губы.

– Какое же ты прошлое? Ты – мое настоящее и наверное, вообще единственное мое спасение – каждый день и каждую минуту. Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь стал моим прошлым.

В комнату вбежали заплаканные внуки. У каждой в руках были их ценности – маленькие, какие бывают у детей, но самые-пресамые дорогие. Кира обвесилась кучей золотых и серебряных медалей от танцевальных конкурсов, а Ирочка прижимала к груди уже полюбившуюся ей куклу Аню. Де-

вочки ежились у стола Григорича и Ирочка плаксивым голоском пожаловалась:

– Мама хочет выбросить наши вещи. Можно мы их у вас спрячем, а то...а то.....?

– А то нам нечего будет взять в будущее – отрезала Кира, и Григорич заметил, что та прилагает огромные усилия, чтоб тоже не расплакаться.

– Конечно, – тихо ответила Рита и спрятала ценности в самое укромное место – в книжном шкафу. Туда уж точно Быдловичам не придет и в голову заглянуть.

– Бабушка, а ты уже не злая? – спросила посветлевшая Ирочка.

– Нет, мои дорогие, идите ко мне.

Внучки подбежали к Рите, и крепко обняли бабушку.

На следующее утро Рита призналась Григоричу:

– Знаешь, что я подумала. Значит, так надо было, чтоб я больше никогда не увидела фотографий. Меня тогда на кладбище не зря так сильно потянуло зайти в дом. Словно мама, зная все заранее, хотела, чтобы я в последний раз взглянула и вспомнила всю-всю нашу жизнь и запомнила ее навсегда. Сегодня ночью мне приснилась бабушка и так мы хорошо поговорили, будто живьем ее видела и ощущала. Она успокоила меня и посоветовала.... В общем, я решила, что буду теперь собирать фотоальбом своих внучек и клеивать все-все их фотографии.

– А я стану Хранителем этого альбома, – поддержал жену Григорич.

Заряженный положительной энергией, Григорич сел за компьютер и начал строчить: «Уважаемая киностудия! Я – начинающий сценарист и хотел бы предложить на Ваш суд заявку и сценарий фильма «Свалка истории». Это поучительная история о том, что может произойти с человеком, если однажды он возьмет и плюнет в прошлое....

Глава 9

За то время, пока Григорич корпел над сценариями, накопилась уйма переводческой работы, поэтому он вынужденно погрузился головой в заказы, ибо заработки со сценариев представлялись пока еще отдаленной перспективой, а кормить семью приходилось уже сейчас. Кроме того он знал, что если переключиться с мучавшей проблемы на другую тему, то все может решиться само собой самым неожиданным образом. Главное сделать вид, будто никакие квартиры тебя уже не интересуют, и продолжать жить, как ни в чем не бывало: зарабатывать на хлеб насущный, в свободное время ходить с женой в театр или устроить на даче пикник с друзьями. Работы и в самом деле привалило выше крыши: приходилось ночи напролет с бешеной скоростью тарыхтеть по клавиатуре, параллельно осваивая языковую программу Традос, выдерживая бесконечные дискуссии с въедливыми редакторами бюро переводов и тестировать нервы на ударную прочность, выслушивая зачастую невнятные претензии заказчиков.

Не забывали о вечно занятом Григориче и «вежливые» домочадцы. Рита как могла, оберегала зыбкий покой мужа, окружая его чуть ли не китайской стеной и возвышаясь на форпосте в дверном проеме в их комнату. Но как говорит-

ся, против хамства не выстроили еще той стены, да и против контрабандистов тоже. В этом плане настырные внуки проявляли чудеса лицемерной дипломатии, чтобы уговорить бабушку пропустить их к дедушке – то за скотчем для Кирры, то за листиком для рисования Ирочке, то обеим кровью из носа нужно было получить оценку постороннего зрителя за их совместный танцевальный номер. Посторонним они выбирали, естественно, Григорича. На кухне за стенкой по традиции пререкались Вован с Машей – громогласно вопя о том, кто сколько съел котлет и шепотом шурша о делах денежных. Проданный дом Ритиной мамы уже пустовал, но денег Рита еще не получила. По договору клиенты должны были расплатиться с Быдловичами на неделе.

Словно незримая Сила свыше дала возможность Григоричу немного рассчитаться с делами, потому что почти сразу же по завершении последнего заказа ему написали из киностудии. Письмо пришло от той самой Карины, оказавшейся живее всех живых на кладбище студийной редакции, чему Григорич несказанно обрадовался. Правда, девушка тут же предупредила, что сценарий «Свалки истории» она не читала, поскольку студия переполнена проектами на реализацию на пять лет вперед. Вместе с тем Карина предложила Григоричу приехать в Москву на питчинг. Еще не зная, что за гадость скрывается под странным словом, Рита женской интуицией почувствовала нечто сомнительное в приглашении и

категорически его отвергла.

– Хочешь, поедем вдвоем? – предложил Григорич.

Но закрытые из-за карантина границы между Украиной и Россией оставляли планы Григорича наивной эфемерной мечтой. Был, правда, один вариант: добраться до места назначения через Белоруссию, но тут надо сказать пару слов о самом мероприятии под чудным названием питчинг, что с английского переводится как *кидание или бросание*. Речь шла не о том, как собираются маргинальные личности и начинают друг друга кидать, заканчивая свои доклады и презентации банальным мордобоем и поножовщиной. Для питчинга действительно существует вброс, только он информационный: собирается многочисленная аудитория из продюсеров, финансистов, директоров студий, режиссеров и прочей орды киноведев, перед которой робкий сценарист, путаясь в смысле и спотыкаясь на словах, презентует свой проект. И от того, насколько мастерски он подойдет к подобному вбрасыванию, зависит, захочет ли кто-нибудь из собравшихся магнатов и мэтров вложить деньги в экранизацию работы новичка. Шаг этот довольно рискованный и в тоже время наглый – за три минуты, а именно столько времени отводится на презентацию проекта, из серой неизвестности прыгнуть в счастливое будущее или так и оставаться в небытие с хроническим комплексом неудачника.

– И никаких гарантий? – спросила Рита и повела плечами.

– Увы, – вздохнул Григорич. – Но если сценарий не купят,

то может, удастся познакомиться с нужными людьми.

Рита пристально посмотрела на мужа и переспросила:

– Может? Ты и вправду хочешь потратить кучу денег на переезд через две страны и обратно, чтобы три минуты поучаствовать в конкурсе, не будучи уверенным в успехе?

– Ну почему не будучи... – не очень смело протянул Григорич. – А вдруг повезет.

Рита опустилась на стул и отвела взгляд в сторону. Муж присел на корточки и охватил руками полноватые ноги жены.

– Они устали, – вздохнула Рита, показывая на налитые ступни.

– Хочешь, разотру их «Силой лошади», – предложил Григорич.

– Я отдохнуть хочу, а не участвовать в скачках, – съязвила жена. – Ирочка вон как кашляет, за ней уход нужен. А Кира в школе с Софией какого-то мальчика побили – мать к директору вызывают.

– Пусть Машка пойдет, – буркнул Григорич.

– А где она, наша Машка? – разведя руками, воскликнула Рита.

– Не наша, а твоя. По городу с Вованом бегают – уголок укромный ищут. Зов предков, етит.

– Ты снова начинаешь?

Григорич ничего не хотел начинать и потому молчал, хмурясь и стискивая зубы, лишь только играющие желваки на

щеках выдавали его сердитость.

– От того что ты насупился, – заметила Рита, – легче не станет. Ну, повесили на нас детей, в первый раз что ли? Короче, езжай в свою Москву, я сама справлюсь.

Рита вскочила с кресла на хриплый окрик Ирочки из соседней комнаты, но споткнувшись о ножку комода, плашмя грохнулась на пол и больно ударилась бедром. Григорич подскочил уже поздно и только хотел поднять жену, как та нервно отбросила его руку. Он понял, что никуда уже не едет, но помог жене встать и усадил ее в кресло. Рита не давала себя обнять, и Григорич молча вышел из комнаты. Ему нужно было «растряссти голову» и спокойно все обдумать.

Через полчаса он вернулся к Рите с загадочной улыбкой на губах.

– Что? – пытливо встревоженным тоном спросила жена.

– Мы едем в «Дубраву», – радостно возвестил Григорич и поцеловал ошарашенную Риту.

– Не поняла. В санаторий?

– Ну да. У меня там одноклассница работает администратором, Наташка Кракова. Обещала все устроить. Как раз есть свободный финский домик на двоих. Хвойный воздух, озеро, трехразовое питание, процедуры на выбор и все удобства. А главное – тишина и покой.

Глаза Риты загорелись, но она тут же посерьезнела.

– Сколько стоит?

– Бесплатно.

– Только этого мне не хватало! – встревоженно воскликнула жена.

– Успокойся. На самом деле условно бесплатно. К ним сейчас заселилась одна дамочка....

– Ах, вот как, – игривым тоном сказала Рита. – Ну-ну.

– Нет, ты не поняла, – замахал руками Григорич. – Она Наташкина подружка, но главное то, что она – известная режиссер и ей нужен репетитор по английскому языку.

Рита встала, и фривольно виляя бедрами, подошла к мужу.

– Ты уверен, что ей нужен только язык? – с нескрываемым сарказмом поинтересовалась Рита.

Быдловичи, как узнали об отъезде Риты и Григорича, в тот же миг возопили:

– Как так?! – в один голос кричали Вован с Машей. – А как же Ирочка с Кирой? Кто за ними присмотрит?

– Вообще-то, – возражала Рита, – у них родители есть.

Маша повизгивала вслед за муженьком.

– Конец месяца, я зашиваюсь на работе допоздна. Мама! Имей совесть. Ты же бабушка.

– Ну и что? – ухмыльнулась в ответ Рита.

– А то, – продолжал Вован, – что бабушка обязана....

– Ничего она не обязана, – гаркнул в ответ Григорич, крепко удерживаемый за рукав женой. – Обязаны детям, прежде всего родители – до их полного совершеннолетия. А

бабушки с дедушками ничего не должны, а только если пожелают из большой любви. Но не надо ею злоупотреблять и кричать о совести. Не по адресу. Вы лучше с клиентами разберитесь и отдайте нам деньги за дом.

Как бы там ни было, а уже через пару дней Григорич с Ритой отправились в поселок Песочин, что в сорока километрах от Харькова – в санаторно-курортный пансионат «Дубрава», состоявший из шестиэтажного административного здания, лечебно-оздоровительных корпусов, спортивных площадок, роскошного парка-заповедника с бегающими декоративными свинками и козочками, большим живописным водохранилищем, бюветами с минеральной водой и многими уютными уголками вдали от суетного пыльного города. Наши герои поселились в одном из двадцати деревянных финских домиков на двоих с видом на розарий, за которым сразу же золотился пляж, и рассчитывали на приятный отдых. Но покой, как говорится, только снится тем, кто больше всего на него рассчитывает.

Длинноногая стройная как тростинка Ева, которой едва можно было дать лет двадцать, выглядела гибкой хищной павой с пышной огненной шевелюрой почт до пояса, стреляющими по сторонам глазками и миленькой лисьей улыбкой, под которой угадывался волчий оскал – только тронь, возрази или посмей встать на дороге. Несмотря на то, что бедра де-

вушки были плоскими, грудь лишь угадывалась, а ягодницы, обтянутые шелком коротких шорт, выделялись небольшими холмиками, Ева настолько искусно пользовалась всем, чем одарила её скромная природа, – так умела повернуться, выгнуться, пройти и повилиять, – что все невзрачные женские достоинства сразу же попадали в ТОП вкусов мужской части отдыхающих сердечников. Впрочем, кардио-терапевтическое оснащение в санатории действовало мобильно и без особенных сбоев успевало спасать и подлечивать дряхлые, но претендующие на боевитость органы плотоядной публики. Еву – всегда живую, приветливую и любезную со всеми – хотели завоевать многие, но Рита сразу же предупредила мужа, что на прелестях подобных дамочек сплошь выбиты знаки: ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ! и ОСТОРОЖНО! ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ! и ей странно, что мужчины замечают это когда уже слишком поздно. Поэтому пусть он даже и не мечтает подкатывать к манерной пигалице. Григорич уверил жену, что она – его ученица и режиссер, и подкатывать он намерен исключительно с творческими планами. В свою очередь Рита выразила надежду, что ей не придется корректировать эти планы. На том и согласились: Рита продолжила спокойно завтракать на террасе столовой, а Григорич из-за стола изредка кидал взволнованные взгляды через парапет на пляж, где под зонтиком возлежала Ева и полотенцем отгоняла кружащих над нею комаров.

В тот заезд как назло на зону отдыха напали полчища летучих тварей. Кто говорил, будто с вертолета сбрасывали на поля специальные удобрения, но тех отнесло сюда и вслед за ними за вкусненьким ринулись комары, а кто утверждал, что комары появляются к климатическим катастрофам, но в любом случае жужжащих агрессоров было очень много. Скрыться от них было просто нереально ни днем, ни ночью, ни утром и ни вечером. Проснешься – весь искусан, сплевываешь остатки лапок и крылышек, вокруг тебя на постели кровавые пятна, такие же на стенах, потолке и на окнах. На аллеях, в барах, в процедурных кабинетах и на пляже не было покоя от раздражающего писка мелких негодяев, и вот сейчас весь пляж лежал и был занят только одним – кто панамкой, кто платочком, а кто и веткой березы – отгонял обнаглевших кровососов от своих изнеженных телят. Григорич сочувственно поглядывал на Еву и тут же бледнел, ловя на себе пристальный взгляд жены.

Видя страдания мужа, Рита шлепнула его по лбу и убив комарицу, вынула из сумочки баночку с кремом.

– Иди и предложи бедняжке, – сказала она и поставила баночку перед мужем.

– Зачем? – недоуменно спросил Григорич.

– Иначе кровожадные комарики сгрызут нашу режиссершу, – усмехнулась жена. – Ступай, рыцарь.

Григорич пытался было вяло отнекиваться, но Рита тут же предупредила, что еще одно его «Нет!» и она спрячет крем

обратно в сумку. Судорожно схватив со стола баночку, Григорич изобразил на лице страдание, наспех пригладил волосы, подышал в ладонь и как бы нехотя, вперевалочку вышел на аллею, которая вела на пляж. Вслед ему сдержанно улыбалась жена, но когда заметила, как он, робея, сделал вокруг пляжа несколько кругов, поглядывая в ее сторону и не решаясь подойти к Еве, рассмеялась во весь голос.

На прекрасном, чуть подернутом пунцовым загаром личике Евы, отразилось раздражение, когда над ней возвысилась тень очередного воздыхателя. Но державший в одной руке баночку с кремом, а в другой папку со сценариями, Григорич вовсе не собирался флиртовать и выглядел кудаковатым чертежником из какого-нибудь захудалого СКБ. Ева оценивающе оглядела мужчину, который ничем особенным ее не впечатлил и с некоторым удивлением спросила:

– Вы что-то хотели?

Нарезая круги вокруг объекта своего желания, Григорич не терял времени даром, а обдумывал, с чего начнет разговор со столь ярким и очаровательным представителем киноиндустрии, внимания которой так рьяно добивался. Несколько сносных вариантов начала беседы успокоили его, но как только Григорич оказался совсем близко к девушке, а та еще и задала вопрос, в голове у мужчины образовался давящий на виски вакуум. Первое, что он сделал со страху, это протянул девушке крем.

- Хотите?
- Что это?
- От комаров.

Равнодушный взгляд Евы, которая повела плечиками и собиралась отвернуться от странного мужика, заставил Григорича начать выдавливать из себя информацию об однокласснице Наташке, о том, что он здесь, чтобы обучать английскому известную кинодиву, а вообще он хочет стать сценаристом и вот он здесь с женой, потому что у той болят ноги и ей нужно отдохнуть от семьи, а еще... еще... Со скоростью пулеметной очереди он выплевывал такую словесную кашу, пока не выдохся и не услышал звонкий смех Евы. Она привстала и взяла в руки крем. Заинтересованная содержанием, девушка открыла баночку и понюхала. На лице отразилась довольная улыбка, и проявившийся было гнев, сменился милостью. Приглашая Григорича присесть рядом, она спросила:

- Так вы и есть тот самый знаменитый преподаватель английского и подающий надежды сценарист?
- Ну, – замялся Григорич, сжимая в руке папку. – Я бы так не сказал. У меня есть два написанных сценария, но их...
- Никто не покупает, – сочувственно добавила Ева и покачала головой.
- Увы, – вздохнул Григорич.

На обложке папки фломастером были выведены названия: «Колокол по тебе» и «Свалка истории». Проведя ногтями

по картону и поиграв бантиком тесемок, Ева улыбнулась и протянула:

– Слишком вычурно звучит, не находите?

Она выгнула спинку и потянулась навстречу солнцу, запрокинув голову назад и оголяя верхнюю часть груди.

– Не трудно догадаться, о чем там написано, – продолжала Ева уже более серьезным тоном. – Что-нибудь мистическое и претенциозное, да? Однако зрителю совсем не нужна ваша заумь.

– А чего нужно зрителю? – спросил Григорич.

– Натуральности, вот чего, – словно ожидая вопрос, воскликнула девица. – Ничего наносного, высосанного из пальца, никакого чуда, понимаете? Только реальность. Мистика – для узколобых бездарей, которые не способны подумать и призвать здравый смысл, чтобы логическим путем решить проблему, с которой столкнулся герой. Выбросьте всю эту феечно-ванильную чушь из головы. Зритель должен узнать из истории свою личную ситуацию, а не увидеть надуманную и размазанную соплями сказку. Если бы в жизни так все было просто как в романах графоманов: Бац! И у нищенки виллы, лимузины и гениальные дети. Любящий рыцарь муж или любовник-боксер, который успешно защищает вас ото всего зла на свете и внезапно свалившееся на вас наследство из-за границы. Какая слащаво-тошнотворная хрень, не находите? Я только за правду. Чем правдивее – тем скорее к вам потянется зритель, потому что вы рассказываете ему о нем

самом, о его жизни, его страданиях и он понимает, что не одинок в своих бедах, что есть и хуже проблемы. Вы сочувствуете ему и помогаете справиться с горестями. Я, как зритель, хочу почувствовать правду и насладиться реальными ощущениями, хочу искренне плакать и искренне смеяться, а для этого я должна поверить вам – как опытному автору, который знает, о чем пишет и что делает. Ну, дайте же мне....

– Что? – не понял Григорич, вновь протягивая крем.

– Дайте мне правды ощущений, – томным голосом произнесла Ева, обволакивая Григорича ласковым взглядом и приподняв слегка изогнутую в коленке ножку, отвернувшись, выпячивая ягодицу. – Ну же!

– Вы хотите... – робко произнес Григорич, открывая баночку.

– Да-да... – прошептала девушка, касаясь голенью ноги мужчины. – Помажьте там.

– Где?

– Там где вы видите укусы.

Дрожащими руками, из которых выпала папка, Григорич открыл баночку, выдавил на ладонь густую белую с жемчужным отливом жидкость, и искоса бросая взгляд в сторону террасы, стал массировать бедро Евы.

– Ах, – еле слышно протянула девушка и выгибаясь, попросила втирать плавно и нежно. – Вот так... Да... Ощущения должны быть натуральными. Мы не в Америке, где все дутое, даже зрители в кинозале, которых надувают огром-

ными...ах...и мощными насосами. Но они профессионалы, они мастера эффектов и им все...абсолютно все простиительно. Да...еще пожалуйста... А нам нужно пользоваться только тем, чем умеем, иначе фальши нам зритель не простит.

– Чем умеем? – не понял Григорич.

– Чувствами, мой дорогой, – застонала Ева и чуть сильнее выгнула попу навстречу мужским ладоням. Когда Григорич выдавил почти полбаночки крема на зависть проходившим мужикам, он вновь бросил встревоженный взгляд на террасу, но Риты за столиком столовой уже не было.

– Эй, – услышал он голос Евы. – Вы слышите меня?

– Простите, задумался. Вам легче?

– У вас руки прирожденного массажиста, – игриво порхая ресничками, произнесла Ева. – Я все так натурально ощутила, и знаете, начинаю верить вам. До профи, конечно, еще далеко, но... Вы, кстати, смотрели мой фильм «Стадо»?

– Нет, – смутился Григорич. – Но обязательно посмотрю. А вы...вы можете прочесть мои сценарии?

По кислому выражению на лице, он понял, что Еве меньше всего этого хотелось. Небрежно взяв папку и оценив ее вес на ладони, она сухо произнесла:

– Ого, тяжеленная. Натуральность гораздо легче, мой дорогой. Ладно, почитаю. Однако когда же мы начнем наши занятия?

– Давайте прямо завтра.

Прощаясь с девушкой, Григорич еле поднялся, обнаружив напряжение в районе паха, и еще больше смутился от того, что этот казус заметила Ева, которая усмехнулась и удовлетворенно щелкнула зубками. Повернувшись на животик, и снова выгнув попу со слегка спущенными по бедрам трусиками, она одарила Григорича очаровательной улыбкой и пожелала приятного отдыха.

В своем домике Григорич с Ритой начинали потихоньку обустраиваться, создавая некое подобие домашнего уюта. Вооружившись молотком и отверткой, Григорич под руководством жены подбивал, подкручивал, подключал. Обладающая тонким вкусом и заботливой душой Рита развешивала шторы, украшала комнатку и кухню-веранду цветами и благодаря маленькой газовой плите и заполненному припасами холодильнику из кухни по всему домику разносились вкусные ароматы яств. Обоих домочадцев радовал вид из огромного на всю стену от пола до потолка французского окна, увитого снаружи диким виноградом и жимолостью. Из кухни с таким окном не хотелось уходить – вот так засиживались Рита с Григоричем в креслах за большим столом и любовались природой, сонно потягиваясь и ведя ленивые беседы-мечты, избегая каких-то сложных тем, особенно связанных с Быдловичами. В самом деле, погружаясь в атмосферу расслабленности, при отсутствии беготни и нервотрепки от давящих на тебя хищников и угнетающих бытовых проблем,

сразу чувствуешь накопившуюся усталость. Под ее мощной властью, лишенный всякой энергии, бродишь как амеба и не способен ни соображать, ни что-то решать, а только поражаешься, как у организма до сих пор хватало сил выдерживать невероятные нагрузки.

Несмотря на близость к пляжу, Рите не нравилось загорать, она вообще ненавидела солнце, хотя плавать любила и проводила много времени в реке, подтрунивая над мужем, который сгорая от стыда из-за боязни воды, плескался у берега. Сотню раз пыталась она затащить Григорича в воду и научить плавать, но тот ни в какую. Правда, после общения с Евой, Григорич вдруг почувствовал в себе невесть откуда прилившие силы и приободренный, бросился на волну. После нескольких судорожных плавов, какие, наверное, делают птенцы-желторотики, впервые выпавшие из гнезда в естественной надежде взлететь, инстинкт самосохранения напомнил Григоричу, что как бы тому на радостях не утонуть. Обозленный же на собственное неумение держаться на воде, он все-таки пытался барахтаться, отгоняя от себя удивленных и испуганных пловцов, вскрикивая при этом что-то смачно матерное. Григоричу казалось, что если мат зачастую помогает правильнее выразить мысль души, много веков решая запутанные проблемы между людьми, то почему бы ему с таким же успехом не подкрепить невинное желание неумехи проплыть пару-тройку километров. Довольно ско-

ро пришлось смириться с тем, что на мате далеко не уплы-
вешь. Единственное, чего удалось добиться – так это снять
животное напряжение между ног, оставленное от незримой
животной силы манкой женщины, которую Григорич до сих
пор ощущал на себе, как бандар-лог от власти Каа. В воде
сделалось намного легче, и он еще пытался контролировать
движения рук и ног в надежде на чудо. Чуда не произошло,
а острые прикосновения игривых мальков к лодыжкам го-
ре-пловца заставили Григорича прекратить совершать глу-
пые конвульсии, испугаться и ринуться к берегу.

Вернувшись в домик, где Рита встречала его с миской
клубники в сметане, Григорич плюхнулся в кресло и сразу
же с гордостью соврал, что сумел проплыть целых два метра.

– По воде? – поинтересовалась жена с иронией в глазах,
указывая на грязные от мокрого песка и прилипшей гальки
с ракушками шорты. Григорич надулся, но не обиделся, а с
жаром стал рассказывать, как прошла встреча с режиссер-
шей.

– Дай Бог, – серьезно сказала Рита. – А как же англий-
ский?

– Завтра начнем, – ответил муж и облизнулся при ви-
де вкусно жующей жены, требуя себе тоже клубники. Рита
удивленно вскинула брови.

– Я думала, ты сыт, – сказала она и прыснула от смеха.
Но перехватив укоризненный взгляд мужа, встала с кресла и
пошла за новой порцией ягод. – А ты пока сметаны достань

из холодильника.

На двусмысленность просьбы и неиссякаемый иронично-игривый тон Риты, Григорич бросил в жену свернутую газету и вскрикнул:

– Пошлячка!

Когда уже стемнело и на всех прибрежных аллеях и у фасада главного корпуса зажглись фигурные фонари, а в траве застрекотали цикады, где-то с побережья стали доноситься мелодии дискотечной музыки, вызывая ритмичные и разноцветные всполохи на небе. Пансионат гулял и почти все домики опустели. Наши же герои, изрядно утомленные за день, оставались дома. Им было чем заняться в тишине, охраняемой вековой задумчивостью дубравы, помимо, конечно периодических шлепков – то либо Рита, либо Григорич лупили по комарицам, оставляя на местах кровавые трупики всмятку. У Риты болела голова, она лежала в комнате на широкой кровати, о которой мечтала дома, и дремала. Григорич сидел в кресле на кухне и набрасывал план предстоящих занятий с Евой, хотя мыслями он блуждал в своей теме, а в голове переваривался весь сегодняшний разговор с девушкой. Сама мысль Евы об умении точного изображения эмоций персонажа интриговала Григорича, но тут же возникала масса вопросов: Как это сделать? Нужно ли писателю, перед тем как создавать персонаж, прежде все испытать самому: страх, ненависть, любовь, начать проявлять

жестокость или совершить подлый поступок, чтобы понять глубину собственных ощущений от всего этого и тем самым научиться убеждать читателя, а затем и зрителя в реальности того, что описывает автор? С другой стороны, критическим оком наблюдая игру многих актеров в сериалах, Григорич не раз убеждался, что виноватым чаще всего оказывается не сам сценарий, а бездарный или просто нерадивый актер, которому недосуг вживаться в образ и показывать то, чему его четыре года учили в институте. Такого проходимца больше беспокоит, сколько он заработает за эпизод и удастся ли переспать сегодня вон с той смазливой статисточкой, которая глазенок не сводит с его ширинки.

И все же сейчас Григорич все больше волновался о приговоре, который вынесет ему как автору известная режиссер и все меньше думал об английском. Не в силах постичь принципов достоверного изображения эмоций, он не находил себе места от мысли: А достоверно ли он сам раскрыл психологическое состояние Вадима в «Колоколе по тебе», когда герой попадает в яму и понимает, что виновен в убийстве сестры? А реально ли он сам отобразил душевный коллапс Хрякина из «Свалки истории», когда тот осознает, во что превратил родной город грязными политическими играми и собирается свести счеты с жизнью? «Да что мне, – в отчаянии закрипел зубами Григорич, – самому повеситься, чтобы достовернее изобразить на том свете ощущение удушья?»

Григорич глубоко вздохнул и неумолимое чувство сонливости – самое реальное и самое достоверное ощущение, которое он знал идеально – стало наваливаться на него, лишало энергии и желания размышлять и растворяло оплывающий мозг в пространстве, размазывая фокус реальности бытия до сплошного серого пятна. Вдруг в окно постучали – сначала тихонько и однократно, затем дробно в разных местах и очень резко и призывно. Стекла задрожали, распугивая заночевавшие стайки комаров, а снаружи замелькала чья-то беспокойная тень.

– А! Кто? Что?

Григорич быстро вскочил с кресла и опрокинул тумбочку, на которой стоял стакан с чаем и блюдце с печеньем. Стакан разбился, выплеснув парующую жидкость на мгновенно размокшую сдобу печенья, но на чертыханья Григорича стук в окно усилился и перешел на топот у двери. Из комнаты появилась заспанная Рита в халате и с полотенцем на голове.

– Кто там? – испуганно спросила она мужа.

Они оба открыли дверь, и из темноты на них надвинулась фигурка в коротких облегающих шортиках и топе, и тут же везде запахло очень дорогим парфюмом. Перед хозяевами домика стояла Ева и тихонько всхлипывала. Она слезно просила прощения за позднее вторжение, хотя если бы знала, что они отдыхают, то никогда не посмела бы. Но судя по мелькнувшей лукавинке в лисьих глазках девицы, проницательная Рита с ухмылкой отметила: «Врешь ты всё, сучка

длинноногая. Еще как бы посмела».

– Можно? – тихим робким голоском попросилась войти Ева. Григорич тут же суетливо пропустил трясущуюся от страха девушку вперед и извинился за осколки на полу. Многозначительно взглянув на жену, которая лишь зевала и не предпринимала никаких действий, Григорич взял веник с совком и быстро стал сметать мусор. Ева встала у холодильника, и едва тронув дверцу, тотчас отпрянула от нее.

– Вы голодны? – наконец поинтересовалась Рита, пряча зевоту в кулак.

– Нет, нет, – задыхающимся голоском произнесла девушка. – Я хотела, но там кто-то есть.

Она закрыла лицо руками и затрясла головкой. По воздуху изящными прядями распустились шикарные золотистые волосы. Григорич поневоле залюбовался мерцающим звездопадом, но тут же отвел глаза, чувствуя пронизывающий взгляд жены.

– Где есть? – начиная просыпаться, спросила Рита. – В холодильнике?

И Ева лихорадочно на надрыве стала рассказывать, что она уже собиралась лечь у себя в домике, как вдруг в тишине с кухни послышался шорох, и будто что-то пискнуло и упало за холодильник. Поначалу девушка не обратила внимания – мало ли, что за звуки, может быть чей-нибудь гуляющий кот вышел на охоту. Однако спустя пару секунд вновь зашуршало, но уже в комнате и по воздуху будто на-

чал летать детский вертолет, крутя пропеллером, и издавая страшные пiski. Внутри у Евы все похолодело, а ноги стали ватными, но девушка смогла заставить себя встать и держа перед собой шелковое покрывало, пошла включить свет. И только комнату озарило освещение, как все пространство по диагонали пересекла огромная летучая мышь и уцепилась за занавеску. Ева дико заорала и выбежала из комнаты, а затем и из домика. Заперев за собой дверь, она буквально спрыгнула со ступенек крыльца и побежала по аллее, заворачивая к каждому домику. К сожалению, жильцов не было дома, и только у Григорича горел свет на кухне. Не желая показаться навязчивой и рискуя испортить отношения семьи, Ева долго мучилась, но страх пересилил сомнения, и она постучала в домик, прося помощи. При этом девушка такими жалобными слезливыми глазками смотрела то на Григорича, то на Риту, что только последняя бессердечная сволочь могла бы остаться равнодушной к мольбе несчастной.

– Какой ужас... – прошептал Григорич и предложил Еве воды, но та скромно отказалась.

– Нет, что вы, – сказала она. – Я только прошу, пойдете со мной, я страшно боюсь мышей.

От Евы и в самом деле исходил самый настоящий страх, сопровождавшийся икотой и всхлипываниями. Рита вздохнула и обратилась к мужу.

– Ладно, сходи, посмотри, что там за мышь. Только возьми веник или что-нибудь и не вздумай гонять ее руками. А

вам, Евочка, я бы порекомендовала перед сном никогда не краситься.

У Евы промелькнула легкая хмарь на лице, она бросила быстрый холодный взгляд на Риту, но видя ироничную улыбку на лице опытной женщины, так же быстро опустила глазки долу. Григорич схватил веник и вышел вслед за девушкой, глаза которой источали теперь благодарность и полное удовлетворение. Рита закрыла за ними дверь и попросила мужа не забыть принести веник обратно, чтобы не пришлось ходить два раза. Григорич буркнул что-то неразборчивое и исчез в темноте.

Они проникли в домик Евы и затаили дыхание в тишине. Грудь девушки так плотно прилегала к спине мужчины, что Григорич мог чувствовать каждый стук сердца Евы и этот стук словно пригвождал его к кресту. От дыхания – такого ароматного и глубокого – Григорича пробирала дрожь и не только по спине, но и по всему телу заструился щекочущий липкий пот. Капельки пота проявились и на лбу. Ева прошла вперед и аккуратно промокнула лоб Григорича платочком.

– Вы – мой герой, – прошептала она и близко-близко поднесла губки к лицу мужчины. Тот с постным выражением на лице обвел глазами кухню, нашел кастрюлю и вручил ее девушке.

– На случай если придется обороняться, – пояснил он и приказал Еве стоять на месте и быть начеку.

– Да, мой герой, – со сладостным придыханием произнесла та и затаилась, держа кастрюлю на уровне груди и слегка постукивая игривыми пальчиками по дну снаружи.

В комнату Григорич вошел с некоторым чувством стыда, ведь это была комната женщины и он – здесь, да еще и ночью. Если бы не истинная причина появления мужчины в покоях незнакомки, мало ли что можно было бы предположить. В любом случае нашелся бы какой-нибудь доброжелатель, который тут же доложил бы Рите о ночных похождениях ее благоверного. Впрочем, Григорич был убежден, что подобные мысли на него накатили только благодаря возбуждающему аромату парфюма, смешанному с запахом женского тела, исходившего от белья, разбросанного по всей комнате. Помахивая веником, Григорич включил свет и никого не обнаружил. Сделав несколько шагов, он заглянул за занавеску, приоткрыл створки шкафа и даже заглянул под кровать. Никакой летучей мыши нигде не наблюдалось. На прикроватной тумбочке стояла ваза с черешней, и Григорич не сдержался и положил одну ягоду в рот. Предательский сок брызнул из-под кожуры треснувшей мякоти прямо на белую футболку. Прижимая руку к груди, чтобы скрыть пятна, Григорич позвал Еву, но девушка никак не реагировала. Подозревая неладное, он вышел из комнаты напряженными пружинистыми шагами.

Испугавшись за безопасность и душевное состояние Евы,

Григорич распахнул дверь на кухню и увидел девушку в коротком прозрачном халатике, стоящую с двумя бокалами шампанского в руках и одаривающую Григорича очаровательной улыбкой.

– Что это? – не понял он, принимая бокал из руки девушки. – Зачем?

– За мое спасение, – прошептала Ева и усадила мужчину в кресло, а сама села на ручку, закинув ногу на ногу, оголяя бедро до нежной белизны ягодицы, которую еле-еле прикрывала бахрома трусиков.

– Но как же мышь? – сглотнув слюну, спросил Григорич?

– А не было никакой мыши, дурачок, – фамильярным, но очень мягким тоном произнесла Ева.

– Не понимаю.

– А зря. Вы только что испытали гамму всяких эмоций, которые в жизни не так часто испытать.

– Каких же? – все еще не понимал Григорич.

– Например, чувство страха, когда к вам кто-то стучится среди ночи, – сказала Ева.

– Ну, какой же это страх? – улыбнулся Григорич. – Мне по работе и стучат, и звонят и окликают с улицы в любое время суток. Все это – мои неутомимые заказчики.

– Хм, – дернула плечиками режиссерша. – А смущение от того, что придется оставить жену и пойти с молодой девушкой? Разве вы не испытывали дискомфорт?

– На долю секунды, может быть. Рита доверяет мне и по-

тому не волнуется за мой моральный облик.

– Какая у вас замечательная жена, – задумчиво проговорила Ева и добавила, поджав губки: – И слишком умная.

– О, да – восхищенно согласился Григорич, ставя бокал с шампанским на стол. – Простите, не пью. Недавно удалили желчный пузырь, и теперь моя печенка не защищена перед разрушительным действием алкоголя. Реакция мгновенная и весьма болезненная.

– Как все прозаично, – уныло сказала Ева и встала. Она прошла к окну, взяла пачку сигарет и предложила мужчине.

– Простите, не курю, – усмехнулся Григорич. – Сосуды, знаете ли. Работа по ночам за компьютером сделала свое пагубное дело и вот теперь....

Ева не дала ему договорить.

– Какой-то вы мужчина-заповедник! Просто пупсик с витрины «Детского мира».

Не теряя последней надежды, Ева решительно направилась к креслу, в котором сидел Григорич, наклонилась и уперлась руками в подлокотники. На Григорича смотрело влажное бледное личико хищницы, готовой вцепиться своими зубками в горло жертвы и высосать из нее всю кровь до последней рубиновой капельки. Соблазнительно выпуклые соски упругих грудей тоже готовы были ринуться в смертоносную атаку и ждали лишь сигнала своей хозяйки. Ева произнесла последний аргумент, оказавшийся козырем в рукаве:

– Но как насчет эмоции героя, которую вы должны были испытать, спасая меня от нечисти? Если скажете «нет», значит, вы просто не мужчина.

Григорич не сказал «нет» и вдруг стал ясно осознавать, что Ева затеяла всю историю с летучей мышью с единственной целью, далекой от банального плана соблазнения, который мог бы привидится только такому убого пошлому уму, как у него. Напротив, она поступила как настоящий режиссер, умело заставив актера – в данном случае Григорича – испытать настоящие эмоции ради правды искусства. Он и вправду почувствовал, что совершает ради девушки подвиг, и совершая его, ощутил себя настоящим мужчиной. Можно долго описывать, как герой инстинктивно придерживает закрывающуюся дверь вагона метро, видя подбегающую женщину. После чего он должен чувствовать себя мужчиной-победителем. Но как передать это ощущение? Как правдиво донести правильную эмоцию эйфории героя? Надо ее пережить самому автору? И Ева предоставила сценаристу такую возможность. Восхищенный также блестящим артистическим даром девушки, Григорич схватил со стола бокал, мигом осушил его и рассыпался в благодарностях за бесценный мастер-класс от режиссера. В душе он глубоко сожалел, что оказался таким же примитивным дикарем как все, посмевающим допустить в адрес целомудренной девушки невесть какую чушь и лишь подтверждая обоснованную жен-

скую сентенцию о том, что мужикам нужно только одно. Ева скромно опустила глазки и попросила не рассказывать жене о происшедшем, иначе та не правильно поймет, а невинной девушке не хотелось бы наживать здесь врагов – их и так предостаточно в ее бурной жизни.

– Не беспокойтесь, – уверил ее Григорич. – Мы ведь не делали ничего предосудительного, и потом вы сами назвали Риту умной женщиной. Думаю, она все поймет как надо.

При этом он очень внимательно посмотрел на Еву, словно увидел перед собой другого человека. Вскоре они уже прощались и желали друг другу спокойной ночи на английском языке, после чего учитель удалился. Ночь окутывала сонным теплом и благоухала ароматами засыпающих цветников. Ева чуточку постояла на крыльце, сделала несколько глубоких вдохов и еле слышно застонала, прижимая ладонь к груди и медленно опуская ее вниз вдоль тела по плоскому животику к лобку. Затем она выгнулась, резко схватила себя за ягодицы, сделала несколько круговых движений и подняв бледное личико к звездам, скорчила безобразную гримасу. Распушив копну густых волос на голове, она ухмыльнулась, после зашла в домик, схватила нетронутый бокал с шампанским и выплеснула все содержимое себе в лицо.

Глава 10

На следующее утро все отдыхающие разбрелись по лечебно-профилактическим процедурам, ради которых и приехали: кто подпитывался в бювете у артезианского источника с подогретой водой, кто занимал очередь в массажный кабинет, а кто уже изнемогал от физических нагрузок в тренажерном зале, мечтая за пару часов сбросить лишних 100-120 кг. Поскольку санаторий специализировался преимущественно на лечении и профилактике заболеваний сердечно-сосудистой системы, нуждающимся гражданам предлагались все виды программ: от лечебного электросна до всякого вида комплексных терапий. Всегда обеспокоенная больше здоровьем мужа, нежели своим, Рита водила Григорича по ароматическим и лазеротерапиям, заставляла заниматься лечебной физкультурой, записывала его на усиленный курс иглоукалывания и грозила электрошокотерапией, если тот будет упираться.

– А разве такая бывает? – недоверчиво восклицал муж.

– Я договорюсь, – утвердительно кивала жена.

Нездоровая больничная суэта и в городских поликлиниках ужасно раздражала Григорича, и он всячески старался избегать походов по врачам. Не последнюю роль в этом играла и природная лень звонить, записываться, а затем куда-то ехать, выстаивать в очередях, давать себя прослуши-

вать, прощупывать, проникать в интимные места и с охапкой новых направлений от врача к своим дружкам-подельникам из частных кабинетов, уныло отправляться в другой конец города сдавать кучу очередных неприятных анализов. Через несколько дней следовало не забыть сделать следующий круг, чтобы забрать результаты и потом вновь собираться к своему участковому терапевту, которая непременно назначит тебе еще более усиленную программу марафонского забега. Когда же истощенный и раздраженный после всех оздоровительных марафонов, сеансов, процедур, заборов крови и вызывающей рвотные позывы эндоскопии, возвращался Григорич домой, кроме пустого кошелька, ужасных болей в желудке и густой сыпи на теле после экспериментальных антибиотиков и иных дорогущих препаратов, у него появлялась жгучая ненависть ко всем врачам в мире. От этого начинала ужасно болеть голова, ныть тот же желудок и бешено колотиться сердце. Беднягу вновь записывали к врачу и доставляли в поликлинику чуть ли не связанным по рукам и ногам и с кляпом во рту. Мда. Лечиться только начни, это как приступить к ремонту в квартире и никогда уже его не закончить.

Здесь в санатории Григоричу не хотелось чувствовать себя больным и особенно выглядеть дряхлым стариком перед юной Евой. Испытанные вчера ощущения словно бы запустили маховик какой-то программы омоложения в Григори-

че. Он нарочито начинал хорохориться перед женой:

– Хочешь, подтянусь двадцать раз, как когда-то в школе?

– Сорок лет назад? – вопросом на вопрос отозвалась Рита.

Не обращая внимания на иронию жены, Григорич подбежал к перекладине, схватился двумя руками за железный брус и сделал резкий рывок вверх. В глазах вдруг потемнело, в пояснице что-то хрустнуло и с воплем: «Еб, твою мать!» новоиспеченный атлет свалился в лопухи.

– Ну, ты с ума сошел! – воскликнула жена и помогла встать отбрыкивавшемуся мужу. Ухватившись за выпирающий из земли корень дуба, тот со стоном поднялся и прислонился спиной к дереву. Сочувствуя страданиям тяжело дышавшего Григорича, Рита недоуменно спросила:

– Какая собака тебя укусила, что ты решил в детство впасть на старости лет?

– Я не старик! – запротестовал тот, сверкая выпученными глазами и кряхтя от боли в боку. Обхватывая талию мужа, Рита стала шептать успокоительное: «да-да, конечно, мой красавчик» и поглаживать его поясницу, а затем предложила спокойненько, как нормальные люди, просто погулять по парку и просто подышать сосновым воздухом. Нездоровый спортивный порыв в Григориче уже несколько ослаб и оглянувшись по сторонам, горе-спортсмен таки смирился, позволил жене взять себя под руку и они пошли вдвоем прогулочным шагом по тропинке, обозревая живописные красоты парковой дубравы.

Настало назначенное время занятий по английскому языку и Григорич, побритый и надушенный, взял учебник с методичками и не спеша направился к домику Евы. Но дома девушки не оказалось, что несколько озадачило учителя. Он постоял минут пять и решил прогуляться по аллейке, ведущей к пляжу, надеясь где-то по дороге столкнуться с ученицей. По пути встретила только Рита, которая обрадовалась, что муж оказался не у дел, и тут же надавала тому кучу поручений, самое легкое из которых включало сходить на базар и купить картошки, лука, помидоров, огурцов, сметаны и арбуза. Нехотя обещая выполнить все, Григорич вдруг заметил в конце аллеи за эстрадой-ракушкой на корте знакомый силуэт рыжеволосой девы, одиноко игравшей в бадминтон со стенкой. В бежевой короткой юбочке, слегка прикрывающей трусики, и в красном топе с глубоким декольте Ева выглядела сногшибательно. Щелчком пальцев Рита вывела остекленевший взгляд мужа из ступора, и еще раз перечислила список дел, предупредив, что если что – она пошла поплавать. Григорич молча кивнул и направился к корту. Заметив его, Ева радостно замахала ракеткой и предложила составить ей пару. На что Григорич скромно заметил, что вообще-то он пришел заниматься с ней языком. На лице девушки отразилось замешательство, сменившееся поджатыми губками и порхающими ресничками над виноватыми глазками.

– Простите, совершенно забыла об этом. Дырявая у меня

голова – вечно забываю учиться, привыкла учить других.

Она рассмеялась, обнажив ровный ряд отливающих жемчужом зубов, и взяла Григорича под руку. Не отрывая взгляда от ее губ, мужчина проговорил:

– Ничего страшного. После вчерашнего у меня тоже голова идет кругом.

– Но вы же готовились, – виновато сказала Ева, показывая на учебник. Игриво улыбнувшись и сложив ладошки вместе у груди, она произнесла по-английски: – I am extremely ashamed of my ugly behavior. Sorry! Forgive me, my dear teacher. I swear from the bottom of my heart that you will never hear a bad word about me again, I will never cause you suffering or other inconveniences, and I will never act as shamelessly as I did today. I repent! I repent before you. Punish me as you see fit, make me stand on my head for two hours, whip me or, as a sign of forgiveness, kiss me in the place you have been dreaming of for a long time, just do not leave your forever devoted and executive student³.

Григорич обомлел, а Ева рассмеялась и затанцевала на месте, давая волю опасно взлетающей юбке и развевающимся

³ Мне крайне стыдно за свое безобразное поведение. Простите! Простите меня, мой дорогой учитель. От всего сердца клянусь, что больше никогда вы не услышите обо мне дурного слова, никогда не причиню я вам страданий или иных неудобств и никогда не поступлю так бесстыдно, как сегодня. Каюсь! Каюсь перед вами. Накажите меня так, как сочтете нужным, заставьте два часа простоять на голове, отстегайте розгами или в знак прощения поцелуйте меня в то место, о котором давно мечтаете, только не оставляйте свою навеки преданную и с этой секунды исполнительную студентки (англ.)

шелковым волосам.

– Но, – удивленно сказал Григорич, – вы же прекрасно говорите. Зачем вам уроки?

Ева, гордая собой, закатила глазки и ответила:

– Я закончила спецшколу, но мне очень не хватает языковой практики, а скоро улетать на кинофестиваль в Америку и я боюсь, что как только раскрою ротик, то уж лучше бы я его не открывала.

Она снова звонко рассмеялась и прижавшись грудью к плечу учителя, спросила жалостливым голоском:

– Я прощена, мой господин?

– Да, – быстро ответил Григорич. – Только не называйте меня господином.

– ОК! Так мы поиграем? – снова предложила Ева, подавая мужчине ракетку. – Я подаю.

Григорич согласился, только предложил во время игры разговаривать по-английски.

Игра началась. Но сразу же после подачи Евы учитель деловито заметил:

– Верхней подачи в бадминтоне не бывает. Минус 10 очков.

Ева показала язык и мстительно сверкнула глазками, мол, ладно, умник, сейчас я тебе покажу. Она действительно играла живо, энергично, демонстрировала отличную реакцию и не пасовала перед резкими тушами Григорича. Почти час под палящим солнцем мужчина и девушка изматывали друг

друга, заставляя волан со скоростью света перелетать с одного поля на другое и не давая сопернику ни секунды на передышку. Имеющий разряд Григорич, никак не ожидал встретить соперницу, ни в чем не уступавшую его мастерству. Как ни старался пробить он защиту Евы невообразимо искусными финтами и молниеносными ударами, та мгновенно защищалась блоками, и волан с еще большей скоростью отлетал к Григоричу, не давая тому опомниться. Ловко маневрируя и отличаясь просто обезьяньей прыгучестью, девушка так легко гоняла бедного мужчину из одного угла площадки в другой, что Григорич чуть не зарыдал от отчаяния и уже собирался просто свалиться на траву и просить пощады. Ему казалось, что он играет с какой-то компьютерной программой самого высокого уровня.

Но вскоре и Ева стала слабеть и задыхаться, пропуская легкие удары, а еще через полчаса счет сравнялся. На издыхании оба соперника еле-еле передвигали ноги и просто перекидывали воланчик через сетку, демонстрируя так называемый чисто бабский бадминтон. Оба уже потеряли всякий интерес к игре, истощались и силы. Никто из них уже не способен был на мощный туш, но у обоих упрямство и амбиции зашкаливали до предела, и об уступках не могло быть и речи. С облипающими мокрым лицом волосами и со стонами, Рита двумя руками, словно стопудовым мечом отражала вялые атаки Григорича, который со своей стороны ненавидел юную

пигалицу, посмевавшую противостоять мастеру. Ох, как он хотел наказать ее. Как он ее хотел. Наверное, как хитроумный шахматист, который только и ждет, когда соперник зевнет, и тот сразу же воспользуется ситуацией. С другой стороны, ему – как мужчине, нужна была честная победа, без форы, тем более от женщины. И вот когда волан очень высоко перелетал от Евы на поле Григорича, девушка допустила странную глупость, она двинулась к сетке, беззаботно наблюдая полет. Человеческий фактор? Может быть. Она опомнилась лишь тогда, когда волан был на расстоянии удара Григорича. Ева успела лишь сделать испуганные глазки, судорожно скривить рот, словно собиралась заплакать и прошептала:

– Умоляю...

Звериный азарт Григорича только раззадорило это слово, он собрал последние силы и с дикой яростью варвара-завоевателя хлестко ударил по волану. Тот попал прямо в живот Еве. Григорич упал на траву, но подбежавшая к нему девушка, присела на колени и подложила ладони под голову.

– Вы мой победитель, – восторженно глядя на Григорича, прошептала она, поглаживая мужчину ладонью по лицу и заставляя целовать ее пальчики. – Мой господин.

– Вы точно не поддавались мне? – тяжело дыша, спросил Григорич, стараясь отстраниться.

– Ну что вы, – возразила девушка. – Это была честная игра. Вы настоящий сильный мужчина и я от вас просто тащусь.

– Тогда... – произнес Григорич, победоносно сверкнув ожившими глазами, – давай на «ты».

– С удовольствием.

– Ох, – застонал он. – Мне же на базар надо. Столько всего купить. Ненавижу базары, вечно меня дурят.

– Пойдем вместе. Двоих они не посмеют.

И они пошли, болтая по дороге на английском языке.

А на базаре они буквально нос к носу столкнулись с Ритой. Одно только присутствие Евы удержало жену Григорича от остроты по поводу столь пикантной встречи. Рита лишь улыбнулась и спросила:

– Вы нашли друг друга?

– Да, – ответила Ева, даря ответную улыбку. – Уже занимаемся.

– Каким образом? – удивилась жена Григорича.

– Вот ходим и общаемся, – нервничая, ответил муж. – Тема «Покупки».

– Какая чудесная тема. Ну ладно, не буду вам мешать, занимайтесь. А я сама все куплю.

Рита поцеловала мужа в губы и слегка прикусила нижнюю, чего никогда в жизни не делала при посторонних, и помахав пальчиками Еве, исчезла в рядах. Григорич со своей спутницей вышли к краю торгового ряда и стали рассматривать всякие безделушки. Поскольку с Григорича была снята ответственность за покупки, он спросил, читала ли Ева сце-

нарий. Та уклончиво ответила, что начала читать.

– Я просмотрела, но знаешь, только без обид?

– Конечно! – воскликнул Григорич, подозревая проблему и насупился.

– Понимаешь, у тебя очень много сцен, непропорциональных по времени и скорости. Восемь сцен быстрые и только одна медленная, потом шесть медленных и одна быстрая. Несбалансированный темпо-ритм – это как ввел член и сразу же как угорелый погнал наперегонки со своим сердцем. Потом, когда девушка вроде стала адаптироваться к ритму, ты – раз и остановился отдышаться минут на семь. А что девушке прикажешь делать?

У Григорича появились морщины на лбу, он попытался сосредоточиться на услышанном, но замотал головой в непонимании. Ева была терпеливой и сейчас она разговаривала с ним по-деловому, серьезно, как начальница с подчиненным.

– Все сцены должны идти плавно, органично, где-то быстрее, где-то замедляться, наращивать напряжение, дразнить зрителя и потом когда тот не ожидает, обрушивать на него проблему и увлекать в водоворот событий. Но все рассчитать надо так, чтобы ни персонаж и ни зритель не выдохлись и не разозлились на суетливость невменяемого и неуверенного в себе автора. А для этого каждая следующая сцена должна логично вытекать из предыдущей. Прежде чем писать сцену, ты должен задать себе вопрос: В чем ее смысл? Чего хочет персонаж? Если он там ничего не делает, вычеркивай его.

Кроме того, в каждой сцене должен быть конфликт и его решение.

– Но это же всего лишь сцена, а не сценарий, – возразил Григорьевич.

– Ну и что! – менторским тоном продолжала Ева. – Между прочим, сцена – это мини-фильм со своими актами и поворотами. Да-да! Герой постоянно, в каждой сцене должен стоять перед выбором. Заставь его делать выбор между плохим и очень плохим. Сложно? Ну, милый, это же искусство, а не графомания. Тут пахать надо. Создай герою такие условия, от которых зрителя вдавит в кресло и тот не шелохнется до тех пор, пока твой протагонист не решит все свои проблемы и не перебьет всех своих врагов.

– Я вроде так и писал, – оправдываясь, бубнил Григорич, но деловая Ева его не слушала и продолжала идти вперед, пребывая на своей волне. Ее сухой тон и строгое выражение лица при фривольно поднимающейся юбке начинали дико возбуждать фантазии Григорича и он еле сдерживался, чтобы не схватить девушку за попу, не склонить ее и не изнасиловать прямо на месте.

– А еще надо знать, – продолжала поучать Ева, поднимая вверх пальчик, – что главное: начинай сцену как можно позже и заканчивай, как можно раньше.

– Оригинально, не знал, – удивился Григорич.

– Учись, пока жива, – сказала Ева и затараторила еще быстрее: – Начинай с того, что герои уже пять минут, как

беседуют. Не давай зрителю скучать, это тебе не роман писать. Все должно быть быстро, но разумно быстро. Не забывай контролировать эмоциями сцены, проверь, как они меняются. Включи поворот. Например, сначала лидировал один герой, затем первенство перехватил другой. Интрига, опасность, надо что-то решать, а темп нарастает-нарастает!

Ева уже кричала и развернувшись к Григоричу, оступилась и упала в его объятия. Григорич подхватил девушку, и сильно прижала к себе. Снова он услышал знакомый волнующий стук девичьего сердца. Ева слегка отодвинулась и тихо сказала:

– Но не забывайте, что есть еще и сцены-паузы.

– Зачем? – тоже прошептал Григорич, крепко держа Еву за плечи. Мягко увернувшись, она оправила юбку и сказала, растягивая слова:

– Чтобы дать зрителю перевести дыхание и не обрадовать его раньше времени. Знаешь, я мечтаю снять золотую сцену. Натуральную с идеальным героем и реальными эмоциями.

– А я, – признался Григорич, – мечтаю написать ее. – С чего же начать?

Ева задумчиво осмотрелась вокруг и указала Григоричу на дальнюю торговую палатку.

– Смотри, собака ворует мячи.

Действительно, какой-то облезлый пес все время шастал вокруг связки с мячами и выгадывал момент, когда отвернется хозяин. Тогда пес поддевал носом мяч и вел его по сет-

ке вверх, пока тот не выпадал на землю. Тогда пес быстро укатывал мяч носом с глаз долой и гнал его через дорогу в лес. Ева с Григоричем рассмеялись.

– Его кто-то научил, – предположил Григорич.

– Дело не в этом, – сказала Ева. – Вот тебе сцена. Продумай, для чего она? Что дальше?

– Ну, дальше собака бросит мяч в лесу или обменяет его у местных пацанов на косточку.

– Оригинально, но как-то все у тебя предсказуемо и опять сказка.

– Ну а как тогда? – раздражался манерности юной девицы Григорич.

– Не кипятись, – спокойно произнесла Ева, заметив стоявшую недалеко Риту, которую Григорич не видел, потому что стоял к ней спиной. Увлеченная режиссерша продолжала:

– А что если предположить любовь? Скажем, есть собачник и у него очень старая собака, которую ему жалко бросить. А тут с ним увязалась его девушка-красавица писаная, которую он тоже обожает. Но вот беда: у девушки аллергия на собак.

Последние слова Ева отчеканила очень громко. Григорич вздрогнул и сказал:

– Дилемма. Но при чем тут мячи?

– А вот при чем. Эта красоточка решила избавиться от пса и научила того воровать. А ты представляешь, что будет, если вороватого пса поймают хозяин палатки?

– Несомненно, прибьет! – воскликнул Григорич.

Ева сверкнула ледяным блеском на Риту, выбиравшую помидоры в палатке напротив. Та обернулась и ответила не менее уничтожающим взглядом.

– Вот и я о том же, – медленно произнесла режиссерша.

– А что же дальше?

– Дальше, – медленно, словно в тумане, произнесла Ева. – А дальше только чувства, мой дорогой. Хочешь, напишем золотую сцену вместе?

– Я с радостью, – воскликнул Григорич. – Но когда? Сейчас?

– Нет-нет. Вечером. Сегодня вечером. Только нам нужен будет кой-какой реквизит.

– Любые расходы!

– Пожалуйста, возьми резиновую лодку.

Григорич удивился, но не успел отреагировать, как Ева ахнула и попросила Григорича застегнуть ей туфлю. Услужливый мужчина нагнулся выполнить просьбу, а Ева подставила ногу так, чтобы губы Григорича коснулись кожи внутренней части бедра, и в это время Ева провела ногтями по спине своего раба. Рита обвела тяжелым взглядом эту сцену, специально показанную для нее, но сделала вид, что ничего не произошло и быстро отошла от палатки.

– До вечера, – ласково прошептала Григоричу Ева и исчезла.

Глава 11

Вечером Григорьевич бродил по дому задумчивый и не вполне вменяемый, бормоча себе что-то под нос, и никак не реагировал на просьбы Риты: то почистить картошки, то помочь ей развесить мокрое белье, то, в конце концов, сесть и серьезно поговорить об их отношениях. На любую попытку отвлечь мужа от глубоких «государственных» дум, тот лишь нервно отмахивался:

– Времени нет.

Оставив тщетные попытки достучаться до зачарованного благоверного, жена демонстративно распахнула перед ним наружную дверь и в сердцах заявила:

– Торопишься? Иди.

– Куда? – спросил Григорич, тупо уставившись в дверной проем.

– Куда хочешь, – отрезала жена, развернулась и ушла в ванную. Уже оттуда холодным тоном отозвалась: – Я тебя не держу, и бегать за тобой не собираюсь.

На стук мужа в дверь она не отозвалась, Григорич услышал только звук журчащей воды из крана и глухие всхлипывания.

– Глупо, – также глухо произнес он. – Глупо же, Ритуль. И не натурально.

Григорич вздохнул и вышел из дому, громко хлопнув две-

рью.

С Евой они договорились встретиться на том же месте, где и расстались днем – у выхода из базара, что в дух шагах от автобусной остановки. Григорич заранее выпросил у бывшей одноклассницы Наташи надувную резиновую лодку с насосом и водрузив рюкзак на плечи, взял в руки огромный тесак на случай нападения диких животных и предстал перед режиссершей. На удивленный вопрос Григорича: «Где же твоя камера?» Ева сказала, что все драфты она снимает только на смартфон и добавила, прильнув губами к уху мужчины:

– На Кэнон или Панавижн ты пока не заслужил.

В ответ на игривую улыбку девушки Григорич вяло улыбнулся, но от ее поцелуя уклонился, чем вызвал легкое недоумение в глазах спутницы. Та лишь подернула плечиками и изображая деловитость, приказала Григоричу следовать вперед. Они пересекли трассу и спустились по насыпи к лесу. По пути через чащобу и бурелом разговорчивая Ева вновь под села на своего конька знаменитой режиссерши. Не замечая вокруг себя ничего, она продолжала поучать неопытного сценариста, внушая тому, что настоящий автор должен быть правдив и обязан доставать из себя все даже самые низменные и пошлые чувства, которые, в общем-то, есть природные и понятные зрителю, и только тогда он добьется успеха. В подтверждение своих слов она рассказывала о том, что ее фильм «Стадо» признали лучшим по натуральности и глубине подачи эмоций, невзирая на короткий метр, а Россий-

ская Академия кино даже ходатайствовала о направлении картины на Казанский кинофестиваль. С особым восторгом талантливая режиссер бравировала именами российских и зарубежных продюсеров, которые уже заинтересовались ее творчеством, и отмечала, что даже сам великий Кинг выразил желание, чтобы его последний роман экранизировала именно она. В голове Евы роились грандиозные планы и о создании собственной киностудии, и о своем театре чувств, и о наборе в команду настоящих профессионалов, среди которых мог бы оказаться и сегодняшний спутник, если, конечно, пройдет ее личный кастинг.

Сделав многозначительную паузу, Ева с усмешкой спросила, понял ли он ее. Григорич кивнул, но сейчас его, идущего впереди, больше заботило, чтобы нежные ножки будущего классика кино не поранились о какую-нибудь острую корягу. С рвением преданного королевского пажа Григорич активно расчищал путь от крапивы и вовремя поднимал ветки орешника, чтобы Её деловое режиссерское Величество не дай Бог не споткнулось и не оцарапало себе презентабельное личико. Тогда пиши пропало: гениальная режиссерша разгневется, творческий пыл ее погаснет и она категорически откажется снимать их золотую сцену, а Григоричу никогда больше не удастся постичь тайны написания идеального сценария. Поэтому он чуть ли не вылизывал путь своей начальнице и предупреждал малейшее неудобство, молясь, чтобы уже поско-

рей добраться до места, тем более, где-то вдалеке начинало греметь, и возникала опасность надвигающегося дождя.

Наконец, когда среди густо разросшихся кустов и деревьев что-то сверкнуло и откуда-то совсем рядом потянуло свежестью влаги, а гуляющий на свободе ветерок обдул лицо Григорича, утомленный путник с облегчением вздохнул и понял, что они пришли. Перед путешественниками блесло довольно большое полноводное озеро с прозрачной водой, в которой неспешно текла своя жизнь. Ева крикнула: «Ура!» и потянулась на носочках, глубоко вдыхая лесной воздух. Ее стройное тело стало еще тоньше и еще изящнее, она стала похожа на гордую гибкую лань перед решительным броском. Грудь напряглась, ножки сомкнулись, а всегда легкомысленная и непослушная шевелюра волос на этот раз тоже замерла, будто опасаясь послушаться приказа режиссера, возвестившего о начале съемки. Григорич и сам понимал, что сейчас некогда расслабляться на пустяковый флирт – дорога каждая минута для работы из-за уходящей на сон природы. Он немедля сбросил с плеч рюкзак и стал расчехлять лодку. Пока Ева с видом деловой озабоченности дефилировала вдоль берега и осматривала ландшафт, рассекая тесаком воздух и делая стремительные танцевальные па, будто вела ожесточенное сражение, Григорич поплевал на руки и взялся за насос. Его так и подмывало задать вопрос, зачем, собственно, говоря, лодка, но он не решался отвлечь режиссера от важного занятия.

Хотя уже вечерело и на сизом небе на большой скорости проплывали неуклюжие чернеющие облака с разорванными краями, Григоричу не было холодно. Занимаясь монотонной работой, он взбадривался, и в голове рождались идеи нового сценария о любви парня и девушки, меж которых был вбит болезненный клин – собака. И хотя история была о подростках, своего главного героя Григорич ассоциировал с собой. Раз излюбленной фишкой его продвинутой режиссерши является достоверность переживаний, то он надеялся, что уж свои собственные чувства он сумеет описать правдиво. Имя героя пришло само собой: Гоша. Было в этом имени что-то простоватое, добродушное и очень наивное. Герой явно не красавец, можно сказать, неотесанный чурбан деревенского типа, косолап, с легким косоглазием и глуповатой улыбкой на лице. А героиню – прекрасную длинноволосую кокетку можно было бы назвать....

– Кариной! – сказала Ева.

Увлечшись описанием персонажей, Григорич и не заметил, как стал говорить вслух и тотчас заинтересовал девушку.

– Пусть ее зовут Кариной, не возражаешь? – спросила она, поддерживая Григорича под локоть.

Он не возражал и Ева продолжила:

– Обожаю это имя – есть в нем нечто восточно-таинственное и жгуче-сексуальное. Девушку с таким именем все лю-

бят, она всегда звезда и изюминка в любом обществе. Никогда не слащава, от нее пахнет перчиком и лавандой. С ней все хотят подружиться, она это понимает, но зная себе цену, выбирает только достойного. Очень осторожна в выборе, но уж если выбрала, лучше ей не сопротивляться – все равно добьется своего. Я уже слышу ее шаги. А ты?

Бархатный тембр голоса Евы перешел на взволнованный шепот, девушка широко раскрыла глаза, и на какой-то миг Григоричу стало не по себе – ему почудилось, что в глазах Евы вспыхнули огоньки. В следующую секунду режиссерша вновь заговорила в полный голос:

– Гоша с Кариной учатся в одном институте он – невзрачный незаметный чурбан, давно ухлестывает за первой красоткой курса. Нелепые попытки Гоши пригласить Карину то в кино, то на рыбалку, вызывают бури смеха окружающих и в общем, красотка не воспринимает Гошу всерьез, пока....

– Пока что? – заинтересовался Григорич.

– Кто из нас сценарист? – с упреком в голосе воскликнула девица, опасно дирижируя тесаком.

Ева проверила ножками пузатые бока лодки, затем присела и попрыгала. Одобрительно кивнув, она тотчас приказала толкать лодку в воду.

В густеющих сумерках позднего вечера, когда резкие краски дня уже успели смириться перед приближающейся ночной стихией и стали расплываться, а дремучий лес про-

валился в такую глухую тишь, какой никогда не бывает днем, на середине озера в безмоторной резиновой лодке на банках друг напротив друга сидели Григорич с Евой. Сидели и прислушивались к тишине – странной весьма, какая обычно бывает перед очень страшной бурей. С задумчивым выражением на лице Ева, чьи контуры тоже слегка размывались в полумраке, деликатно скрывающим недостатки ее фигурки, томно вздыхала и бросала мимолетные и крайне недвусмысленные взгляды на мужчину, который упорно возился с непослушными веслами.

На лице Григорича, который делал неоднократные попытки уложить весла на борта лодки и иногда поеживался от налетающих порывов свежего ветерка, отпечатались задумчивость иного рода, нежели у Евы. Сейчас, когда цель путешествия была почти достигнута, и можно было слегка расслабиться, созерцая сказочную водную гладь, в голову лезли неприятные воспоминания о резком разговоре Григорича с Ритой. После того как прошло уже время, стихли волны бесконтрольного гнева и улеглось накопившееся раздражение, Григоричу стало невероятно стыдно от того, что он очень сильно и незаслуженно обидел жену, – впрочем обида всегда бывает незаслуженной, – от чего у него резко защемило в груди, из которой произвольно донесся протяжный глухой стон. Понимая, что находится не один, он все же в виде самобичевания треснул себя по щеке, как если бы это сде-

лала Рита, и поделом. Но уже минуты три как наблюдавшая мужчину Ева по-своему расценила и его молчание, и глубокие стоны, и этот странный шлепок, в воображении девушки якобы отгоняющий нарастающее возбуждение от выпуклых прелестей юной красотки. Подчеркивая изгибы своих бедер, Ева слегка сдвинула ножки влево и оттопырила попу, и затем наигранно спросила мягким голосом:

– Что с тобой, милый?

– Да комары проклятушие, – нашелся Григорич и усмехнулся. – Нигде от них не скрыться.

– Они нас преследуют, – хихикнула Ева и оголенным носком ноги прикоснулась к голени мужчины. Стараясь держать глазки опущенными, девушка плавно заскользила ногой по наружной части бедра ноги Григорича и медленно перенесла ногу на внутреннюю часть, продолжая гладить и дразнить пальчиками налитую плоть ляжек ее спутника. Григорич вяло улыбался, но пересекаясь быстрыми взглядами с Евой, взбадривался и принимая правила игры, ловил пальцы ног девушки и щекотал нежную плоть ее ступни. Легкими судорожными движениями Ева отводила ногу в сторону, смеялась и показывала Григоричу острый язычок. Когда дух мужчины достаточно ожил, девушка подскочила в лодке приблизилась к спутнику, подняла ногу и поставила пятку на его колено. Взгляд Григорича скользнул по всей длине ноги Евы, обвел сочные упругие бедра и тупо уставился в лобок, рельефно выпирающий под облегающей кожей шорти-

ков. Непроизвольно сглотнув слюну, Григорич закашлялся и довольная произведенным эффектом девица, хлопая мужчину по спине, ласково спросила:

– Я тебе нравлюсь?

Если бы она ничего не говорила, то презентацию изящной ножки можно было расценить как милую шутку, достойную минутного смеха. Но своим вопросом Ева дала понять Григоричу, что шутить не собирается. Устремляя хищный взгляд карих глаз на жертву, она медленно наклонилась, окутывая лицо мужчины шелком густых волос, источавших горьковатые ароматы луговых трав, и уже раскрыла губки для поцелуя, как вдруг жертва громко чихнула. Ева отскочила и прыснула от смеха, а по лесу тотчас разнеслось дивное переливчатое эхо – рассыпалось на ехидные смешинки и затерялось где-то в чаще, кривляясь, кряхтя и затухая. Лодка опасно покачнулась, и на лице Григорича отразилось волнение.

– Ты боишься воды? – удивленно спросила его Ева, вновь подступая к нему.

– Просто я не умею плавать, – смущенно ответил тот. – И не хотел бы перевернуться.

– Не бойся, – сказала девушка, обхватывая рукой плечи Григорича. – Я спасу тебя, если будешь хорошим мальчиком.

Она вновь наклонилась над ним, но Григорич поспешил ответить, чтобы избежать очередной атаки Евы:

– Постараюсь. Но давай лучше о сценарии. Ты говорила о

золотой сцене, о реализме. Мне очень нравятся твои мысли о натуральности. Может быть, начнем?

– А мы уже начали, – невозмутимо произнесла Ева и отсела на свое место.

Она незаметно включила камеру на дисплее и положила свой телефон на дно лодки. Затем медленно потянулась, зевнула и спокойно сказала:

– Ладно, не бойся, не съем. Скажи, какая сцена, по-твоему, самая главная в фильме?

– Полагаю, первая, – ответил Григорич. – Для меня всегда сложно начать.

– Главное, не начать, а вовремя кончить, – холодно сказала режиссерша. – Не понятно? Чтобы понять, с чего нужно начинать герою свой путь, придумай эффектный третий акт.

– Финал? – недоуменно воскликнул Григорич. – Ну, я люблю журналы листать с конца, но это машинально, потому что обычно на последних страницах печатают кроссворды или анекдоты.

– Анекдоты здесь не при чем, – холодно сказала Ева. – Все начинают писать сценарий с последней сцены фильма. Потому что именно от процесса и результата финальной битвы зависит, насколько важной является проблема в начале и каким путем должен идти герой, чтобы решить главный драматический вопрос, волнующий его в завязке: Удастся ли ему победить или нет. Финальная сцена – это катарсис, высвобождение всех накопленных за время пути эмоций, выброс

огненной магмы, обрушение неба на землю. Это – освобождение себя из плоти и взрыв Вселенной в мозгу персонажа. В финальном поединке решается все: или он или его. Назад хода нет, а впереди – бездна. И ее надо перешагнуть иначе – смерть. Перешагнул – вот тогда и понял, что за беда должна была явиться в дом героя в самом начале фильма, чтобы вот так с ней расправиться в конце. Ясно?

– Перешагнуть бездну? – присвистнул Григорич. – Не слишком ли?

– Ничего смешного, – вновь отрезала режиссерша. – Я помогу тебе.

Легкая как бабочка Ева вновь перепорхнула на сторону Григорича и почти вплотную подседа к нему на банку. Становясь мягче и доступнее, она сказала:

– Возьми историю своего Гоши и Карины. Проблема у них есть: собака. По-твоему, кого Гоша предпочтет в финале: девушку или старую псину?

– Хм, даже не знаю, – почесал затылок Григорич. – Ты говорила, что нужны натуральные эмоции, но у меня никогда не было старой собаки и поэтому я затрудняюсь с выбором.

Ева усмехнулась и в глазах ее промелькнула хитринка.

– Неужели никогда?

– Никогда.

– Тогда обними меня, – резко приказала режиссерша.

– Зачем? – рассеянно спросил мужчина.

– Делай, что говорят.

Григорич слегка приобнял девушку за талию и тотчас поразился, насколько тонкой и гибкой та была, а от кожи исходил жар, невзирая на прохладную погоду.

– Давай откровенно, – предложила девушка.

– Давай.

– Хочешь натурализма – вперед, – быстро стала говорить Ева. – Возьмем нас с тобой. Мы познакомились, понравились друг другу и у нас уже завязываются отношения – пока деловые, но которые в финале доведут обоих до постели.

Григорич хотел возразить, но Ева мягко, но решительно приложила свои пальчики к его губам, и мужчина инстинктивно поцеловал их. Девушка улыбнулась, закатив глазки.

– Вот так, милый. Но не будем останавливаться на конфетно-букетном периоде и быстро пролистаем второй акт.

– Второй акт – недоуменно повторил Григорич. – А что в нем?

– Бросаемые в меня втайне от своей жены сладострастные взгляды, стремление видеть меня как можно чаще, нервозность, если меня долго нет на горизонте, постоянная борьба морали с природными инстинктами, тайные эротические фантазии и онанизм в туалете, представляя, как насилуешь меня, сравнения моей молодой сочности и увядающей сухости твоей жены не в пользу последней и вот он – финал!

– Ой! – застонал Григорич.

– Только дай Бог, – с азартом продолжала Ева, – чтобы он не оказался ложным. Ненавижу ложных третьих актов. Итак,

жена подозревает тебя в измене, ты безумно влюблен в меня и тебе придется сделать выбор. Прижми меня к себе. Ну же!

Руку Григорича словно парализовало. Он попытался отстраниться от напиравшей на него мощной энергетикой Евы, но та уже села всей попой ему на колени и обняла за шею.

– Ева... – сдавленным голосом проямлил Григорич, не силах противостоять. – Ты это... чего?

– Целуй же меня, глупенький, – грудным голосом приказывала режиссерша, ерзая ягодницами по коленям мужчины, который со страшной силой сжимал кулаки, чтобы сдерживать нарастающее возбуждение в паху, но терпел фиаско. А Ева, ритмично покачивалась и не отпуская своих рук от шеи жертвы, с влажной улыбкой на лице чувствовала снизу горячую пульсирующую плоть, каждую секунду с опасением ожидая, что вот-вот кратер бушующего вулкана раскроется и из могучего жерла выплеснется горящий поток магмы, сожжет все преграды на пути и ворвется в нежную возбужденную женскую вульву.

– Еще не финал, – бормотала на ухо Григоричу одержимая девица. – Еще не финал. Терпи, милый. Я хочу...хочу....натуральных чувств. Говори же, что ощущаешь?

Григорич мычал и не мог пошевелиться – тело словно бы онемело.

– Нет! – захрипел он и на мгновение привел девицу в чувство. Но в следующее мгновение, не давая Григоричу перекусить, Ева опустилась на колени и растянула мужчине шор-

ты. Обхватив ладонями выскочивший на свободу член, девушка принялась нежно массировать крайнюю плоть, постепенно оголяя ее. Руки девицы казались Григоричу такими всемогущими, что тот лишь безвольно дергался и постанывал, не в силах пошевелиться и отогнать от себя энергичную хищницу.

– Расслабься, пусть спадут оковы фальши, – шептала искусительница, продолжая массировать член пальчиками и жадно облизывая язычком уздечку. – Сегодня нет ничего, что нам может помешать быть самими собой. Мы ведь давно хотим друг друга, правда?

Григорич отрицательно покачал головой, но Ева уже охватила ртом головку и игриво заиграла с ней языком.

– Уйди...– хрипел мужчина, судорожно двигая бедра. – Уйди на....

В голове стоял туман, по всему телу бегали стада мурашек и Григорич был уже на пределе.

– Не сдерживайся, милый, – плаксивым голосом призвала девушка. – Воздержание очень вредно для мужчины. Хочешь кричать – кричи, хочешь ударить – бей. Не стесняйся природных инстинктов. Испытай это или дай испытать мне. И рассказывай, рассказывай о каждом миге переживания перед самым главным. Давай, давай же!

– Что испытать? – сквозь зубы процедил Григорич, напрягая кулаки. – Я испытывал это десятки раз.

– Ты да, а я – нет.

– В смысле?

Благодаря поступлению непонятной информации, мозг мгновенно переключился на выполнение анализа и пик возбуждения сбросился. С недовольным видом Ева отпрянула от размякшего лакомства и отсела на дно лодки.

– Я никогда не испытывала оргазм, – сухо сказала она.

– Ты девочка? – поразился Григорич, застегивая шорты.

– Нет, просто мой бывший муж не отличался талантами Казановы. Но он был хорошим человеком, и ради сохранения отношений я притворялась, что он у меня супер. Вскоре наша жизнь превратилась в ад, чувства охладели, нас стали раздражать любые мелочи друг в друге, на которые раньше не обращали внимания, а в глазах само собой родилось обоюдное желание: избавиться друг от друга. Мы притворились живыми, хотя давно уже стали мертвыми. С тобой же претворяться я не хочу. Хочу сильных эмоций, хочу взорваться, изойти соками из всех дырочек, хочу разрыдаться от счастья, хочу умереть и вновь родиться, но уже счастливой женщиной и только с тобой. Помоги мне узнать природу самой жизненной и самой божественной эмоции на свете, которая называется оргазм. Раскрой мне тайну воскрешения из мертвых. Хочу стать настоящей Евой – дочерью Бога и познать натуральное чувство со всеми нюансами, оттенками и полутонами, понимаешь?

– Да, понимаю, – ухмыльнулся Григорич, и на лице его отразилась горькая улыбка разочарования. – Так вот она ка-

кая – твоя золотая сцена.

Ева тяжело задышала, глаза дико забегали по сторонам, растрепанные волосы стали липкими и очень ароматными. Она встала на корточки и броском раненой пантеры ринулась на мужчину, крепко обвивая его шею хваткими руками. Не давая тому опомниться, ненасытная девица свалила Григорича на дно и привстав, разорвала футболку на его груди. Утомленный борьбой, Григорич в отчаянии орал матом, хватал девушку руками, но гибкой Еве удавалось легко маневрировать и отбивать удары. С диким воплем она легко подтянулась коленками к лицу мужчины, стиснула голову бедрами и придвинулась вульвой к его подбородку. На лету подхватив и крепко сжав одной рукой обе руки Григорича, она привстала и другой рукой спустила свои шорты. Трусики на девушке не было. Направляя влажные губы влагалища ко рту несчастного, Ева раздвинула их пальчиками и властно, как госпожа рабу, приказала:

– Целуй!

Григорич напрягся и собрав остаток сил, отбросил от себя девицу, которая отлетела в другую часть лодки, сам же быстро перегнулся через борт и в следующий миг его стошнило прямо в воду. Ошарашенная странной реакцией Ева на несколько секунд замерла и лишилась дара речи. Наконец, спросила:

– Что с тобой? Тебя вывернуло наизнанку.

– Прости, – признался Григорич, постанывая от болей в

желудке. – Просто я представил, что могу изменить своей жене и мне стало плохо.

– Ты...ты придурок что ли? Впервые вижу мужика, которого тошнит от меня. Ослеп? Нет? Так посмотри на меня и на свою жену и найди сто отличий.

Григорич мрачно взглянул на взбешенную Еву, которая нервно подпрыгивала на попе и злобно зыркала дикими глазами исподлобья.

– Ну, ты ж сама хотела натуральности, – вяло улыбнулся мужчина. – Вот мой организм естественно и отреагировал на тебя. Да и не важно, ты или не ты. Важен сам факт: я не способен изменить собственной жене. Она – мой крест, моя Голгофа, но что-то не дает мне предать Риту. Может быть совесть, может быть у меня нет того гена, который якобы вывели ученые у мужчин – ген измены. А может я просто часть моей жены – отними эту часть и что-то самое ценное умрет во мне. Черт его знает. Извини, ты девочка красивая, умная, но для меня совершенно пустая. Я могу сравнить тебя со своей женой, но боюсь, что отличий действительно наберется сто, а то и больше. Только, увы, все они будут не в твою пользу, зато натуральные – проверять не надо. А у тебя еще будут оргазмы, поверь. Только свистни – и оргия гарантирована. Ты любишь режиссировать, так может, стоит перейти на эдалт филмз? А понравится, так и актрисой заделаешься. Станешь первой, кто делает все натурально.

Григорич впервые за все время пребывания на озере рас-

хохотался.

– Скотина! – зарычала Ева и ударила его в пах носком ноги. – Натурально?! Я не прощаю тех, кто вытирает об меня ноги, понял? Ты еще не знаешь, кого оскорбил. Ох, как горько пожалеешь, графоман! Бездарь! Ничтожество! Импотент!

Она задыхалась, не находя нужных острых ядовитых слов, а те, что находила, явно попадали в молоко. В полном отчаянии, стонущая от обиды и беспомощности, Ева схватила тесак и с силой провела острой частью лезвия по днищу лодки, кромсая и вырезая предохранительный клапан.

– Что ты творишь, сумасшедшая! – заорал Григорич, хватаясь руками за голову.

– А теперь испытай натуральность последних ощущений в жизни! – выкрикнула одержимая режиссерша, схватила свой телефон, тесак и прыгнула за борт. Подплыв под лодку, Ева сделала еще несколько сильных ударов лезвием по дну.

Григорич стал затыкать дырку подручными тряпками, но вода постепенно прибывала. Ощупав карманы шорт, он схватил телефон, и напряженно всматриваясь в тускло подсвечиваемый дисплей, стал судорожно набирать номер Риты. Сигнала не было. Тогда он открыл в телефоне функцию Заметок и задумался. Сверкнула молния, одна, вторая, за ними лесную округу оглушили раскаты грома. Стал накрапывать дождик и Григоричу пришлось накрыться клеенкой. То ли от дождя, то ли от волнения, горе-сценарист вытер рука-

вом влажное лицо, вздохнул и написал эпитафию: «Моей любимой жене Рите посвящается». И не обращая внимания на неудобства, с которыми приходилось считаться, преисполненный собственной установкой писать естественно, и щурясь от недостатка освещения, Григорич стал лихорадочно тыкать клавиши виртуальной клавиатуры и ваять очередной шедевр. Ни времени, ни возможностей расслабиться у него не было совершенно. Приходилось все время отвлекаться, сдерживая потопление лодки, так как вода все прибывала, ноги стыли, и уже не оставалось ни одной сухой тряпки, которой можно было бы заткнуть рваную дырку, оставленную острием ножа. Кроме того, разрез стал увеличиваться по шву спаянного брезента, что не внушало оптимизма, и сколько еще времени лодка могла продержаться на плаву – одному Богу было известно. Но Григорич думал только о сценарии и о том, что если и придется утонуть, то за секунду до последнего вдоха он постарается зашвырнуть телефон как можно ближе к берегу, чтобы тот мог впоследствии попасть в руки Рите. О том, чтобы просто потом переслать текст жене, лихорадочно работающий мозг уже не мог додуматься. В последний раз взглянул Григорич в сторону пляжа, на котором бесновалась тень Евы. Девушка размахивала руками, делала всевозможные обезьяньи позы, то выставляя к Григоричу оголенный зад, то делая руками недвусмысленные оскорбительные знаки, то конвульсивно подпрыгивая и падая в траву. В лодке не было слышно ни словечка с берега, но визуаль-

но Григорич мог наблюдать, что ротик Евы, искаженный до безобразия, не закрывался ни на секунду. Какой натурально мерзкой в тот момент казалась ему недавняя небожительница – идеал грации, изящества и ума, а ныне – опустившаяся до пошлости одержимая и весьма натуральная фурия. Наконец, визжа от грома и молний, Ева вприпрыжку исчезла среди деревьев, а Григорич начал набирать текст логлайна:

Невзрачный собачник Гоша счастлив: первая красавица курса Карина, наконец, соглашается ехать к нему на дачу. Омрачает лишь то, что она ненавидит собак, но Гоша навивно надеется подружить девушку с верным псом Каспером, не догадываясь, какое страшное условие поставит любимая.

Глава 12

Перрон станции Коротич. Из электрички выходят дачники с сумками и садовым инвентарем за плечами. Через переезд переходит улыбочивый косоглазый ГОША (19) со старым хромящим псом КАСПЕРОМ (13). Позади них, уткнувшись в смартфон и спотыкаясь на высоких каблуках, плетется хмурая красотка КАРИНА (18). Слышны звуки сельской жизни: мычание коров, звон колодезной цепи, пьяный гомон поселчан. Гоша подбрасывает Касперу мячик, тот отбивает носом и оба в азарте бегут вдоль базарчика.

У одного из лотков Каспер видит связку больших мячей, разукрашенных под арбузы, и скулит.

Гоша (*Касперу*). Не наглей, Кас! У тебя свой есть.

Каспер играет с мячом, приглашая в игру Карину, и норовит подлезть ей под юбку. Когда ему это удастся, Карина возмущенно жестикулирует и хочет вернуться на станцию, но Гоша театрально становится перед ней на колени. Карина снисходительно улыбается и продолжает путь на дачу. Гоша треплет Каспера по холке.

Гоша (*Касперу внушительно*). Слышь, отвали, друг. Я три месяца ждал, пока Каринка мажора своего бросит не для

того, чтоб ты за секунду ее здесь поймел.

Каспер дергает головой.

Гоша. И не спорь. Тоже мне еще Казанова.

Все втроем спускаются к озеру, по одну сторону от которого тянется лесополоса, по другую разбросаны дачные домики.

Дача Гоши. В беседке сервирован стол: шашлыки, салаты, вино. Каспер дремлет под лавкой. Карина пудрится, Гоша произносит тост.

Гоша (*восторженно*). Хочу поднять бокал за бесценное свое сокровище. Без него жизнь моя не имела бы никакого смысла.

Карина (*закатывая глазки*). Ах, прям таки никакого.

Гоша. Абсолютно. Эх, сколько раз он беду отводил и от аферистов спасал...

Карина (*оторопело*). Не поняла, кто это – он?

Гоша. (поглаживая пса). Каспер, конечно. (Касперу.) За тебя, верный друг!

Карина. (*чихает*). А за любовь к людям тост будет?

Гоша в смущении. Карине звонят и та бежит в сад.

Карина сидит на широком пне и резко отвечает по телефону.

Карина (*сквозь зубы*). Какая ж ты собака, Сергей. Хотя куда тебе! Та хоть не клянется сначала в любви к одной, а потом начинает скакать по чужим койкам.

Карина расстроена. К ней подбегает Каспер и кладет голову на колени. Карина брезгливо отталкивает его от себя.

Карина (*всхлипывая*). Только тебя мне не хватает. Пшел!

Каспер уходит. Приходит Гоша и садится на траву перед расстроенной Кариной. Смотрит на нее преданными глазами.

Гоша. Кариш, ну что ты. Кас пожалеть тебя хотел. Он все тонко чувствует и никогда не обидит. Никогда.

Гоша хочет обнять Карину, но со двора грохот. Оба бегут туда. Видим: На спиле пня, где сидела Карина, вырезана морда Каспера.

Всё, вплоть до косметики, свалено со стола на землю. На столе только бокал Карины, из которого лакает Каспер.

Карина (*Гоше язвительно*). Никогда, говоришь?

Гоша (*пытаясь шутить*). Вообще-то он непьющий, но из твоего бокала и я бы...

Карина нервно топает ногой. Каспер спрыгивает со стола и мочится на порванную грязную сумку Карины.

Карина (*в ярости*). Да ты охренела, тварь слепая! Твой хозяин в жизни за неё не расплатится.

Гоша (*удерживая Карину*). Блин, таки не зря мне сегодня во сне черная собака ноги лизала.

Карина. При чем тут твои черные ноги?!

Гоша. Значит, день беспокойным выдастся. (*Умоляет.*) Каришечка, не плачь. Ща на базарчик сгоняю, там все что хочешь куплю.

Карина. Нет уж! Одна я с ним не останусь. (*Выплескивает остатки вина из бокала псу в морду.*)

Гоша укоризненно смотрит на Каспера и уходит с Кариной. Каспер хватается сумку Карины и несколько раз окунает ее в таз с водой. Затем несется к воротам, но Гоша с Кариной уже ушли.

Базар. Гоша с Кариной ходят меж рядов и выбирают все, на что укажет пальчик девушки. Сделав множество покупок,

нагруженный Гоша и довольная Карина идут к автобусной остановке. На скамейке сидит РЫЖИЙ (26) и пьет водку. Рыжий протягивает Карине чекушку.

РЫЖИЙ (*икая*). Эй, подруга. За нашу встречу.

Гоша (*отстраняя руку Рыжего*). Слышь, отдыхай, а.

РЫЖИЙ. Братуха, ща правда не до тебя.

Гоша хватает Рыжего за ворот рубахи.

Карина (*Рыжему с вызовом*). Проблем захотел, рахит на-возный?

Рыжий бьёт Гошу в живот, тот падает. Вытаскивает из кармана пистолет и направляет на Карину. Та закрывает лицо руками. Рыжий хватает Карину за пояс и прижимает ее спиной к себе.

Карина (*испуганно*). Пожалуйста, не надо.

Гоша (*хрипло*). А ну отпусти её, скот.

РЫЖИЙ. Не вопрос, братуха. Опущу и отпущу.

(Карине) У тя чего, со слухом косяки? Упала!

Карина кивает и сползает на колени перед Рыжим.

Из-за спины на Рыжего набрасывается Каспер. Рыжий падает. Карина отряхивается, Гоша встает и помогает ей.

Рыжий (*зло*). Ну все, дачники. Скоро пересечемся

Карина в слезах убегает, Гоша с Каспером уходят.

Дом Гоши, комната. Карина нервными движениями собирает вещи в сумку и покашливает. Гоша недоуменно наблюдает за ней.

Гоша (*бормоча*). Кариш, ну что опять не так?

Карина (*холодно*). Собаке спасибо скажи – я уезжаю.

Гоша. Вообще-то, Кас нам жизнь спас.

Карина. Неужели! Давай теперь в лапы поклонимся Спасителю нашему. Я лично отдохнуть сюда ехала, а не рахитам отдаваться.

Гоша (*оживленно*). Ты про того с остановки? Да пусть только сунется – вмиг пожалеет.

Карина. Спасибо, пожалела. Живи вон со своим Касом. Я тут вообще не в тему.

Гоша (*удивленно*). Кариша, да ты что! Когда первая красавица универа вдруг обратила внимание на меня-урода и предпочла сынку ректора, я был просто на седьмом небе. До сих пор не верю.

Карина тяжело опускается на край кровати и заходится в приступе кашля. Встает и идет к двери. Гоша удерживает.

Гоша. Кариш, проси, что хочешь, только не уезжай. Наверное, я не умею с девушками обращаться, ну потому что ты у меня первая. Правда. Научи как надо – я все для тебя сделаю.

Карина (*повелительно*). Избавься от пса.

Гоша (*растерянно*). В смысле «избавься»? Он же друг.

Карина. Мда. У тебя в друзьях одни собаки.

Гоша. Но, Кариш, я без него пропаду. Кас лучше меня людей знает. Прикинь, раз из полиции позвонили, мол, брат мой сбил женщину и если я хочу спасти его, то должен денег перечислить. Я в панике, а Кас как услышал их голос, стал лаять и руки мне кусать. После я узнал, что то аферисты были. Такой у меня друг!

Карина (*чихая*). Я же не предлагаю усыплять. Отдай в добрые руки. Здесь хороший пес всем нужен. К тому же Каспер старенький и воздух пойдет ему на пользу.

Гоша (*в отчаянии*). Как же так? Я люблю вас обоих и...

Карина (*надрывно*). Не хочу я такой любви – полусоба-чьей-получеловечьей. Мне нужно все внимание. Все, понимаешь? (*кашляет.*) И вообще... У меня аллергия на собак. Я умереть могу, понимаешь?

Гоша смотрит на Карину немигающими глазами. Затем медленно встает и переводит взгляд на открытое окно, из-за которого на него уставился Каспер. Выходит, громко хлоп-

нув дверью.

Гоша сидит на крыльце и понуро смотрит в землю. Подбегает Каспер с грязной сумкой Карины в зубах. Затем бежит к воротам и оставляет сумку там. Гоша мотает головой. Каспер подбегает к Гоше и скулит. Гоша кормит Каспера мясом из кастрюли, затем с рук, и пристально глядит псу в глаза. Каспер тоже не сводит глаз с хозяина. Каспер сыт, но Гоша насильно пихает еду, а на щеках слезы. Затем обнимает Каспера и уводит со двора.

Карина чуть ли не парит по двору со столовым ножом в руке. Вприпрыжку идет в сад, срывая вишни и абрикосы.

Сад. Карина видит пень с профилем Каспера. Метает в него нож, промахивается и наконец попадает. Случайно изо рта попадает сок от ягод на майку и телефон. Карина вытирает пятна, хмурится и набирает номер телефона Сергея. Никто не отвечает. Карина пишет смс-ку и проговаривает текст вслух:

Карина Ответь, дрянь. Где ты лазишь? Никак со шлюхами не расстанешься? Ответь. *(Переходит на шепот.)* Сереженька, милый, я прощу тебя, только вернись. Плохо мне, пусечка.

(Зло.) Дрянь! Дрянь!

Карина плачет и бежит во двор.

Гоша ходит по поселку и показывает сельчанам Каспера. Те отрицательно качают головами. Гоша выходит с Каспером на базарную площадь. Торговцы тоже отмахиваются. Гоша вздыхает и направляется с Каспером в лес.

Карина сидит в беседке за столом и плачет. Входит мрачный Гоша один без Каспера. Видит Карину и бросается к ней.

Карина (*качая головой*). Дрянь. Какая дрянь.

Гоша (*испуганно*). Кто дрянь? Почему?

Карина (*вздрагивая*). А? Что? Я дрянь. Прости меня за Каса. Никогда не прощу себе...

Гоша (*обнимая Карину*). Не надо, не надо милая. Мне здоровье твое дороже.

Карина (*жалобно*). Кому ты оставил его?

Гоша. Увы. Старый пес никому не нужен. Я отвел его в Арбузный рай.

Карина. Куда?

Гоша (*еле сдерживая чувства*). В нашем лесу есть полянка. По легенде на ней растут арбузные деревья. Кто их увидит – станет счастливым, а кто попробует плоды, проживет тыщу лет. Там часто бывают пастухи и охотники. Я привязал Каса к дубу, авось подберут...

На глаза Гоши наворачиваются слезы и он отворачивает-

ся. Карина гладит Гошу по голове.

Карина. Как хочется райских арбузов.

Гоша (*грустно*). Давай потом сходим. Тяжко сейчас.

Карина. Понимаю. Побудем дома, милый.

Гоша (*вдруг оживляясь*). Милый? Кариш, а хочешь на пляж. Мы с Касом часто там гуляли. Вечерами там танцы. Музыка – разрыв мозгов.

Карина (*с огоньками в глазах*). Ух ты, хочу.

Карина убегает в дом. Гоша всматривается в кусты за забором.

Гоша (*тихо зовет*). Кас... Кас... Почудилось.

Гоша прогуливается в саду и видит торчащий нож на пне с профилем Каспера. Вынимает и напряженно смотрит на окно дома, за которым видна переодевающаяся Карина. Гоша вертит нож в руке: то целится в Карину, то хочет перерезать себе вену. Карина улыбается ему, и он вышвыривает нож за забор. Грохот.

Грохочет музыка, много танцующих парочек. Гоша пытается танцевать с Кариной, но выходит плохо. Карина сердится. Ее приглашает какой-то парень и она с радостью начинает танцевать с ним. Парень страстно обнимает Карину. Хмурый Гоша направляется к ним, но теряет Карину из виду.

Гоша везде ищет Карину. Наконец, она появляется вся

мокрая, по лицу размазана косметика, на ноге порван чулок.

Гоша (*взволнованно*). Где ты была?

Карина (*дерзко нетрезвым голосом*). В туалете. Нельзя?

Гоша. Целый час? Там разливали что ли?

Карина. Не твое дело. Какого ты вообще за мной бегаешь, как собака?

Гоша (*грустно*). Да так. Просто ты телефон потеряла. (*Протягивает ей смартфон.*) Пять пропущенных и семь смс от Сереженьки.

Карина меняется в лице, вырывает телефон и лихорадочно перебирает пальцами. Звонит, но тщетно.

Карина (*злится*). Млять, зарядка сдохла.

Карина бросается в траву и рыдает.

Гоша (*угрюмо*). Как же сильно любишь его, а на чувства мои плевать ты хотела. Только я – не плевательница.

Карина (*всхлипывая*). Злой ты! Да, я с Сергеем два года жила. Как в раю! Думаешь легко все так сразу забыть? Нет чтобы пожалеть меня, дать время... Ты когда-нибудь терял родную душу?

Гоша (*холодно*). Четыре часа тому назад. (*всматривается в даль.*) Кас...Кас. Почудилось.

(решиительно Карине.) Ладно, хочешь как в раю – пошли.
Карина *(испуганно)*. Куда, безумный? Темно уже. Пусти!

Гоша силой уводит визжащую Карину.

Рыжий (ночной сторож) ходит по базару и наблюдает, как торговцы сворачивают торговлю. В висящей на крючке порванной сетке видит только один мяч в форме арбуза. Рыжий сплевывает.

Рыжий переходит дорогу, спускается к лесу и видит еще мяч.

Рыжий. Бессмертный он что ли.

Рыжий достает из-за пояса пистолет и входит в лес.

Карина с Гошей в лесу. Оба озабочены.

Карина. Ну и где мой Арбузный рай?

Гоша осматривает место у дуба и поднимает отгрызенный поводок. На листьях лопухов кровь. На щеках Гоши слезы.

Гоша. Убили. Его убили.

Карина. Кого убили?

Гоша. Каспера. Друга моего.

Карина (*вздыхая*). Кто о чем. Арбузы где?

Гоша (*глухо*). Какие арбузы в лесу, Карина? Взрослая уже, а в сказки веришь.

Карина (*надувая губы*). Так ты что, привел меня сюда ради пса блохастого? Да чтоб он сдох.

Гоша подскакивает к Карине и сжимает ее шею. Та задыхается. Гоша отпускает ее и уходит в чащу, Карина за ним.

Гоша с Кариной оказываются на заболоченной полянке. Под кустами орешника видят разбросанные арбузы.

Гоша (*удивленно*). Что за бред, не понимаю.

Карина (*чихая*). В голове у тебя бред. Арбузов хочю.

Гоша с удивлением смотрит на Карину и идет через болото. Рядом с арбузами проваливается в трясины и вязнет по пояс.

Гоша (*кричит*). Помоги!

Карина. Как помочь? Утонуть с тобой что ли?

Гоша. Нагни вон ту ветку орешника. Попытаюсь дотянуться.

Карина с недовольной миной на лице ступает по жиже и вдруг вскрикивает, увидев в траве змею.

Карина. Мамочки! (*Гоше*) Иди ты к черту со своим раем, придурок! Все, я домой еду.

Сзади раздается хруст веток. Карина оборачивается и падает в объятия Рыжего. У того в руке пистолет.

Рыжий. Сначала сделай мне хорошо, шмара. Ну! Или снова со слухом косяки?

Карина (*дрожжа*). Мамочки! Не убивайте, пожалуйста.

Карина опускается на колени. Рыжий отбрасывает ее за волосы к дереву и хохочет, замечая змею.

Рыжий (*Гоше*). Братуха, ты где эту дуру подцепил? Ужа от гадюки отличить не может.

Гоша. Чего тебе от нас надо, дебил?

Рыжий. Ну, за дебила по отдельной статье ответишь. А пока мне товар нужен.

Гоша. Какой еще товар?

Рыжий (*показывает на арбузы*). Который ты пса научил с базара тырить и в болото таскать.

Гоша кидает арбузные мячи на сушу. Карина брезгливо отшвыривает их.

Карина. Так это не арбузы?

Рыжий (*хохоча*). Вот дурища крашенная.

Гоша (*кричит*). Слышь, где он? Где мой Кас?

Рыжий (*усмехается*). Издох, надеюсь. Шустрый какой был, никак его уложить не мог.

Гоша дергается, но взнет по пояс. Рыжий смеется и стреляет над головой Гоши. Карина уползает от Рыжего.

Из-за кустов на Рыжего прыгает Каспер. Рыжий скрывается.

Каспер оббегает болото и нагибает ветку орешника, с помощью которой Гоша выбирается на сушу. Гоша целует Каспера и слизывает кровь с его шеи. Каспер визжит от восторга.

Гоша. С арбузами умно придумано, Кас. А ведь я чувствовал, что ты рядом. Прости, прости. Отомстить хотел?

Каспер мотает головой.

Гоша. Нет? Зачем тогда мячами в болото завлек, а потом спас? Че за маневр такой?

Каспер бежит за дерево и приносит старую сумку Карины. Затем начинает искать на себе блох и лапой бьет по сумке.

Гоша (*задумчиво*). То есть ты хочешь сказать... Проверка Карины на вшивость? Ах ты, умница!

Каспер радостно гавкает и ведет Гошу вглубь чащи. Яма около трех метров. В нее попали Карина и Рыжий. Оба в капканах, стонут. Гоша с Каспером стоят над ямой.

Гоша (*усмехаясь Касперу*). Мда, ты всегда лучше меня разбирался в людях, Кас. Научишь? Нет? Ну все равно, это был самый лучший урок. Пошли, мой верный друг. Этот рай точно не для нас.

Гоша с Каспером уходят, а эхо еще долго разносит по лесу вопли и стоны Карины и Рыжего.

На стуки Риты в дверь домика Евы никто не отвечал. Постояв еще с минуту и максимально напрягая слух, Рита прильнула ухом к полоске узкого пространства между дверью и рамой. Признав безрезультатность ожиданий, она раскрыла зонтик и направилась в сторону административного корпуса. Наташу она встретила у самого входа и та, удивленная поздним появлением курортницы в столь ненастную погоду, сразу же предложила чаю с мятой и ромашкой. Но Риту интересовало только, не заходил ли к ней ее муж. Оказалось, заходил одалживать лодку и теперь Наташа переживает, что уже одиннадцатый час, а Григорича все нет.

– Одалживал лодку? – удивленно переспросила Рита. – Не сказал, куда собирался?

Наташа отрицательно закивала головой. Отказавшись от чаю, Рита быстро засемила к выходу. Совсем близко от здания шквалом ветра сломало толстую ветвь каштана и швырнуло прямо в окно здания, но стекла уцелели.

– Ох, – вздохнула Наташа. – Куда же вы пойдете? Ваш домик далековато, может, отсидитесь у меня?

Рита обернулась и, улыбаясь, ответила:

– Ничего, здесь же рядом режиссерша вроде бы. Зайду поболтать.

– Режиссерша? – вяло спросила Наташа, подумав, что возможно ослышалась.

– Да, – кивнула Рита. – Евой зовут, кажется.

– Ах, Мазутина! – воскликнула администраторша. – А почему режиссерша?

– Муж говорил. Он занимается с ней английским языком. Ева ведь за границу собирается.

– Вечно нафантазирует моя подруга, – рассмеялась Наташа. – Она училась год в театральном, пока ее не выперли.

– За что?

– Да там какая-то темная история. В общем, то ли она соблазнила профессора кафедры и их застукала жена-депутатка, то ли профессор ее изнасиловал, а Ева решила денег с него срубить, но короче говоря, старичка хватил удар и он умер. Он, кажется, еще в старой комедии играл, как ее... «По моему хотению»...этого...

– Иванушку-дурачка? – изумилась Рита.

– Ага, – обрадованно подтвердила Наташа.

– А эта Ева, она замужем?

– Была. И ребенок был.

– Почему был?

– Так ведь после развода суд так решил: с отцом сына оставить.

– Чаще всего суд решает в пользу матери, – удивилась Рита.

– Ну это...если мать нормальная, – медленно проговорила администраторша.

– В смысле?

– Так ведь Ева лечилась в психушке, ну вот и....

Рита не дослушала и вылетела из корпуса. Долго не рассуждая, она огляделась вокруг, но дальше света от зажженных фонарей, ничего не было видно. «Лодка...» – задумалась Рита. Прихрамывая от усталости и внутреннего страха, она раскрыла зонтик и пошла по направлению к трассе.

Невзирая на широкие лужи, Еве удалось добраться до лесной опушки, где она спряталась под раскидистыми ветвями дуба. Прислушалась – тишина. Рита перекрестилась и вошла в чашу, тяжело ступая больными ногами, по щиколотки увязая в унавоженной прелыми листьями земле. Впереди не было видно ни зги, но сердце никогда не обманывало женщину и вскоре заколотило так, словно еще чуть-чуть и что-то должно появиться. Сначала послышался хруст и будто кто-

то ломает ветки. Стали доноситься резкие слова: «Сдохни, гад!» А еще через пару метров Рита нос к носу столкнулась с Евой. Та выглядела крайне возбужденно. Спутавшиеся волосы, покрытые паутиной и шишками репейника, обвисали сосульками и закрывали почти все исцарапанное лицо. В выпученных глазах смешивались страх и надменность, а губы бесконтрольно дрожали.

– Где мой муж? – вскрикнула Рита.

Прислонясь к дереву, Ева выхватила из-за пояса тесак и зарычала. Рита отшатнулась.

– Сдох он.....сдох... – словно безумная, повторяла девица. Она стала плевать и выбрасывать вперед ноги, чтобы ударить Риту, но та старалась спрятаться за дерево. От всего происходящего и особенно от нервного напряжения и услышанных от безумной слов о ее муже, Рите стало дурно, пальцы ног онемели и бедная женщина тихо сползла по коре дерева на землю. Над нею же, осевшей на кучу листьев, издевательски корчилась девица, размахивая тесаком и ехидно вскрикивая:

– Ты посмотри на себя, баба старая. Кого он выберет: меня – кровь с молоком или тебя – капусту скисшую?

Заходясь от хохота, Ева пританцовывала и наклонялась над Ритой, охватившей уши ладонями и не желавшей слушать хамку. Дыхание в груди сжалось Риты, голова пошла кругом, и стало тяжело дышать. Рита мечтала, чтобы эта дура заткнулась, ей требовалось хоть пять минут тишины и по-

коя. А Ева распалаясь, поигрывая перед изможденной женщиной своими прелестями:

– А у тебя есть такое? Есть? На что ты способна, моль облезлая? Твое место на кухне, челядь.

– А твое в аду, – прохрипела Рита и ухватив космы Евы цепкими пальцами, силе которых всегда поражался Григорич: «Так крышку на баклажке закрутишь – и щипцами еле-еле откроешь», и дернула на себя. От неожиданности Ева ахнула и перелетев через голову Риты, шлепнулась в грязь лицом. Она попыталась приподняться, но Рита уже встала на колени и прижала руками к земле увертливое тельце девицы. Переместив колени на ягодицы Евы, Риты с силой вдавила тело девушки в грязную жижу, и удачно схватив прядь липких волос, намотала их себе на руку, причиняя болезненные ощущения сопернице.

– Нравится? – вскричала Рита. – Нравится, прошмандовка костлявая?

Ева только сопела и истерично визжала, безуспешно ерзая попой и подгибая ноги.

– Пусти, сука! – пищала девушка. – Не знаешь, с кем связалась, шавка!

Ева судорожно пыталась освободиться – визг и проклятья в сторону Риты не прекращались. Так продолжалось пару минут, пока Рита не привстала с изнемогшего тела Евы, и не обмотала некогда шикарную длинную шевелюру вокруг дерева. Извиваясь всем телом, Ева охала, стонала, сдирая ко-

ленки до крови и разрывая в клочья топик. Оставшись в одном лифчике, она бешено захохотала.

– Смотри! – надменно смотрела она на возвышающуюся теперь над ней Риту. – Смотри на мое молодое сексуальное тело. Смотри и завидуй! Твой муженек напрасно отказался от него. Дурачок, за то и поплатился. Импотент он плешивый.

Ева выгнула попу и завияла бедрами. Заметив у нее отсутствие нижнего белья, Рита сплюнула и на секунду задумалась. Собрав куски топика девицы, она обмотала ими свои руки и занялась сбором крапивы. А через несколько секунд спустила шортики Евы и стала хлестать по голым ягодицам ветками жгучей травы. Не своим голосом, так, что оглохла даже лесная тишина, верещала бедная Ева. На и без того маленьких ягодицах не осталось белого места. Девушка пыталась отклоняться бедрами, судорожно корчилась и закрывалась руками, но тщетно. Безжалостная Рита уверенно наказывала режиссершу по своему натуральному сценарию. Каждый удар колючей плетью вызывал у Евы приступ кашля и выплеск рыданий. Наконец, она стала умолять:

– Пожалуйста, пустите...я домой хочу... я уеду...уюду... обещаю.

– Где мой муж? – грозно потребовала ответа Рита.

– Я продырявила ему лодку.

– Зачем, тварь? – заорала Рита и вложила всю ярость в

мощный удар крапивой.

– Он не захотел меня трахнуть! – визжала и плакала Ева. – Меня! Меня не захотел.

В траве мелькнуло лезвие тесака. Рита судорожно схватила нож и почти под корень обрезала все волосы на голове Евы. Затем наклонилась над девушкой и прошипела той в лицо:

– Если он утонул, я тебя искромсаю всю, хорошо меня поняла?

Ева лишь слабо кивнула и снова зарыдала. Оставив грязную девицу в луже, Рита побежала к озеру.

Лодка почти уже скрылась под водой, и лишь слабое бабахтанье Григорича еще питало надежду его жены. Не раздумывая, Рита бросилась на помощь. По счастью вокруг плавало много деревянных брусьев, за которые можно было ухватиться, чтобы перевести дыхание. Наконец, Рите удалось схватить мужа за руку.

– Держись за спину, – прохрипела она. – Крепко держись.

Через пару минут они уже лежали на берегу, омываемые дождем, но это их совершенно не беспокоило. Григорич с Ритой с таким жаром и страстью обнимались, будто сбросили с себя лет...в общем, много лет, чего уж там.

Всю ночь они не спали, мылись под душем, делились впечатлениями и просили друг у друга прощения. Как приятно,

когда просишь у другого прощения. Сколько камней сразу же слетают с души, а за ними непременно льются слезы. Но это хорошие слезы – они самые натуральные. Кто хочет их когда-нибудь описать, чтобы все поверили, пусть испытает на себе: попросит у кого-нибудь прощения. Ведь у каждого есть за что, правда?

А наутро зашла Наташа и сильно огорчилась, что лодка утонула. С другой стороны, обрадовалась, когда узнала – не все, конечно, а купюрами, – обстоятельства, при которых все произошло. Они напоили Наташу чаем, но вскоре та спохватилась и сообщила, что надо идти давать горничным поручение убрать в номере Евы, так как Мазутина внезапно уехала. Григорич с Ритой многозначительно переглянулись.

Но вскоре у них тоже прибавилось забот: прибыли все Быдловичи – радостные такие и неожиданно соскучившиеся, особенно Маша с Вованом. Это сразу же показалось Григоричу подозрительным. И правда, Маша сообщила, что они получили деньги от покупателей дома, но тут же все их потратили.

– Куда? – в один голос вскричали Рита с мужем.

Маша помедлила, но призналась:

– Мы оплатили все свои кредиты. И ваши тоже.

Григоричу с Ритой нужно было пройтись. Гуляя по набережной и с мягкой радостью наблюдая, как плещутся в воде

Кира с Ирочкой, Рита заметила мужу:

– Знаешь, ну и черт с ним – с маминым домом. Я потеряла его, зато мы могли вчера потерять друг друга. Что ценнее?

– Ты все-таки самая мудрая женщина на свете. И самая любимая.

– Без сравнений? – с иронией в голосе спросила Рита.

– Без! – утвердительно кивнул Григорич.

Они долго бродили и дышали свежим воздухом приближающегося сентября.

– Ничего, милый, – успокаивала мужа Рита. – Ну их, эти сценарии. Жили как-то все вместе и дальше проживем. Ну не повезло нам в этот раз. Потом повезет. Когда-нибудь. Наверное.

– Когда-нибудь меня не устраивает, – вздохнул Григорич и глубоко задумался. – Есть же еще «Двое на даче».

Рита остановилась и схватила мужа за руку.

– Можешь выполнить мою просьбу? – твердо спросила она, и Григорич сразу же кивнул под тяжелым взглядом жены.

– Оставь этот сценарий мне. Не хочу, чтобы его кто-то читал. Он получился слишком....

– Натуральным? – спросил Григорич.

– О, да! – улыбнулась Рита. – Особенно старая собака.

С этими словами она залаяла и тут же рассмеялась. Телефон Григорича вдруг ожил. На дисплее отразилось сообщение явно рекламного характера. Рита остановила палец му-

жа над кнопкой удаления.

– Гляди, какой любопытный видеоролик.

– Стадо, – прочел название короткометражки Григорич. – Курсовой проект студентки первого курса факультета режиссуры, Евы Мазутиной.

На экране появилась Ева. Гордой походкой с запрокинутой головой и виляя бедрами, она шла по улице, но при этом на ее теле не было одежды. Вообще. За ней гуськом шли мужчины – бизнесмены, торговцы, полицейские, врачи. Длинный хвост озабоченных мужчин тянулся аж до метро, куда спустилась обнаженная девица. Затем Ева все в таком же виде прошла по перрону, вошла в вагон поезда и села на свободное место. Все мужские взоры были устремлены только на нее: с губ стекала пена, глаза слезились, а руки дрожали. Многие мужчины начинали мычать, кто-то рвал на себе рубаху, показывая волосатую грудь, а иные падали в обморок. Затем красотка вышла из метро, встретила старика и долго целовалась с ним.

– О, – сказал Григорич. – Это ж старый актер. Ты помнишь его? Он в сказке играл этого...

– Иванушку-дурачка, – задумчиво ответила Рита.

А ролик продолжался. Из метро вышла соблазнительная Ева уже в одежде амазонки с кнутом в руках. Люди, превратившиеся в стадо быков, вышедшее за ней, послушно следовали за хозяйкой.

– Бред, – фыркнул Григорич. – Ого! Зато сколько про-

смотров на Тьюбе. Три миллиона. Ни себе фига!

И тут же Рите тоже пришло сообщение.

– Спам? – спросил муж.

– Сейчас поглядим. Называется: Рога графомана

На экране появилась Ева, целующая в лодке Григорича.

Рита поставила на паузу и вопросительно взглянула на мужа.

– Ты мне веришь? – спокойно спросил Григорич.

Рита схватила его за руку, постояла с минуту молча, и уверенно удалила ролик. Они обнялись и зашагали по набережной. И только прибрежный веселый ветерок, возможно из вчерашних свидетелей лесного приключения, доносил отрывистые слова из беседы семейной пары.

– Знаешь что, – говорил Григорич. – Я решил: сам буду снимать кино. Куплю камеру и....

– Камеру? – испуганно переспросила Рита. – На какие деньги?

И тут же ответила сама себе:

– Господи, еще один кредит я не вынесу.

– А что делать... – рассеянно улыбнулся муж и обнял жену. – Быдловичи с нас не слезут, у тебя сил нет на них, да и у меня нервы не железные. Сниму фильм, пусть любительский и пошлю на фестивали. Там уж заметят.

Они продолжали свой путь к новым приключениям. Давайте не терять их из виду.

Глава 13

Количество лайков, да простят меня эстеты за столь собачий термин, к фильму Евы перевалило за три миллиона. В комментариях бушевали такие страсти, каких не бывало, вероятно, со времени публикации «Лолиты», да еще раз пусть простят меня люди с тонким литературным вкусом за сравнение с классиком-небожителем. Стольких ярких метафор удостаивался сам сюжет, столько критических возражений неслось относительно странного видения проблемы режиссером, и конечно же, столько тонн горячей пены было выплеснуто в адрес главной героини, что Григорич от души позавидовал. А уж с Евы-то особо озабоченные зрители не преминули снять десяток-другой кож, хотя снимать то там было как раз и нечего. Но будем справедливы: девица блистала во всей своей безупречной женской красе с манерами ведьмы-искусительницы, и думаю, что только у совсем уж ленивого мужика во время сеанса не зашкаливало давление. Спорный вопрос, кто кого обожал больше: зрители Еву или Ева сама себя во время съемок. Для Григорича же ответ был ясен. Не со спокойным сердцем вспоминал он их «золотую сцену» и с горечью усмехался. На ум приходили слова Чехова: «Посмотришь на иное создание – миллион восторгов, а заглянешь в душу – обыкновенный крокодил».

Уже не как зритель Григорич пересмотрел фильм «Стадо» еще несколько раз, но теперь его больше всего интересовали операторские трюки, световые решения и режиссерская работа. А дело в том, что обсудив с Ритой семейный бюджет, они пришли к выводу, что денег на профессиональную кинокамеру нет, брать новый кредит – самоубийство, и потому придется снимать самому на смартфон, а потом уже отдавать видеозапись знакомым монтажерам из местной видеостудии в Доме культуры. И если все получится так, как замышлялось, то Григорич станет знаменитостью и уже ни одна киностудия не посмеет говорить с ним через губу – как с одним из ничтожных новичков, с которыми обычно не хотят возиться. Сразу же определился формат фильма – короткий метр, с учетом клипового мышления современного зрителя. Оставалось лишь выбрать ходовой жанр и можно приступать к написанию сценарию и съемкам очередного шедевра. Первое, что пришло в голову, был детектив. Можно было придумать одиозного частного следователя в кепке с сигарой в зубах – гениального физиогномиста, способного по лицу определить убийцу. Или взять какое-нибудь нераскрытое историческое дело и закрутить вокруг него запутанный сюжет с похищением ценной картины. На что мудрая Рита предложила не без мягкой деликатности, о которой Григорич знал, что она сродни категорическому мнению, не требующему возражений, что лучше бы мужу подумать о другом жанре.

Не то, чтобы Григорич спасовал спорить с женой. Просто он и сам понимал, что для детектива надо либо работать в органах, либо обладать математическими способностями, а он такой фантазер, не умеющий глубоко анализировать происшедшее и строить логические выводы, что для раскрытия даже самого банального преступления беспомощно прибегнет к какому-нибудь чуду. Тогда речь зашла о совсем невинном жанре – сопливой мелодраме. Вот уж поистине жанр, не требующий большого интеллектуального напряжения: у девушки погибают родители, ее саму насилует толпа отморожков, она теряет работу и вдруг появляется спаситель, который, правда женат, но естественно жена автоматически оказывается нелюбимой и начинает мстить любовнице мужа. Но бедная девушка уже беременна и ой... Рита сразу же прервала этот слезоточивый бред мужа, категорически восстав против мелодрамы и внушительно намекая на то, что хватит с нее идиотки Евы – нужны более приятные эмоции.

На помощь пришел Кухарук и в свойственной ему невозмутимой манере сказал:

– Ну, конечно же, комедия. Это сейчас самый востребованный жанр в мире кино.

Возбужденный новостью, Григорич тотчас побежал на кухню сообщить радость жене, но та, с рвением передовичка-стахановца, пытавшаяся вантузом как отбойным молотком, пробить засорившуюся раковину, особо не вдохновилась.

– Ненавижу американские комедии с их животным юмором. По городу мчится фургон, уходя от погони и тут персонажу захотелось по большому, а останавливаться нельзя. Тогда водитель ему предлагает открыть окно в салоне, спустить с себя исподнее и выставить задницу наружу. Тот ничтоже сумняшеся так и поступает. Тебе смешно? Орангутангу, возможно.

– Зато американцы не понимают нашего юмора, – с легким раздражением парировал Григорич. – Да, им дико любопытно, что смешного в том, что человек напился, попал в другой город, где есть дом и квартира, открывающаяся его ключом. Ну и что?

Рита, согнутая в три погибели, ответила уже из-под умывальника:

– Делай, как знаешь.

Стараясь не мешать жене получать моральное удовлетворение от битвы с сантехникой – она не раз ныла о том, что сидя дома на пенсии тяготиться мыслью о том, что ничем не занимается и является обузой для собственного мужа, – Григорич благоразумно удалился. По пути в комнату его одолевали угнетавшие сомнения, но все же неутомимый сценарист решил: «Сейчас открою последнюю книгу, которую прочитал, пусть это будет...скажем, страница 258, одиннадцатая строка снизу, и будь что будет». Он так и поступил, взял с этажерки рядом с письменным столом книгу известного голливудского сценариста Труби «Анатомия истории: 22 шага

к тому, чтобы стать мастером рассказчика» и открыл ее на нужной странице. Достаточно было прочесть фразу: «Комедия должна быть смешной и больше она никому ничего не должна», чтобы Григорич твердо решил записаться на платный онлайн курс по комедии.

Кухарук с радостью воспринял это мудрое решение в отличие от Риты. В последнее время ей все больше хотелось хоть какой-то стабильности, но она прилагала максимум усилий, стараясь не обидеть восторженный пыл мужа. Старалась, но не могла чисто по-женски не обронить фразу, глядя как муж перечисляет немалую сумму в киношколу, что она не возражает против комедии, но посмеются они позже, когда начнут приходить счета за коммуналку. Практичная женщина была права. Заказов у мужа было сейчас мало, на помощь Быдловичей рассчитывать было нечего и как назло пошли расходы: то сапоги порвались, то зуб разболелся, то вообще крыша потекла. Первое неприятное предупреждение о необходимости оплатить долги пришло из Харэнерго. Эти всегда были большими оригиналами: как свет отключать на три дня, так что до них не дозвонишься, так они в первых рядах, а как небольшая неуплата – тут же вой поднимают. А еще через три дня те и вовсе вырубил свет в квартире Григорича – как злостному неплательщику. Видя, что сидеть в темноте – не вариант, Вован привел своего друга-электрика с сомнительной квалификацией, который что-то подкрутил в

счетчике, висящем среди других на площадке этажа, и в результате в квартире появился свет, хотя сам счетчик не крутился. Вован ходил Спасителем Мира, что особенно радовало всех домочадцев, которых уже достали его постоянные сексуальные домогательства Маши: привез ее на машине с работы домой – дай в знак благодарности, сходил в киоск по воду – дай, лампочку в туалете вкрутил – тоже дай. Но если у мужчины происходит частый падеж стержня во время соития, в чем он обвиняет исключительно жену, то какой женщине захочется давать еще и еще? Если уж жить по принципу «ты – мне, я – тебе», то будь любезен, соблюдай его во всем. Вот Маша и старалась всяческими отговорками избегать постельного уединения с Вованом, что того, конечно же, злило. А поскольку весила вся эта злоба килограммов под сто сорок, то распространялась она на всех окружающих.

Когда же в баталиях семейных наступило кратковременное затишье, Григорич всецело погрузился в курс комедии и вскоре озаботился проблемой: Как написать смешно? Дело в том, что в каком бы возрасте он ни был, какой бы коллектив ни окружал за все годы, ему очень редко выпадала радость кого-нибудь рассмешить по-настоящему. Анекдоты рассказывают все: за столом, в курилке, на корпоративах и даже на кладбище. И везде худо-бедно, но смеются. Смеются даже если у шутки многокилометровая борода и стойкий запах нафталина. Григорич тщательно готовился, подбирал

интонацию, рассчитывал паузы, и вот когда наступала его очередь, он торжественно рассказывал абсолютно свежий, еще не обсмеянный анекдот – гробовое молчание. Ну что ты будешь делать! Как сглазил кто. Да-да. Именно так и считал наш герой. Долго рассматривал свое лицо в стекле открытой балконной рамы, пытался обнаружить на нем какую-то морщинку судьбы, которая все прояснит, мол, смешить – это не твое. Исходил физиономию вдоль и поперек, расцарапал себе нос, ткнул ногтем в глаз и чуть не свалился с балкона – никакого толкового результата.

И вот новое испытание. Но все мы помним, что говорила героиня комедии Рязанова: «И зайца можно научить курить», помнил это и Григорич, и с удивлением узнал, что смешить можно научиться. Только как? Оказывается, в комедийном жанре существует принцип трех точек, без которого ни одну комедию снять невозможно. Три точки включают в себя: ожидание, реальность и реакцию. Любой комедийный сюжет, эпизод и даже сцена подчиняются только этому простому жизненному принципу. Как и в жизни – в этой комедии обманутых ожиданий: мы ждем одного, а в реальности все происходит иначе. Порой нам становится грустно от результата, потому что он касается лично нас, но в комедии на экране совсем другое дело. Если, скажем, Шурик едет на Кавказ, ожидая собирать тосты, фольклор, сказки, то его ждет неутешительная для него, но забавная для нас реаль-

ность: его просто опаивают и доводят до плачевного состояния. Какова же его реакция? Он устраивает дебош, пытаясь оторвать рог у коровы, чтобы поднять новый тост. Принцип трех точек на этом не кончается, он продолжается по спирали от реакции к новому ожиданию: товарищ Саахов предлагает Шурику самому поучаствовать в старинном кавказском обычае. Мы знаем, какая будет реальность и какая на нее грядет реакция. Мы все это хорошо знаем и вот уже более полувека не прекращаем смеяться над фильмами, сделанными по принципу трех точек. А в сущности все очень просто: Между ожиданием и реальностью всегда есть слово «НО», между реальностью и реакцией есть слово «ПОЭТОМУ», а между реакцией и ожиданием, конечно же, слово «И». Ну и в финале все разрешается благополучно. Таков закон комедии.

У Григорича даже под ложечкой засосало – так уж ему просто не терпелось попробовать этот классический принцип на ком-нибудь из домашних. Был выбран Вован – как самый уникальный образец человека без чувства юмора, обладавший при этом одной странной особенностью. Как только на кухне кто-то гремел крышкой по кастрюле – этот гигант галопом несся смотреть, не на его ли еду покушаются. Григорич решил поступить так: он взял кастрюлю и унес с собой в комнату. Чуть приоткрыв дверь, экспериментатор с силой, как в литавры, ударил крышкой по кастрюле. Звон раздался

внушительный, но топот через две секунды показался еще внушительней. В серванте даже подпрыгнул сервиз с рыбками. Через минуту Вован, насупившись, шел обратно в спальню. Снова прозвучал удар по кастрюле и уже в большем раздражении хранитель бесценных запасов съестного вновь ринулся на спасение себя от голодной смерти. Прочистив горло парой-тройкой ходовых нецензурных фраз, он вновь вернулся из кухни восвояси. Григоричу понравилось ожидание и реальность, но смешной реакции он все же не обнаружил. В третий раз его таки уличили, и Вован дико осерчал, понимая, что был обманут самым подлейшим образом. На крики вечно голодного троглодита сбежались Рита с Машей и грозно потребовали объяснений. Григорич, крайне разочарованный неудавшимся экспериментом, отказался что-либо пояснять, чего нельзя было сказать о жертве розыгрыша. Вован с охотой пожаловался, что вырос в многодетной семье, и там нужно было только успевать съесть. В битве за еду, пока кусок мяса вынимали из кастрюли, как минимум четыре смертоносных вилки уже зависали с алчными намерениями и не факт, что мясо не украли бы по дороге в тарелку. Невзирая на близкий путь, на пути возникала масса неожиданных препятствий. Но даже если повезло, все равно оставайся бдительным. Стоило отвернуться и все – стырили уже из тарелки. А если, не дай Бог, опоздал к раздаче обеда на минуту – свободен до ужина. В конце недоедавший бедняга философски резюмировал:

– В большой семье еб..лом не щелкай.

Маша понимающе кивнула и погладила мужа по взволнованному от потрясения животу, а Рита с недоумением спросила у зятя:

– Зачем же ты бежал во второй и третий раз, если и в первый убедился, что на плите ничего нет?

Вопрос повис в воздухе и Вован, изобразив на лице мину непонятой жертвы, ушел в спальню.

Со скоростью огненной молнии Рита подлетела к мужу, мрачно сидевшему за столом, и уже готовилась устроить тому грандиозный скандал, потому как считала верхом неприличия издеваться над членами ее семьи проведением тупых экспериментов на проверку условных рефлексов. Долгосрочная ссора неминуемо приближалась и тут Григоричу самое бы время попытаться оправдаться, поискать достойные аргументы или отступить в надежные тылы, но погруженный в проблему третьей точки принципа, он лишь с досады еще раз лупанул крышкой по кастрюле. В тот же миг, да простит меня читатель, они с Ритой услышали за дверями уже знакомый им топот ног несущегося по коридору бизона. Буквально сразу же на всю квартиру зашлась в лошадином ржании Маша, а за ней разразилась смехом и Рита, которую Григорич еле-еле удерживал от падения, а потом еще полчасика успокаивал. Успокаивал, но при этом радостно восклицал:

– Работает! Работает принцип-то, а! Классная реакция. До

меня дошло: Если твою шутку не поняли, повтори ее еще несколько раз, доведи количество повторов до абсурда, и все будет в порядке.

Григорич оделся с намерением выйти пройтись по бульвару развеяться и осмыслить результаты эксперимента, а заодно и решить, о чем же писать короткометражную комедию. На улице было солнечно, теплый сентябрь ласковым ветерком сдувал остатки домашних истерик, и возникало приятное ощущение, что сегодня Григоричу все будет по плечу и ему таки улыбнется долгожданная удача. Он и сам улыбался ей навстречу, как вдруг его одернули за руку и словно откуда-то из тумана послышался надтреснутый голос:

– Эй, ты что, одноклассниц перестал узнавать? Хорош индюк. Все как школе – в своих думах.

Голос оказался знакомым и инстинктивно обрадовал Григорича, потому как принадлежал одной из самых красивых девочек в их классе – отличнице Анжеле Крошкиной. Он даже несколько дней был влюблен в маленькую лапочку с дивной косой, застенчивой улыбкой и мягкой кошачьей походкой, от которой все сходили с ума. Сразу хотелось обнять, пригреть ее на груди и по-рыцарски защитить от какого-нибудь обидчика.

– Как жизнь, Анжелка? – радостно воскликнул Григорич, намереваясь заключить в объятия миниатюрную подругу, которую не видел уже лет тридцать, как вдруг обомлел и отшат-

нулся. Секунд пять Григорич осматривался, мысленно задаваясь вопросом: «А где же Крошкина?» Но вместо крошки перед ним возвышалась дородная бабка с мелкими красными прожилками на толстых пунцовых щеках, мешками под глазами и с седоватым ежиком на голове. Ко всему прочему от Анжелы здорово разило перегаром.

– Да все лады, старик, – слегка осипшим голосом сказала женщина, обнажая рот с дырками меж зубов, и протянула для приветствия руку. Григорич заметил огрубелые пальцы Анжелы с грязными огрызенными ногтями и почувствовал к ней отвращение, но все же вымучил вялую улыбку. Ему тут же захотелось сослаться на занятость и скорей исчезнуть, чтобы окончательно не разочароваться в идеалах юности и не дать выветриться из памяти образ той Анжелы, которую запомнил со школьной скамьи. Теперешняя же Анжела выглядела несправедливо другой – вставшей совсем с иной скамьи.

– Ты прям не в себе, – рассмеялась бывшая одноклассница, потрясая Григорича за хрупкие плечи своими здоровыми лапищами. – Ну как ты? Что ты? Где ты?

– Работал преподавателем, – сказал Григорич, потом переводчиком на заводе, теперь вот вольная птица.

При полном неприятии облика Анжелы нынешней, Григорича охватывали все же амбивалентные ощущения. Он не мог не заметить, что несмотря на печальную зримую реальность, оставалось в женщине что-то такое родное, теплое,

ностальгически притягивающее из далекого-далекого прошлого. И чтобы хоть на миг вернуться туда, Григорич готов был не верить глазам своим, а воспринимать Анжелу все той же застенчивой куколкой, которая пела, – ах, как она чудесно пела, – на выпускном вечере песню Натальи Штурм, как там.

*«Окончен школьный роман
До дыр зачитанной книжкой
Но непоставленный крест
Как перепутье у ног
Подружка сводит с ума
И мой вчерашний мальчишка...»*

Каждый, кто затаив дыхание, слушал голос Анжелы в тот момент, был убежден, что она обращалась именно к нему. У многих в глазах стояли слезы. Убежден был тогда и Григорич.

Под влиянием нахлынувших воспоминаний он пригласил Анжелу посидеть в открытом кафе, и хоть пару минуток поболтать о жизни. Он хотел больше узнать о ней, услышать, например, о ее трагической судьбе, о потере ребенка, о несправедливой судимости или чем-то подобном, чтобы хоть как-то оправдать ту жестокую реальность, с которой никак не мог смириться. Не обращая внимания на легкую ко-солапость женщины, Григорич галантно проводил ее к сто-

лику, заказал себе пива и обратился к Анжеле. Та медлила. В течение последних минут Анжела очень внимательно наблюдала за Григоричем. В ней тоже происходила какая-то внутренняя ломка, что-то мимолетно прекрасное поблескивало в некогда очаровательных глазах, и показная бодрость, какая бывает у алкашей по отношению к собутыльникам перед самой пьянкой, постепенно стала исчезать. Щеки Анжелы покрылись тем румянцем, который появляется в моменты невыразимой стыдливости. Она заерзала на стуле, откашлялась и попросила официанта принести чашечку кофе, если ее спутник не возражает. Да! Это была сейчас та Анжела, пусть ненадолго, но все та же – родная, пахнувшая домашним печеньем скромная девочка, которая так чудесно пела и пела она только для Григорича. И только для него она сейчас возненавидела себя и захотела снова... Ах, сколько же лет прошло.

– Прости, – шепотом произнесла она, похлопала себя по карманам штанов, привычным жестом вытащила чуть помятый платочек и осеклась, взглянув на бывшего одноклассника – холеного, гладко выбритого, с аккуратно уложенными волосами интеллигентного джентльмена, который смотрел на нее с нескрываемым сожалением.

Я сейчас, – тихо сказала Анжела и сжав в руке платок, а во рту зубы, удалилась в туалет.

Минут через десять из дальнего угла по направлению к

Григоричу кошачьей походкой шла Анжела, только лицо у нее было припудрено, а под глазами исчезли тяжелые мешки. И хотя видно было, что его спутница долго боролась со слезами и сейчас в ее настроении произошли метаморфозы – она стала тихой и скромной – Григорич, стараясь приободрить подругу юности, подмигнул ей.

– Ну что ты, Крошкина! – воскликнул он и чокнулся бокалом с чашкой кофе Анжелы. – Никогда тебя здесь не встречал. Где-то рядом работаешь?

– Да, – торопливо сказала Анжела, сделав мелкий глоток из чашечки, и промокнула губы салфеткой. Григорича приятно удивили изящные манеры женщины.

– А где? – широко улыбнулся мужчина.

– Хлеб продаю в киоске, – огорошила ответом Анжела и тоже улыбнулась, но как-то грустно. – И теперь я не Крошкина, а Булкина.

Григорич поперхнулся пивом и тут же извинился, мысленно проклиная себя за несдержанную реакцию. Но кто ж мог ожидать такой реальности!

Однако воздержусь от рассказа той истории своей жизни, которую довольно красочно описала Григоричу Анжела. Судьба ее и в самом деле была полна таких драматических коллизий и ударов, под мощью которых любая женщина давно сломалась бы. Позволю себе чуточку поинтриговать читателя, потому как впереди – готовый сценарий, уже заро-

дившийся в беспокойном мозгу Григорича. Они простились добрыми друзьями, бросив дежурное: «Созвонимся», хотя никогда не позвонят друг другу, и «Встретимся еще», что тоже вряд ли, но уж точно не было дежурным их обоюдное «Спасибо за встречу» и каждый из них знал, что имел в виду другой. Анжела поцеловала бывшего одноклассника в щеку и тут же виновато смахнула оставленный на коже след от помады. На прощанье она пожелала ему добиться своей цели и снять очень смешное кино, а Григорич с искренним чувством пожелал Анжеле еще раз выйти замуж, но уже за человека с другой фамилией. Предвидя недоуменный вопрос читателя: «А при чем тут фамилия?» временно промолчу и последую за спешащим домой Григоричем в главу следующую, чего и вам со всем уважением желаю. Идемте, друзья.

Глава 14

В квартире стояла подозрительная тишина. Не обращая на запертую дверь к Быдловичам и какие-то глухие звуки за ней, Григорич напрямик шел к себе поделиться с Ритой удивительным сюжетом.

– Какая любопытная история может получиться для комедии, ты не находишь? – воскликнул он, толком еще ничего не объяснив. Подобные казусы не раз уже случались с ним. Бывало внезапно в тишине как гром среди ясного неба: «В общем, мы решили: завтра к пяти часам». Ошарашенный собеседник утверждает, что ничего подобного они не решали. А это Григорич про себя уже прокрутил какую-то задачу и выдал уже готовый результат, не объяснив товарищу все пошагово. Поначалу ему говорили, что у него просто быстрый ум. Никогда не доверяя сомнительным комплиментам, Григорич потратил много времени, чтобы добиться правды: что значит «быстрый ум»? Оказалось, ничего хорошего, когда тебя не понимают, хотя ты убежден, что выражаешься ясно и доходчиво. «Кто ж виноват, если я мгновенно реагирую на вопрос и уже не просто ответил на него, но и выполнил задание, отчитался и привел доводы, почему ничего не получилось?» – удивлялся непонятливым Григорич.

– Угу, – кивнула жена, занятая чаепитием у экрана телевизора. Показывали очередную серию ее любимого «Пса» с ее

не менее любимым придурком Гнездиловым и потому она меньше всего была расположена к беседе.

– Тебе все равно? – спросил обескураженный муж. – Думаешь, у меня не получится написать смешно?

– Посмейся вот над этим, – спокойно произнесла Рита, протягивая Григоричу уведомление о задолженности за воду.

– Ничего, – вздохнул Григорич, обнимая жену за плечи. – Выкарабкаемся. Я еще раз разошлю резюме по переводческим фирмам, их сейчас столько развелось – переживем.

– Конечно, переживем, – вздохнула Рита, прислоняясь щекой к руке мужа. – Просто все так долго тянется, я вижу, как ты сам мучаешься и вздрагиваешь по ночам. Сегодня ночью вдруг сел на кровати и стал кричать: «Спаси меня! Спаси!» Меня перепугал. Кого ты звал?

– Тебя, – опустив голову, тихо произнес Григорич. – Мне приснилось, что я тону как тогда, помнишь?

Рита глубоко вздохнула и притянула мужа за руку к себе. Он присел возле нее на корточки и положил голову на теплые колени жены.

– Бедный мой, бедный, – шепотом произнесла Рита и опустив лицо, начала проводить носом по шевелюре мужа. – Как хочется, чтобы у всех у нас все было хорошо. Верить? Больше ничего не хочется. Просто у всех и хорошо. Это же так просто, правда? Развернувшись лицом к лицу жены и стараясь губами поймать ее нос, Григорич улыбнулся и тихо ска-

зал:

– Я готов пройти через все сложности на свете, чтобы это и вправду стало таким простым. Честное слово. Ты еще со мной?

– А куда я денусь с подводной лодки? – слабо улыбнулась Рита и сама укусила мужа за нос. Так что у тебя с сюжетом?

Не скупясь на красноречивые описания встречи с бывшей школьной любовью, при этом совершенно искренне сожалея об ужасных трансформациях, происшедших с Анжелой, Григорич заметил, что будет забавным написать историю о девушке, которая вышла замуж, но поменяв фамилию, ужасно преобразилась под стать той. Из миниатюрной нежной Крошкиной стала толстой грубой Булкиной. Комедия должна получиться – блеск!

Рита схватила мужа за клочок волос и в упор спросила:

– Тебе не стыдно? Анжела ведь тебе душу открыла.

Григорич резко встал и нервными слегка подпрыгивающими шагами заходил по комнате. Изначально он так был измучен своей проблемой и затем увлечен сюжетным ходом, что совсем не подумал над этическим моментом. Ему, конечно, стало стыдно, но только сейчас. Однако ведь идея-то была хороша, ах, как же хороша и свежа. Если бы пришлось отказаться от нее, кто знает, возможно, это стало бы ударом для и без того не слишком удачливого сценариста. Недаром у Григорича был такой себе крупный мясистый и чуть вытя-

нутый нос-уточка. О таких обычно говорят: «Они носом чуют прибыль». Сентенция так себе, впрочем, если не слишком однозначно применять ее к Григоричу, то сойдет.

Он быстро вышел из комнаты, по пути набирая номер телефона. Рита поспешила допить кофе, ожидая, что муж придумал очередной повод для тяжелого разговора, но тот ввалился обратно на удивление радостным.

– Ну, – спокойно спросила жена. – Что она сказала?

Глаза Григорича чуть не вылезли из орбит. На пару секунд и на губах застыло скомканное междометие. Однако справившись с собой, он тотчас спросил:

– Откуда ты знаешь, что я звонил Анжеле? А, понимаю. Сейчас скажешь, что ты женщина и...

– Да, милый, – усмехнулась Рита. – А еще я твоя жена и меня не проведешь.

– Боже упаси! – замахал руками Григорич.

– Так что она сказала?

– Она не возражает и хочет, чтобы я снял такое веселое кино о ее жизни, чтобы люди смеялись, а не плакали.

– Тогда тебе и карты в руки, – кивнула жена и подмигнула. – Садись и пиши. Задача не простая – превратить драму в фарс. Впрочем, тебе будет по плечу.

– Сажусь и пишу, – задумчиво ответил Григорич и поплелся к столу.

Прежде всего, надо было выбрать какую-нибудь крайне

одиозную фамилию и от нее уже плясать в поисках героини. Григорич стал перебирать в памяти всех своих знакомых и друзей. Но как только находилась более или менее подходящая фамилия, в голову начинали лезть всякие непристойные скабрёзности, типа Попова – значит, попадья или обладательница сокрушительной задницы. Оказавшись в тупиковой ситуации, хотелось тишины, чтобы как-то сосредоточиться, однако резкие выкрики соседей за стенкой не давали никакой возможности для творческого поиска.

– К врачу хожу, – огрызалась Маша. – Деньги дай.

– К какому врачу? – брезгливо реагировал Вован. – Я тебя сексом от всего вылечу.

– Себя вылечи, – лаяла его супруга.

«Ох, быдло – хмурился сценарист, конструируя на бумаге очередные смешные фамилии. – Быдло.... Быдло.... Быдло-вичи».

– Рита! – позвал Григорич жену. – А какая фамилия у Маши была до замужества?

– Она была на моей – Муравецкая. А что?

– Да так, – рассеянно произнес муж, и глаза его прояснились. – Все отлично. Все просто замечательно! Из кухни продолжали доноситься звуки грызни, а в ушах Григорича настойчиво звучал другой голос: «Все должно быть натурально. Через все нужно пройти самому. Иди ко мне, милый....» Григорич встряхнул головой, и голос Евы исчез. Зато вновь послышался лай:

– Да тебя, сколько не трахай – все мало, – басил Вован.

– Так ты хоть раз удовлетвори, а то все только кряхтишь да попердываешь. Лучше денег дай.

– Не дам. Сколько можно по врачам бегать!

Маша вполне органично подходила на роль главной героини и Григорич начал старательно выписывать ее характер, который, в общем-то, знал неплохо. Рите, которая все допытывалась, не нашел ли он подходящий типаж и актрису, муж решил ничего пока не говорить. Он соображал, что впоследствии, если Маша согласится играть главную роль, может разразиться скандал, но тем выше была ставка. Теперь Григорич был просто вынужден снять безупречное кино, чтобы нигде ни перед кем не облажаться. Но как уломать Машу сниматься? К счастью, долго уговаривать алчную соседку не пришлось, которой только намекнули, что она может заработать и та была готова на все. Почти на все. Сценарий написан быстро, с огоньком и был высоко оценен Ритой – безжалостным ОТК всех работ Григорича, что уже вселяло надежду на успех. Предстояло найти место для съемок и масовку. Григорич с Машей, которая с тяжелым сердцем пообещала выполнять все требования режиссера, приехали в детский сад. Им повезло, что заведующей детсада, закрытого на карантин, оказалась подруга Маши, которая предлагала помещение при условии, если и она сама, и ее сотрудники тоже будут сниматься. Григоричу только того и надо было.

Репетиции проходили мучительно долго, Маше приходилось отпрашиваться с работы, бежать в детсад на прогон и до поздней ночи изображать из себя звезду в пятнадцатиминутном фильме, который, как рассчитывали все участники съемки, принесет каждому славу. Несмотря на постоянные ночные скандалы, которые устраивал Маше Вован на тему: «Где ты была?» и на то, что сама роль шла у той крайне туго из-за плохого запоминания текста, все же Григоричу удалось снять фильм. С особым волнением он ехал в Дом культуры на монтаж, но перед дверями столкнулся с администраторшей, которая дико извинялась и вещала о том, что инженеры слишком плотно загружены работой и не смогут помочь Григоричу. Видя его отчаяние, она обещала позволить, что не означало ничего хорошего. Но в минуты безысходности бывают такие озарения, вспоминаются такие адреса, имена и телефоны, что порою удивляешься своему мозгу: сколько там всего напихано и ведь хранится с надеждой, что когда-нибудь понадобится. Вот уж поистине мозг – вечный архивариус памяти человеческой. На этот раз Григоричу вспомнился его давний знакомый программист Шурик, который хоть и на любительском уровне, но занимался всякого рода монтажом. Хотя вскоре Григорича стали одолевать сомнения относительно любителя, ибо когда он прибыл к Шурику с бутылкой водки и селедкой, почувствовал себя колхозной серостью. У товарища была шикарная двухъ-

ярусная трешка с евроремонтом и прислугой, и уже через пять минут на стол метались балыки, красная рыба, шашлыки, виски и черти чего там еще не было. Ехидная зависть в Григориче гадливо предположила, что все это Шурик зарабатывает на создании компроматов, монтируя нужные пленки нужным людям. Вся эта непривычная обстановка сильно расслабила нервы и без того взвинченного сценариста и на какое-то время он и думать забыл о фильме. Но когда пришло время произносить очередной тост, и оба тепленьких товарища стали напряженно соображать, за что еще не пили, тут-то Григорич и вспомнил, что он приехал монтировать фильм. Пьянка пьянкой, но когда речь заходила о деле, Шурик моментально трезвел, поэтому он срочно отправил Григорича в душ, а сам засел за компьютеры и погрузился в видео.

Вскоре настал тот день, когда на Ютьюбе появился фильм, и тут Маша раскрыла всем свои карты и заявила, что она теперь актриса. Вован ничего не понял, дети тоже переглянулись и на всякий случай воскликнули «Ура!» и только Рита как-то странно посмотрела на ежившегося у экрана компьютера мужа, который уже чувствовал холод. Но как только Григорич открыл канал и включил фильм, который назывался «Научная теория», он понял, что скандал действительно неминуем. Впрочем, давайте не будем забегать вперед и почитаем сам сценарий «Научная теория».

Психиатр Форс-Мажорный летит на защиту диссертации по теме влияния фамилии на жизнь человека, и на примере своей невезучей пациентки Жанночки Слюняевой убеждает страдающего ожирением пассажира – некоего Пузо срочно поменять фамилию.

Под монотонный гул турбин многие пассажиры дремлют. Очень толстый пассажир по фамилии ПУЗО потирает платком лысый череп и с собачьей тоской в глазах поглядывает на соседа слева. Сосед – ФОРС-МАЖОРНЫЙ – обладатель атлетической фигуры, в черных очках и с пластырем на лбу – поглощен чтением журнала. КРУПНО на название: «ВЕСТНИК ПСИХИАТРИИ».

Пузо (*еле шевеля губами*). Господи. Как же я ненавижу полеты.

Форс-Мажорный (*не отрываясь от чтения*). Пешком бы шли, пока погоды стоят.

Пузо. Смеетесь что ли?

Форс-Мажорный. Ничуть. Трусцой за недельку управитесь.

Пузо (*с одышкой*). С моими-то габаритами? Да я на полпути лягу. (*Жалобно.*) Эх, Пузо... Пузо...

Форс-Мажорный откладывает журнал и внимательно

оглядывает оплывшую фигуру соседа.

Форс-Мажорный (*сочувственно*). Ах, вот оно что. Вам бы сбросить пару кэгэ. Пока не поздно.

Пузо (*отмахивается*). Давайте хоть здесь не о диетах.

Форс-Мажорный (*вновь утыкаясь в журнал*). Даже в мыслях не было.

Пузо. Диета – не диета, а толку – пшик. Сладкое ни-ни, мясо уже только снится, а пиво так вообще десятой дорогой обхожу! Трезвый, голодный и толстый. А! Верите, одной кашей давлюсь. Уж казалось бы – простая гречка. И что бы вы думали?

Форс-Мажорный (*испуганно*). Что?

Пузо (*нервно*). Крепит, зараза! Хоть вешайся, ей Богу. Эх, Пузо...

Форс-Мажорный (*живо*). Мда. А вы смените фамилию.

Пузо (*хмурясь*). При чем тут моя фамилия?

Форс-Мажорный дружелюбно похлопывает Пузо по плечу.

Форс-Мажорный (*мягко*). Не обижайтесь, старина. На советы врача грех обижаться.

Форс-Мажорный протягивает Пузо визитку. **КРУПНО:** Врач-невропатолог глубокого профиля, Форс-Мажорный

Форс-Мажорный (*продолжает*). Поверьте, моя теория влияния фамилии на судьбу скоро потрясет основы науки. Я можно сказать, докторскую кровью писал. Да-да. И кстати не только своей.

Поглаживает пластырь на лбу и морщится.

Пузо (*отворачиваясь*). Да что вы, ей Богу.

Форс-Мажорный. Нет, вы послушайте. Приходит ко мне на прием одна дамочка и прямо с порога заявляет, что спасти её могу только я. Представляете? Причем не замухрышка какая, а вся из себя такая...такая... ну вылитая Элизабет Тейлор.

Пузо. Кто-кто?

Форс-Мажорный (*удивленно*). Вот представьте, что после месяца голодания вы позволили себе маленькую сковородочку жареной картошки со шкварками и грибочками, а после еще большой кусок "Наполеона" коньяком запили. А?

Пузо (*стонет*). Пощадите, доктор.

Форс-Мажорный (*восторженно*). Так вот она в сто раз калорийнее! (Грустно вздыхая.) Хотя как выяснилось, проблемы у Жанночки оказались куда более....

Форс-Мажорный отмахивается и глядит в окошко иллю-

минатора, внизу сквозь облака виднеются очертания города. Вспоминает. Форс-Мажорный сидит за столом и листает карточку. Жанночка сидит напротив и нервно тербит ремешок сумочки.

Жанночка (*со вздохом*). Доктор, я в отчаянии. Что мне делать?

Форс-Мажорный смахивает с бороды брызги, фонтанирующие изо рта Жанночки.

Форс-Мажорный (*вежливо*). Простите, вы не могли бы говорить чуть в сторонку?

Жанночка. В том то и дело. Моя фамилия Слюняева.

Форс-Мажорный (*сосредоточенно*). Ах, вот оно что.

Жанночка. Стоит открыть рот и такой конфуз.

Форс-Мажорный. Любопытно. И давно это у вас?

Жанночка. Да с месяц уже. Как взяла фамилию мужа. Вообще-то я Проказина.

Форс-Мажорный улыбается и потирает руки. Встает, подходит к стеллажу, рассеянно перебирает склянки и с интересом оглядывает красивую фигуру Жанночки. Затем подходит к ней сзади с пузырьками в руках и слегка массирует плечи женщины.

Форс-Мажорный (*ласково*). Ну не волнуйтесь, пожалуйста. Это чисто психологический дефект, который мы легко преодолеем. Я выпишу вам капелек. Сам собирал... то есть выжимал... то есть...

Жанночка всхлипывает. Форс-Мажорный водит носом по воздуху и морщится. Нюхает пузырьки, затем наклоняется к пышным волосам Жанночки, вдыхает аромат и пожимает плечами.

Форс-Мажорный (*смущенно*). Простите за бестактность, но запах... Нечто французское, полагаю?

Жанночка (*грустно*). Увы, доктор. Это нечто местное. Дело в том, что в роду моего мужа были еще и Газиковы.

Форс-Мажорный. То есть... Какие?

Жанночка (*всхлипывая*). Да никакие. Фамилия у семьи такая.

Форс-Мажорный (*задумчиво*). Ах, вот оно что. Видимо связь между Слюняевыми и Газиковыми настолько тесна, что...

Жанночка вскакивает с места и выбегает из кабинета. Форс-Мажорный рассеянно садится на стул Жанночки, подпрыгивает как на сковороде, морщится и подходит к стеллажу. Делает глоток из флакона. Резко сплевывает и судорожно хватается ртом воздух.

Пузо смеется и недоверчиво отмахивается. Мимо проходит стюардесса с тележкой. Пузо, слегка приободренный, с аппетитом в глазах осматривает продукты, но вздыхая, берет только воду. Стюардесса случайно роняет стаканчик с водой на колени Пузо.

Стюардесса. Ой, простите, пожалуйста.

Пузо. Ничего. Это всё моя неуклюжесть.

Стюардесса равнодушно вытирает колени Пузо салфеткой и с интересом смотрит на Форс-Мажорного. Пузо водит носом по воздуху и улыбается. Форс-Мажорный указывает на часы.

Форс-Мажорный. Девонька, а почему мы никак не садимся, а?

Стюардесса (*виновато улыбаясь*). Извините. Но в связи с метеоусловиями аэропорт пока не дает разрешения на посадку. Придется немножко полетать.

Стюардесса исчезает, пассажиры суетятся на местах, напряжённо вглядываясь в стекла иллюминаторов.

Форс-Мажорный. Черт, у меня защита. Опоздаю – всё. Наука мне этого не простит.

Пассажир сзади (*еле слышно*). Главное, чтоб пациенты простили.

Пузо (*виновато*). Эх, из-за меня всё это. Надо было и вправду пешком.

Пузо охватывает свои бока и вздыхает.

Пассажир сзади. В прошлый раз целый час кружили. С этим экипажем всегда не слава Богу. (*Форс-Мажорному.*) Прощу прощения, что слышал ваш разговор. Но чем же вы помогли ей?

Форс-Мажорный. Кому?

Пассажир сзади. Да этой... Элизабет Тейлор.

Все глядят на Форс-Мажорного.

Форс-Мажорный (*деловито покашливая*). Вообще, то врачебная тайна не позволяет... Впрочем в диссертации все и так описано. Я применил к Жанночке уникальный подход глубокого погружения. Затем был обязательный курс интенсивных психофизических нагрузок и, конечно же, стандартная белковая диета. Через неделю пациентка вроде бы успокоилась и перестала обращать внимание на дисфункции организма, пока... снова не вышла замуж. С тех пор каждый месяц у неё новый муж, а у меня – старые проблемы.

Форс-Мажорный потирает челюсть и морщится. Пассажиры хихикают. Из динамиков службы оповещения, встроенных в стену, что-то шипит, слышится неразборчивая речь. Салон слегка покачивает. Некоторые достают гигиенические пакеты.

Жуткая пробка на проспекте из-за Жанночки, которая лавирует между машинами и впрыгивает в "Шевроле" Форс-Мажорного. Форс-Мажорный целует Жанночку, но она отстраняется. Форс-Мажорный понимающе кивает.

Форс-Мажорный. И кто же вы теперь?

Жанночка. Жанна Девочкина.

В это время в бок машины въезжает "Форд".

Спустя месяц. Ночь, тела конвульсивно дергаются под одеялом. Часы показывают 21:00, 21:01, 21:02. На кровати сидит расстроенная Жанночка. На полу у её ног муж Гена Девочкин виновато смотрит на жену. Звонок в дверь.

Жанночка (*живо*). Это Рясные!

В комнате куча детей Рясных. Жанночка показывает, как она рада детям, а на мужа глядит с ненавистью. Рясные уходят, Жанночка молча идет в спальню, захлопнув дверь перед носом плачущего мужа. Жанночка выходит с чемоданами, муж умоляюще ползет за ней, но Жанночка решительно

уходит из дому.

У подъезда она вручает чемоданы Форс-Мажорному. Тот судорожно сгибается от боли в пояснице. Выскакивает Гена, треплет Форс-Мажорного за волосы и отвешивает ему пощечины.

Спустя две недели. У дверей ЗАГС толпа бородатых мужиков в робах открывают шампанское по-гусарски. У одного на спине: МОЯ ТЮМЕНЬ! и медведица. Две женщины разворачивают плакат: ХОЧУ В ТАЙГУ!

Зал бракосочетания. Церемония опроса: Согласны ли вы? и тут Жанночка отшатывается от мужа.

Жанночка (*в ужасе*). Как-как?!

Муж (*смеясь*). Задериволк, моя медведица.

Муж надевает на голову Жанночки ушанку. Жанночка в ужасе выбегает из зала. / Брызги шампанского орошают её лицо.

Форс-Мажорный бреется в ванной. На крышке стиральной машинки оживает телефон. Форс-Мажорный пытается дотянуться, хватается за смеситель и вырывает его. Фонтан воды. Форс-Мажорный затыкает дырку тряпками, падает в воду. Звонок в дверь. На пороге таежный муж Жанночки. Он раздевает Форс-Мажорного и выпускает из трехлитровой банки шершней. Форс-Мажорный орет и дико танцует,

спасаясь от укусов. Снова телефон. На табло: ЖАННОЧКА. Форс-Мажорный швыряет телефон в окно и показывает туда же кукиш.

В салоне самолета все смеются. Пузо пьет воду и все отводит от себя тележку с едой, но та настойчиво подъезжает к нему. Стюардесса улыбается Форс-Мажорному.

Стюардесса (*с иронией*). Бедняжка, как вы намучились с несуществующей Жанночкой.

Форс-Мажорный снимает очки, глаза слегка заплыли от укусов.

Форс-Мажорный. Зря не верите. Вы замужем?

Стюардесса. Нет еще. Только собираюсь.

Форс-Мажорный (*ласково*). Глупенькая. Куда спешите? Наслаждайтесь поэзией. А прозой жизни отравиться еще успеете.

Пузо (*улыбаясь*). Да все у нее будет хорошо.

Форс-Мажорный (*делая жест пальцем*). Пока – да! Пока замуж не вышла.

Стюардесса. И что тут такого?

Форс-Мажорный. Да ничего, моя девонька. Ничего если муж без изъянов. А то ведь из какой-нибудь возвышенной Екатерины Румянцевой можно запросто опуститься до

Катки Сракотяги.

Пузо кашляет. Пассажир сзади смеется. Стюардесса убеждает.

Форс-Мажорный (*вслед стюардессе*). Так дома всю жизнь и просидите! Никто даже в гости не позовет.

Пузо (*примирительно*). Да бросьте смущать девочку. Лучше расскажите, чем там у Жанночки кончилось?

Форс-Мажорный откидывается на спинку кресла, поправляет пластырь на лбу и закрывает глаза.

Форс-Мажорный крепит на дверном гвоздике объявление: Правила техники безопасности. На листок садится большая муха. Форс-Мажорный замахивается мухобойкой, но дверь распахивается и гвоздь вонзается в лоб Форс-Мажорному. Жанночка вся в черном, бледная как моль, в глазах пустота, входит и садится на стул. Форс-Мажорный подбегает к шкафчику, берет с полки литровую бутылку нашатыря, вату и пластырь. Садится за стол и делает себе манипуляции. Затем обращается к безучастной Жанночке.

Форс-Мажорный. Вы вся в черном. Стряслось что-то? Впрочем, догадаться не трудно. Снова вышли замуж.

Жанночка (*ядовито*). Завидная проницательность.

Форс-Мажорный (*растегивая рубаху*). Который? Я

уже сбился со счёту.

Жанночка (*рассеянно*). Четвертый... Или пятый. Мой муж, доктор, был идеалом, понимаете?

Форс-Мажорный кивает.

Форс-Мажорный. Как и четверо предыдущих.

Жанночка (*закатывая глазки*). Но этот! Полная гармония во всем. Что и говорить, Алик и с лобзиком, и со мною управлялся как настоящий мастер на все руки. (*Печально.*) И вот эти руки... его подвели.

Форс-Мажорный (*вздыхая*). Как его фамилия, роковая вы моя?

Жанночка. Засверленный.

Форс-Мажорный. Я так и думал. Когда ж это кончится?

Форс-Мажорный встает, подходит к Жанночке и снимает с неё плащ. Они целуются, пока Жанночка не падает со стула на пол.

На этот раз в салоне смеется один Пузо.

Пузо. Ой, уморили вы нас, ей-Богу, великий утешитель Жанночек.

Стюардесса (*холодно объявляет всем*). Просьба перед посадкой привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни. А пассажиру с места 21-Б рекомендую

ем прекратить рассказывать пошлости. (*Форс-Мажорному ехидно.*) И правильно вам дверью по лбу бахнули. А лучше бы – по языку.

Форс-Мажорный вновь читает журнал. Пузо дергает его за рукав.

Пузо. И это всё?

Форс-Мажорный оглядывается, все взоры на него.

Форс-Мажорный. Сегодня утром она снова звонила.

Стюардесса. Может быть хватит?

Пузо (*настойчиво*). Пусть доскажет.

Форс-Мажорный. О, я её не сразу узнал. Радужная вся, кричит, что этот чист во всех отношениях. Проверила его предков вплоть до девятнадцатого века.

Пассажир сзади (*хмуро*). А я говорил: если судьбу поприжать, с ней всегда можно договориться о выгодной партии.

Форс-Мажорный. И не говорите.

Пузо (*игриво*). Только вот надолго ли это счастье?

Форс-Мажорный (*смеясь*). Даже не представляю. Да и что за жизнь может быть с недоумком по фамилии Крайний-Завальнюк!

Оба смеются. Пассажир сзади встает и уходит по проходу, невзирая на предупреждения стюардессы. Самолет качает, пахнет дымом. В настенных динамиках слышится шипение и четкий голос.

Голос командира. Добрый день, дамы и господа! От имени экипажа приносим извинения за причиненные неудобства. К сожалению, сообщаем, что в связи с забастовкой служащих аэропорта мы совершим посадку в соседнем городе...шшш... Командир корабля Тормозян, борт-инженер Безруких и борт-проводница Неудачина. Приятного полета!

Все смотрят на стюардессу.

Стюардесса (*краснея*). Чего уставились? Я по матери Счастливецва, между прочим. (*Форс-Мажорному визгливо.*) А вы прекратите оскорблять людей.

Форс-Мажорный. Помилуйте, кого ж я оскорбил?

Стюардесса (*ехидно*). Соседа сзади. Хорошего человека, ученого. Его фамилия Крайний-Завальнюк, между прочим.

Форс-Мажорный замирает, бледнеет и еле шевелит губами. Отпивает из стакана Пузо.

Форс-Мажорный. Ученый...Крайний-Завал...За-

вал... Сильвестр Петрович?

Стюардесса кивает и хочет уходить, но самолет сильно качает и она падает плашмя на кресла пассажиров: ноги на коленях Пузо, все остальное на Форс-Мажорном.

Пузо (*Форс-Мажорному*). А кто он, этот Завальнюк?

Форс-Мажорный (*рассеянно в пространство*). Председатель... диссертационного Совета из ВАК.

Пузо присвистывает. Стюардесса злорадно улыбается, лежа на коленях Форс-Мажорного. Тот выливает содержимое стакана Пузо себе на голову.

Пузо (*сочувствуя*). Что ж. Удачной вам защиты.

Форс-Мажорный рассеянно кивает, автоматически поглаживая по бедру стюардессы. Стюардесса смотрит на него с нежностью.

Стюардесса (*тонким голосом*). А по бабушке я Безотказная, между прочим.

Форс-Мажорный со стюардессой страстно целуются. По проходу валит дым. Пузо кричит от ерзаний ног стюардессы на его коленях.

Пузо. Мда. Пора. Пора менять фамилию. Научный подход....

Стюардесса (*тяжело дыша*).между прочим.

Дым окутывает всех, что-то шипит в динамиках. К Пузо подкатывает тележка с едой. Он быстрыми движениями вскрывает касапетки и жадно запихивает в рот их содержимое.

Глава 15

То ли в момент монтажа произошел непредвиденный технический сбой, то ли Шурик в тот день был настолько сильно перегружен заказами, но случился форс-мажор. Все было смонтировано так, что в кадрах свиданий со своими мужьями Маша-Жанночка говорила почему-то по-немецки, но с недвусмысленным закадровым переводом голосом Григорича. Во время пикантных моментов и почему-то в полутьме слышались Машины вздохи и стоны: «Еще....еще....», а в финале на ней вообще повисла стюардесса и предлагала совершить оргию визжащим дискантом Шурика. Отзывы зрителей к фильму, чаще всего скабрзные, не заставили себя долго ждать и почти ничем не отличались от комментариев, которые обычно пишут под фильмами для взрослых. За исключением лишь тех сердобольных мужчин, которые лишь из желания помочь несчастной Жанночке, предлагали в мужья себя, живо и с подробностями описывая все свои достоинства – от количества зубов до длины сами знаете чего. Подобных предложений Григорич насчитал что-то около пятидесяти. Впрочем, стоит отдать дебютантке Маше должное: она слишком достоверно справилась с ролью озабоченной дамочки, а на шее до сих пор еще синели недвусмысленные пятна. Диким раненым вепрем взревел и набросился на жену Вован. Слава Богу, подозревавшая уже ближе к фина-

ду нечто подобное Маша, вовремя подготовилась к отступлению. Потихоньку сползши со стула, она резко дернулась и с визгом вылетела из квартиры. Сбивая на ходу стулья и торшеры, за ней с огоньком мчался муж, а за папой с азартом и вприпрыжку бежали дети и кричали: «Не догонишь! Не догонишь!».

Когда квартира содрогнулась от хлопнувшей входной двери, изрыгнув из себя беспокойных Быдловичей, расстроенная Рита с мрачным видом на лице, словно только что вернулась с похорон, подошла к мужу и уставилась на него ястребиным взором:

– Ты что, хочешь детей без матери оставить?

– Да ну что ты, родная! – возразил тот, пытаясь объятьями сгладить конфликт, но ему не удалось. Юмор тоже не сработал:

– Твоя дочь так лихо вжилась в образ, что сам Станиславский позавидовал бы.

– Какой ты... – процедила сквозь зубы жена и демонстративно направилась к окну. Нервно дернувшись то в одну, то в другую сторону, она лихорадочно вглядывалась через стекло во двор, пытаясь отыскать хоть одну знакомую фигурку своих родственников. Не желая реагировать на мужа, Рита не отрывала глаз от окна и тупо молчала. Григорич никогда не выносил жуткой тишины, когда жена обидится и может не разговаривать часами, но эти часы казались мучительными

годами. Мучительнее было только то, что виноватым всегда оказывался он сам. Но сейчас и было в чем. Григорич сам пошел на конфликт, пригласив Машу на роль. Впрочем, никто не ожидал, что Шурик так подведет, хотя чем больше он вспоминал времяпровождение в доме товарища, тем больше пикантных деталей выдавал мозг и, в конце концов, Григорич обхватил голову руками и простонал:

– Какой же я идиот.

Не замедлила отреагировать и Рита:

– О, мы начинаем приходить в себя. Bravo. Как же ты мог?

– Это правда жизни, – грустно ответил Григорич.

На что жена решительно направилась к серванту, сдвинула стекло, достала торчавшую кипу бумажек и швырнула их на стол мужа.

– Правда жизни – это куча квитанций, предупреждений и уведомлений. В некоторых домах уже отключили воду. Где деньги брать? Мамино кольцо в ломбард заложить, да?

Григорич подскочил к жене и несмотря на ее протесты, крепко обнял за плечи и притянул голову Риты к своей груди.

– Нет, – твердо сказал он. – Никогда. Я заработаю, обещаю. И с Вованом поговорю. Все ж таки он должен разделять жизнь и искусство. Ну, намудрили мы чуток при озвучке. Ну, так ведь надо ж и чувство юмора иметь.

– Тебе отзывы о моей дочери почитать? – глухо буркнула задыхающаяся в объятьях мужа жена.

Но прошло три дня и время показало, что Рита волновалась совершенно зря. По крайней мере, за Машу. Начинающую звезду кино, с одной стороны, беспокоило, что Вован запретил той вообще выходить из дому – только работа, магазин и дом. С другой стороны, Маше настолько понравился ее первый киноопыт, что она с напускной застенчивостью поинтересовалась, а нельзя ли ей сняться еще раз. Занятый переводами Григорич, не отрывая глаз от компьютера, молча указал пальцем на балкон, где в дверном проеме уже нарисовалась Рита.

– Тебе мало неприятностей? – спросила мать.

– Ой, да не парься, – с кислой миной на губах бросила Маша.

Рита пожала плечами и сказала лишь:

– Тогда не жалуйся.

«Новое дело», – подумал Григорич, бодро потирая руки. Но если прошлый фильм был комедией положений с перчинками, которые так глупо скомпрометировали Машу, то теперь он намерен был снять комедию характеров. Тут уж никаких компроматов быть не должно, а все внимание будет концентрироваться на харизме невменяемого героя, и с этой задачей Маша должна справиться. Рита, которая решила теперь лично контролировать каждый шаг мужа по пути эксплуатации чести ее дочери, решительно заявила, что клоунессу из Маши делать не позволит. Она у нее порядочная и

симпатичная девочка, верная мужу и любящая детей.

– Прекрасный характер, – рассмеялся Григорич, но тут же замолчал, видя, что жена не расположена к мирной дискуссии. Кивком головы он дал вынужденное согласие со всеми требованиями своего домашнего цензора и когда остался один, глубоко задумался. Положение казалось Григоричу безвыходным: «Как можно написать комедию характеров о женщине, которая хороша собой, скромна – хоть сейчас же на икону, не транжира, детей приучает к экономии и потакает во всем мужу? Да, Вовану это понравится и возможно реабилитирует в его глазах Машу, а меня в глазах Риты, но как же искусство?» Тут он вспомнил, что с подобными дилеммами всегда блестяще справлялся Кухарук, тем более что комедия – его стихия.

Директор киношколы дал единственный совет бывшему воспитаннику:

– Чтобы зритель не заскучал, придумайте у героя одну смешную черту, характерный порок или физический недостаток. Тогда зрителю сразу станет ясно, кто перед ним. Но именно придумайте, а не скопируйте реальную черту актера, и никакой муж не придерется. Заставьте его рассмеяться. Таких примеров в кино масса, знаете?

Григорич прекрасно знал такие примеры. У Новосельцева из «Служебного романа» – зажатость и нерасторопность и это его фишка. У Никулинского Балбеса в «Кавказской

пленице» само имя говорит за себя. Если б не было этих характерных нюансов, не было бы и гениальных фильмов. Но что в Маше придумать такого оригинального, чего бы не было у не самой? Самый родной ее порок – жадность: к деньгам, к вещам, к роскоши вообще. Можно было бы красиво сострить на эту тему, но Григорич не хотел второй раз испытывать судьбу и доводить свою жену до белого каления.

Писалось скучно, тоскливо, хотелось все бросить к чертям, но Кухарук успокоил:

– Так комедии и пишутся – с тоской. Если сами начинаете смеяться над собственным текстом, лучше удалите его и начните заново.

– Но как же мне в нынешних обстоятельствах сделать смешным, и в то же время реабилитироваться? Меня просто выгонят из дому, если еще один косяк.

– Смех должен быть в картине на стыке жанров, – сухо заявил Кухарук. Пусть поначалу все идет действительно мелодраматично и даже хуже, никто не надеется на счастливое избавление от скуки и вдруг – бац!

Мало утешили Григорича слова директора, он все продолжал писать-писать как в тумане, уже даже потеряв мысль. Вся эта писанина продолжалась часов шесть. Но под утро раздраженный сценарист-каторжник взял да и махнул рукой как персонаж Серега из фильма «В бой идут одни старики», направивший падающий самолет на вражеский состав с последними в жизни словами «Будем жить!» И за пять минут

настрочил готовый сценарий, какой просила душа. Переkreстился и позвал Машу. Призывая ту настроиться на серьезный лад, он сообщил, что сценарий готов. Первой реакцией тщеславной женщины был восторг, но тот мгновенно погас, когда Маша вспомнила, что находится под домашним арестом. Пришлось обращаться с проблемой к Рите, которой поначалу подобное предложение показалось неслыханной наглостью со стороны мужа, но после несложных уговоров матери дочерью, ради которой Рита была готова на все, та сразу же предложила, прочитав сценарий:

– Хм, вы можете все это снять дома.

С идеей согласились, но условились: никто, ни одна живая душа не должна даже догадываться, что Маша снова снимается.

– Поставим Вована перед фактом, – сказала Рита и напомнила мужу об отсутствии чувства юмора у их зятя. На что Григорич ответил, что он об этом никогда и не забывал и постарается снять фильм, доступный для понимания даже человеку с интеллектом Винни-Пуха. В свою очередь Маша подтвердила, что в лучшие дни ее муж соответствует данным критериям.

Съемки решили начинать с завтрашнего утра, когда все разойдутся по делам. Рано утром Маша, изображая сонный вид, поплелась закрывать дверь за Вованом. Тот еще минуты три пытался рожком помочь себе надеть обувь, затем сбегал,

если так можно выразиться, в туалет на дорожку, буркнул жене «Пока» и вышел из квартиры. В это время Рита уже собирала Кире тормозки в школу, сто раз повторяя, что внучка должна съесть на завтрак, в полдник и на обед. Пытавшаяся было покочевряжиться Кира, мол, она и в буфете может пирожок купить и вообще ей надо для танцев фигуру беречь, была тут же схвачена за ухо мамой и молча выпровождена вслед за папашей. Из своей комнаты выглянула всклокоченная голова Григорича, посмотрела направо-налево и убедившись, что основные фигуранты изолированы, изобразила нечто вроде улыбки джокера. Оставалось только разбудить Ирочку, которую Маша собиралась по-быстрому одеть, сунуть в руки плюшевую кошку Белку и довести до садика – благо он находился в ста метрах от дома. С нескрываемым энтузиазмом и сладким предвкушением творческой свободы заговорщики принялись тормошить младшенькую.

Но уже через две минуты их ждала оглушительная новость. Сонная Ирочка робко пропищала:

– Мама, а вчера Оксана Борисовна попросила передать, что садик на кантатин закрывается.

Вот как раз кантангина наши киношники учесть не могли. Надо было что-то решать, ибо план был под угрозой срыва. Снимать в присутствии Ирочки, чей любопытный нос и болтливый язычок просто рождены для работы в средствах массовой информации, было просто невыносимо. Все с ужа-

сом и отчаянием посмотрели на Григорича в надежде на счастливую мысль. И она пришла.

– Вот что, – деловым тоном сказал он. – Сценарий перепишем по ходу.

– Как перепишем? – в один голос спросили Рита с Машей. – Зачем?

– Затем, что Ирочка тоже будет играть.

Ликование моментально осветило лица дам – от самого мала до велика – и работа началась. Локаций было немного: несколько мизансцен в квартире, одна у подъезда и парочка возле садика. Все надеялись, что пронесет и соседи ничего не заподозрят. Были еще две мужские роли: на одну Рита пригласила младшего двоюродного брата-психиатра, который должен был сыграть любящего мужа Маши, но с небольшим приветом. Тот слегка покапризничал, набивая себе цену, но у Риты был на счет братца-бабника кой-какой компромат, и когда она пригрозила Толику, что все расскажет жене, тот как-то легко пошел на контакт. Что до второго мужчины, который должен был стать соседом Маши сверху, то проблема решилась сама собой. Как раз над квартирой Риты работала бригада строителей – соседям делали евроремонт, поэтому за бутылку у съемочной группы появился недостающий актер. Итак, съемка началась.

Полина Беликова воспитывает дочь Алиску и мужа Павла, следуя наказу своей матери: «Надо быть скромнее в жизни».

ни!», не понимая еще, к какой катастрофе это может привести семью.

При тусклом комнатном свете на продавленном диване сидит и вяжет носок ПОЛИНА Беликова (28). По радио звучат "Грезы" Шумана. Голубоглазая АЛИСКА (6) радостно подбегает к матери и протягивает той альбомный лист с рисунком. Алиска барабанит ручками по спинке дивана, ожидая похвалы. Полина бросает мутный взгляд на акварель и вяло улыбается.

Полина. У тебя несомненный дар проникать в самую глубину жизни, радость моя. Как тонко ты показала отчаяние рабыни, которая разрывает свои цепи и в кандалах бросается в бушующее море с галеры навстречу тонущему ребенку. Вокруг кровожадные акулы, но она высоко вздымает руки к небу, как бы умоляя: «Забери меня, но спаси несчастное дитя!»

Алиска оторопело смотрит на мать и удивленно пожимает плечами. Пару секунд она беззвучно шевелит губами.

Алиска (неуверенно). Мамочка, вообще-то это ты с нашей яхты машешь нам с дельфинчиками. А на ручках у тебя золотые браслеты...или...

Элегическое выражение на лице Полины сменяется тревожным. Она прерывает Алиску.

Полина (*почти шипя*). Что ты говоришь, доченька? Прости, но сегодня тебе явно изменил вкус. Истинный художник должен быть скромным и никогда не врать. Особенно матери. Ах, это дурное влияние отца.

Полина плачет, утирая бледное лицо шерстяным носком.

Алиска (*плаксиво*). Это...это все Петька.

Полина (*удивляясь*). Петя Горемыкин?

Алиска. Да.

Полина. Странно. Ты же вчера показывала его чудесный пейзаж.

Алиска. Там где он нарисовал маму на полу, и над ней папу с кнутом?

Полина. Точно. Вот она – правда жизни.

Алиска (*хмуро*). А Оксана Борисовна говорит, что так не бывает.

Полина (*снисходительно*). Твоя воспитательница ничего не смыслит, она еще слишком молода.

Полина прижимает расстроенную Алиску к впалому животу.

Полина. Ничего, доченька. Сейчас давай покушаем макарон, а потом я налью тебе твоей любимой водички с газиками и мы поиграем в лото. Хочешь?

Алиска. Ура! Только у бочонков не хватает.

Полина (*вздыхая*). Все как в жизни. Обязательно чего-то не хватает...

Алиска убегает. Полина рассматривает рисунок дочери.

Полина. Решительно пора менять садик.

Полина уходит на кухню.

Полина в широкой серой юбке до щиколоток, серой кофточке и серой шапочке поверх зачесанной копны пепельных волос провожает Алиску в садик.

Алиска (*нерешительно*). А если нам будут давать пюре с котлеткой и какао с блинчиками, мне опять не кушать?

Полина (*радостно*). Конечно, моя скромница. Пусть нас никто не упрекнет, что мы кого-то объедаем, да?

Алиса послушно кивает. Полина перепроверяет содержимое рюкзачка дочери. Мы видим майонезную баночку с макаронами. Полина плюет себе на ладони и приглаживает волосы Алиски. Алиска целует мать и исчезает за воротами садика.

Полина ходит по дворам и подбирает пустые бутылки. Затем идет сдавать их в пункт приема стеклотары, получает деньги. Проходит по тротуару мимо частных продавцов всякой всячины, покупает книжку и уходит.

Полина в робе дворничихи сидит на скамейке у подъезда и читает книгу. Утирает глаза платочком. Порывом ветра листья срываются с тополей и густо усеивают тротуар. Полина вооружается метлой и сметает их. Снова садится читать, снова ветер. Полина повторяет процедуру. Возвращается к чтению.

Вдруг из окна первого этажа вылетает тарелка и разбивается о дерево. Полина вздыхает и идет собирать черепки. Затем вторая, третья. Полина бегает и ловит посуду тележкой, ловко маневрируя ею. Наконец из окна вылетают и чемоданы.

Из подъезда выскакивает мужчина, повелительным жестом приказывает Полине нести вещи к мусорным бакам. Полина оставляет чемоданы там, сгибаясь под их тяжестью. К ногам Полины мужчина бросает скомканную купюру. Полина подбирает её и долго смотрит вслед удаляющемуся мужчине.

В квартиру входит ПАВЕЛ (34). Он пытается обнять жену, но та мягко отстраняется.

Полина (*печально*). Тебя не было три дня. Я понимаю и даже не осуждаю. Но скажи, тебе было хорошо? Кстати, как её зовут?

Павел (*ошарашенно*). Ты что?!

Полина (*с надрывом*). Ничего. Все так живут. Я сильная.

Павел все еще пытается обнять жену. Полина отшатывается.

Павел (*примирительно*). Милая...

Полина (*возмущенно*). Как ты сказал?! Постеснялся бы при живой дочери. Макароны будешь? Я понимаю, у твоей красотки наверное другое меню...

Полина всхлипывает. Её обнимает Алиска.

Алиска. Мамочка! Ты у нас самая-пресамая красоточка.

Полина (*вскрикивая*). Не хаи матери.

Павел все же заключает Полину в объятия.

Павел. Поля, ну ты чего?

Полина (*настойчиво*). Признайся, где ты был?

Павел (*раздраженно*). Ты что, упала? В командировке!

Полина ловит носом воздух.

Полина (*отчаянно*). Ещё и трезвый. За что мне такая мука! Когда ты хоть пить начнёшь как люди?

Полина уходит на кухню. Павел вытаскивает из сумки коробку конфет и вручает ее Алиске. Они с удивлением поглядывают в сторону кухни.

Павел чинит старую советскую радиолу на ножках. Изредка из динамика вырываются хрипящие звуки мелодий. Алиска почти вплотную прижалась к телевизору, часто зажмуривается и закрывает лицо волосами. Полина в истрепанном халате и деревянных бигудях на голове медленно проходит по комнате. Она заглядывает в шифоньер, перебирает вещи и недовольно бурчит. Затем ощупывает подранные обои, брезгливо плюет на ошметки и приклеивает их. Подходит к Полинке, осматривает её голову и хмыкает.

Павел (*не отрываясь*). Ты что-то потеряла?

Полина игнорирует вопрос и в состоянии задумчивости проплывает мимо мужа. Из радиолы доносится: "Я спросил у ясеня, где моя любимая. Ясень не ответил мне, качая голо-

вой". Полина фыркает.

Полина. Бред какой.

Павел (*удивленно*). В смысле?

Полина. Совести у них нет, народ обманывать.

Павел. Кто тебя обманывает? Это классика.

Полина. Ну, знаешь, мне кажется, разговаривать с деревьями может только слабоумный.

Павел хочет что-то ответить, но гаснет свет. Алиска вскрикивает. Полина с облегчением вздыхает, зажигает свечу и подходит к дочери.

Алиска (*обиженно*). На самом интересном месте. Мамочка, а эта тетя, она отравится?

Полина (*благодарушно*). Непременно, доченька.

Алиска. И её дочка из окошка выбросится?

Полина. А как же, моя хорошая. Все как в жизни.

Алиска прижимается к матери и удовлетворенно вздыхает.

Полина потягивается, сидя в кровати, и недовольно шурится от солнца. Вскрикивает, подбегает к окну и с раздражением задергивает штору. Полина смотрит под ноги и вскрикивает. На полу кое-где еще поблескивают островки воды.

Полина стремглав бросается в ванную комнату. Обнаруживает в ведре мокрую тряпку, берет её в руки и стонет, качая головой.

Полина входит на кухню и с ужасом видит на столе вазу с веточками сирени. Морща нос, она отворачивается к раковине и вскрикивает: ни одной тарелки в мойке. Они помыты. Отшатываясь, Полина выбегает из кухни.

Полина плачет на балконе. Снизу со двора слышится фырчанье двигателя. Полина вдыхает воздух и ей становится легче.

Сосед сверху, ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (50) весело приветствует Полину.

Петр Николаевич. Доброе утро, соседка.

Полина холодно усмехается.

Полина (*сквозь зубы*). И вам того же, Петр Николаевич.

Петр Николаевич. Что-то вы не веселы сегодня, Полина Глебовна. Кто вас обидел?

Полина. Никто.

Петр Николаевич. А хотите анекдот?

Полина. Не хочу.

Петр Николаевич (*шутливо*). Вы знаете, что Камасутра на самом деле это греко-римская борьба? Но что-то там

подрисовали и понеслось.

Полина (*недовольно*). Вы бы лучше, сосед, свою жену любили, а не пошлости всякие рассказывали скромным женщинам. Она уже по ночам кричит от ваших истязаний.

Петр Николаевич (*смеясь*). Так ведь от того и кричит, что истязая. А вас что, скромница, муж совсем не истязает? Ай-яй-яй.

Полина (*с надрывом*). Как... Как вам не стыдно!

Еле ухватившись за доску полки с пустыми трёхлитровыми банками, Полина открывает рот, но веселый сосед довершает.

Петр Николаевич. Ну, простите. У вас такое настроение, будто деньги кончились. Так вы не стесняйтесь. Заходите по-соседски, всегда помогу.

Полина замечает на подоконнике разбросанные купюры в сто евро. Она отшатывается от них и оглядывается по сторонам. Затем гневно зыркает наверх. Скулы играют от злости.

Полина (*нервно*). Ах по-соседски? Поможете? Знаете что, лицемер. Не нужны мне ваши грязные подачки. Вы – вор!

Слышится сопение и возгласы сверху. Петр Николаевич

пытается вставить хоть слово, но Полина продолжает.

Полина (*в ярости*). А ваша жена знает, что вы каждой любовнице квартиры дарите? Забирайте ваши ворованные деньги!

Слышатся голоса из комнаты. В гостиную входят Павел и Алиска.

Павел. Доча, не помнишь, куда я кошелек положил?

Алиска. Кажется, на балконе.

Павел идет к балкону, а в это время Полина разрывает купюры на мелкие кусочки и швыряет их вверх на балкон соседа.

Павел (*кричит*). Стой!

Полина от избытка чувств сползает по кирпичной кладке на линолеум и теряет сознание.

В дверях промелькнула спина уходящего врача. Бледная Полина лежит на кровати. Рядом Павел. Он держит в руках ладонь жены.

Павел. Дорогая, ну хватит надо мной издеваться. Сдаюсь.

Павел поднимает руки вверх. Полина щурится.

Полина. Ты уверен?

Павел. Абсолютно. Можешь тратить, сколько твоей душеньке угодно. На все дам.

Полина (*надменно*). Без лимита?

Павел (*кусая губы*). Да. Только умоляю, верни робу бабе Любе. Мои плакаты по всему городу висят, а ты улицы метешь...

Полина. Ладно.

Павел. И еще надо бы извиниться перед соседом. Он же партнер мой.

Полина закрывает глаза и улыбается. Павел выходит. Входит Алиска. Она тут же прыгает на кровать к матери. Полина уже наводит марафет, её не узнать – настоящая леди.

Алиска (*радостно*). Mamочka, ты супер актриса.

Полина (*ласково*). Тебе, правда, понравилось?

Алиска кивает.

Полина. Правда жизни, доченька.

Алиска. Mamочka... А я на море хочу.

Полина задумывается, хитро улыбается и щелкает пальцами.

Полина. Почему бы тебе не предложить папе всем поехать на нашу старую дачу? Там изумительно живописное болото, очаровательные змеи и чудо-комары.

Алиска прыгает на кровати и обнимает маму.

Алиска. Не, мамочка, у тебя это лучше получится.

Алиска с Полиной смеются, затем начинают корчить печальные рожицы перед зеркалом. Полина поучает дочь.

Полина. Скромнее, доченька. Еще скромнее. Как в жизни.

Довольно быстро Полина с Алиской превращаются в убогих.

Глава 16

На этот раз Григорич не стал испытывать судьбу дважды и дождался, пока студиицы Дома Культуры не освободятся, чтобы заняться монтажом его картины. Трезвые профессионалы оперативно и качественно справились с задачей. На экране все смотрелось и звучало органично, и даже Маша, действительно нашедшая себя в роли неврастеничек, играла убедительно и чувствовала себя в предложенных условиях весьма комфортно. В первые минуты всеобщего напряжения абсолютно все домочадцы искоса поглядывали на Вована: не рванет ли. Но тот с пивом в одной руке и чипсами в другой, предусмотрительно закупленными Григоричем, возлежал в кресле, из которого Рита заранее убрала одну подушку, чтобы лишить возможности максимально заглубленную задницу зятя резко вскочить в случае внезапной катастрофы. Фильм смотрелся с интересом, отмечались даже смешки Вована, который в перерывах между глотками и хрустом успевал обнять Ирочку и с восторгом восклицал:

– Ты моя звездочка.

Что и говорить, весь сеанс восхищались только ею. С облегченным сердцем Рита ушла на кухню принести всем чаю, и Григорич увязался за нею.

– Все отлично, – сообщил он, когда они остались одни. Сейчас закончится просмотр, и я отправлю фильм на кино-

студию.

– Думаешь, получится у нас? – с волнением в голосе спросила жена.

– Я убежден в этом! – с жаром ответил Григорич. – Если уж Вовану....

Но договорить он не успел. Точнее Рита не расслышала голоса мужа, утонувшего в раскатах грома, доносившихся из гостиной. На кухню тотчас прибежала зареванная Ирочка, за ней испуганная Кира.

Старшая, задыхаясь, сообщила:

– Папа с кресла грохнулся.

– Куда? – спросила Рита. – Внутрь или наружу?

Кира не поняла, но пока Григорич с Ритой быстрыми шагами направлялись в комнату, она успела досказать, что папа снова кричит на маму и собирается уходить, если встанет.

Они еще не успели подойти к двери, как уже услышали верещание Маши:

– Ничего не хитрю!

– Врешь! – кипел Вован, пытаясь подняться на ноги, но терял равновесие и падал на пол. – Врешь мне и детей учишь.

Рита вопросительно смотрела на мужа: «Что ты там снимал?» В яркой пантомиме Григорич стал бить себя кулаком в грудь и закатывать вверх глаза, мол, клянусь Богом, сценарий совершенно безобиден. Когда же они, наконец, вошли в комнату, стараясь держать на лицах подобия улыбок,

все начало разъясняться. Оказалось, поначалу действительно все шло хорошо, и довольный Вован даже выразил восхищение Машей и Ирочкой, но грянул финал и все как отрезало. Когда в последней сцене Полина саморазоблачается, и дочка Алиска восхищается тем, как мамочка здорово провела папу, настоящий отец тоскливо протянул:

– Что? Так ты меня за лоха держишь и только бабки с меня качаешь!

В попытке подняться, Вован застрял бедрами и дико заорал. Маша с детьми попытались его выдернуть, но тот лишь отчаянно барахтался и стонал. Стреляя покрасневшими глазами в сторону жены, Вован скрипел зубами и приговаривал:

– Ну, я тебе покажу. Ну, ты у меня доиграешься.

Маша бегала по комнате и пыталась объяснить недоверчивому мужу, что это всего лишь кино, а в кино всегда вымысел и часто он очень похож на правду.

– А кто полгода ходила в драных туфлях? – закипал Вован, ползая по полу в поисках рычага, за который можно было ухватиться, чтобы подняться на один уровень с Машей. Он пробовал и так схватить жену за ногу, но та взвизгивала и отпрыгивала.

– Потому и ходила, что ты денег не давал, – огрызалась Маша.

– Дай тебе – на херню все растренькаешь, – напирал муж.

– Ты эту херню жрешь каждый день, – не сдавалась жена. –

Голодным ходи.

– Ничего! – крикнул Вован, заметив вошедшую тещу. – Я вон у мамы буду есть.

Рита как можно тише и спокойно сказала:

– Извини, Вовик, но у нас самих сейчас денег в обрез, так что....

– С этого дня, – помог Рите Григорич, – у нас раздельное с вами питание на два холодильника.

У Маши с Вованом округлились глаза.

– На два холодильника? – изумилась Маша. – Откуда?

Григоричу хватило пару секунд, чтобы сообразить с ответом.

– А у мамы моей дома старый «Донбасс» стоит, только место занимает. Об него спотыкаются все – какая польза? Одни только шишки да ссадины. А у нас давно уже новенький «Харьков» – мощнее и безопасней, так что никакой «Донбасс» и даром не нужен.

Поскольку учеными давно была выведена формула, что муж и жена – одна сатана, то Рита тотчас поддакнула:

– Зато теперь нам ох, как он пригодится. Хоть и старенький, зато рабочий. Энергии, правда, больше потреблять будем. Но мы ж все равно не платим по счетчику.

Иногда женщине лучше бывает помолчать или хотя бы вовремя остановиться. У Риты был такой грех – очень длинный тормозной путь. Пока все не выскажет – не успокоится,

и мирная беседа сваливается в скандал, при этом сама она первая выступает за мир. Короче говоря, в момент произведения ею последней фразы в квартире вдруг стало темно. Пока продолжалась немая сцена, Кира на пуантах подбежала к входной двери и прильнула к глазку. Вернувшись, она с гордостью разведчицы сообщила, что дяди в форме Хар-энерго проверяли счетчики и отрезали нам провода. Сказали, что какие-то умники к фазе подъезда подключились, а у них на счетчике по нулям. Кроме Киры никого эта новость не обрадовала. Григорич некоторое время в потемках искал фигуру Вована и нашел ее уже выходящей в коридор.

– Эй, товарищ! – обратился к нему Григорич. – А ты не помнишь, кто нам со светом медвежью услугу сделал? Уж не ты ли часом?

– Да если б не я, – завопил Вован, – вы б сейчас без света сидели.

– Мы и сидим, – сказала Рита. – Только теперь штраф тебе платить придется.

– Еще чего! – уже из туалета прогудел зять.

В душе Рита бушевала и когда Вован, кое-как справившись с нуждой, вышел и сделал неожиданное предложение, она совсем онемела. То ли от облегчения мочевого пузыря, то ли от сильного напряжения ума Вован предложил Рите:

– Маман, а давайте квартиру вашу продадим и купим побольше – трехкомнатную.

На щеках тещи выступил нездоровый румянец. Отшат-

нувшись, она чуть не упала, но Григорич вовремя прижал ее к груди.

– Не поняла, – прошептала Рита.

Не поняли и Маша и их дети, но все прекрасно понял Григорич и несмотря на циканье и шиканье жены, вскипел:

– Ага, то есть в одной комнате ты будешь царствовать, в другой твоя семья ютиться, а в третьей мы с женой. И за всю жилплощадь платить буду я?

На Вована больно было смотреть. Он так надулся, затопал ногами, засопел и с криком:

– Меня здесь никто не воспринимает! Я хотел, чтобы всем удобно было. Все, я больше здесь не живу.

Сделав мхатовскую паузу и не дождавшись криков «Бис!» практически без оваций, Вован вылетел в коридор, и демонстративно хлопнув входной дверью, ушел из дому. Переводя гневный взгляд с Риты на Григорича и обратно, Маша зарычала в адрес матери:

– Я из-за вас мужа потеряю! Будь оно проклято ваше сраное кино.

– А твой муж не обнаглел? – парировала Рита. – Ничего, что я своим домом все его долги погасила?

Со словами: «Вова, вернись!» рыдающая Маша побежала догонять мужа. Кира с Ирочкой тихонько исчезли в своей комнате и носа оттуда не показывали.

– А как все хорошо начиналось, – вздохнула Рита и легла на диван.

Муж присел рядом и положил руку на ноги жене. Он молчал.

– Я не выдержу, – прошептала Рита, откашливаясь. – Господи, неужели мы никогда не разведемся?

По большому счету Григоричу было ровным счетом наплевать на Вована, но на следующий день был день рождения Риты. С самого раннего субботнего утра Григорич вымыл всю посуду, поставил чайник, сделал любимые Ритины бутерброды и затем уже побрился. Получая кайф от легкости и свежести на лице, он закрыл кран с водой и ойкнул, чуть не забыв о самом главном. На цыпочках заботливый муж прокрался на балкон и извлек из отделения тумбочки шикарный букет белых роз. Рита еще спала, уткнувшись лицом в подушку, что давало Григоричу возможность вернуться в ванную и освежить цветы. После он вновь на цыпочках прокрался по коридору к двери царства Быдловичей и прислушался. На удивление изнутри не доносилось ни звука. Вован не ночевал дома. Маша успешно сдавала на пожарного – минимум, к обеду проснется. Но дети. Эти всегда первыми летели поздравлять бабушку. Сегодня же почему-то никто никуда не спешил. Пожимая плечами, Григорич сверился с календарем на стене. Красным маркером Кира еще в январе обвела число 18, и сегодня был именно этот день.

Наконец-то, слышались шаги, вышла сонная Кира и

кивнув деду, молча проследовала в туалет. Григорич терпеливо подождал, пока та сделает все дела и только тогда спросил:

– А ты в курсе, что сегодня за день?

На секунду Кира застыла, пожала плечами и исчезла за дверьми своей комнаты.

Григорич потянул носом воздух удостовериться, уж не пьяна ли его внучка. Ничего подобного не ощущалось. Но услышав скрип кровати Риты, он не стал медлить и с цветами ринулся поздравлять любимую.

Несмотря на все старания мужа, настроение у Риты после вчерашнего было пасмурным. Осадок какой-то несправедливости больно тяготил ее, а что-то придумать, что облегчило бы ее мучения, у Риты не получалось. Мужу она тоже старалась говорить не все, зная его вспыльчивый характер.

– Пошли погуляем в парк, – внезапно предложила она.

Гуляли они молча, ели пиццу, остатками кормили белочек и катались на чертовом колесе. На самой вершине карусели, когда стихли звуки города, Рита грустно сказала мужу:

– Они объявили мне бойкот. Скажи, что я им сделала?

Григорич и сам догадался об этом, но все надеялся. Он подсел ближе к Рите, на которой не было лица, и взял ее руку в свои ладони.

– Не казни себя, лапа, – проговорил он как можно более мягким голосом, хотя в горле першило от негодования на

Быдловичей и боли за Риту.

– Ну ладно этот... без стыда и совести, – холодно сказала Рита. – А дочь? Что с ней такое?

– Она полностью легла под мужа, и слова боится поперек сказать, – отозвался Григорич. – А Кире с Ирочкой я напомню, ладно? Вдруг забыли.

Рита крепко сжала ладонь мужа.

– Не смей.

– Но почему?

– Не хочу.... – прошептала Рита. – Не надо. Если им приказали родители, значит, так тому и быть. Не надо, чтоб виноватыми считали нас.

Григорич глубоко вздохнул и задумался.

Прошло два дня, а напряжение отношений в темной квартире не спадало. Все ходили молча, друг с другом никто не здоровался. Почти всех своих знакомых и друзей посетил Григорич с просьбой занять немаленькую сумму на уплату штрафа за свет, но у всех находились убедительные отговорки – стандартные, специально для таких случаев хранимые. Возвращаться домой приходилось ни с чем, разве что Григорич забегал в магазин и покупал хоть что-то вкусненькое для жены. На бледную как моль Риту, становилось все невыносимее смотреть. Она ждала, что зайдет Маша, объяснит, извинится, но та избегала встреч. Внучки тоже не бежали к ней. Рите не хватало их внимания, их теплых прижатых к

её груди тел, в которых бьются беззащитные сердца. В минуты страшной тоски, когда Григорич бегал в поисках денег и пропитания, Рита прислоняла ухо к стенке и прислушивалась к голосам Ирочки с Кирой, слушала, улыбалась и плакала в платочек. Каждый вечер, возвращаясь домой и наблюдая следы побелки на мочке уха жены, Григорич вздыхал и мрачнел.

Они рано легли спать, хотя обоим не спалось. У Григорича непрерывно работал мозг: «Где достать денег, чтобы заплатить штраф?» Воспаленные мысли кипели, плавилась, взрывались из-за невозможности их осуществления, а еще добавляли боли тихие всхлипы Риты, отвернувшейся к стенке и пытавшейся уснуть. Она ворочалась, вставала то померять давление, то выпить таблетку. А когда Григорич услышал мерное сопение супруги, он сбросил с себя одеяло, тихонько вышел в коридор и стал одеваться.

Рано утром Рита подскочила на кровати от резкого выкрика Киры из ванной. В голове вспышками почудились картинки, как внучка порезалась, ушиблась или неудачно упала на скользком полу.

– Давно надо было коврик постелить, дура! – сама себя обозвала Рита и кинулась на помощь Кире. Но стоило только ей выбежать в коридор, как дверь ванной распахнулась и от неожиданности Рита не удержалась и рухнула на пол. К ней тотчас подскочила внучка, крепко обняла, прижалась и

заплакала.

– Прости, бабуль, прости. Я не хотела.

– За что? – севшим от волнения голосом спросила Рита.

– За все, за все, – быстро заговорила Кира и не в силах сдержаться, зарыдала еще сильнее.

Рите уже не было больно сейчас. Совсем. Судорожно прижимая внучку к себе, она целовала ее в нос, лоб, лохматилла шелковистые волосы и зарывалась в них лицом, чтобы не показывать слез, с которыми ничего не могла сделать.

– Постой! – вдруг воскликнула она, вглядываясь сквозь проем двери в ванную. – Но там... Нам свет дали?

– Да! Да! – стала вскрикивать Кира, весело пританцовывая.

А через час явился и Григорич.

– Где ты был в такую рань? – удивленно спросила Рита.

– В Доме культуры, – загадочно ответил муж и стал напевать под нос что-то торжественно фальшивое. Простите, но вы не видели там за вашим окном, не пробежало стадо слонов? Так вот это оно оттоптало все уши нашему сценаристу. Слуха у него не было начисто, поэтому петь Григорич очень любил. И вот он напевал, с каждой минутой поражая жену и Киру, у которой хоть и начались уже школьные онлайн занятия, ей не терпелось узнать, почему дедушка в чудесном «не в себе».

Новость, которую услышали присутствующие, Григорич

повторил дважды:

– Вован заплатил штраф за свет, воду и газ.

– Зачем еще и за газ? – удивилась Рита.

– А что, не надо было? – спросил муж. – А я думал....

Ладно, скажу ему, что...

Он искоса глянул на жену, и они оба рассмеялись.

– Но чего вдруг он так расщедрился? – допытывалась Рита.

Григорич рассказал, что отправился к Вовану на Салтовку рано утром, но не на поклон.

– А зачем же?

– Чтобы предложить сделку. Я напишу еще один сценарий – Бог любит троицу. И главную роль будет играть он.

– Вова? – изумилась Рита.

– Папа? – еще больше изумилась Кира.

– А чего это вас так удивляет? – спросил Григорич. – Уж, какой он артист, вы сами видели. И кстати, крайне тщеславен оказался.

– Это не честно! – тут же вскрикнула Кира.

– Что, кицуня? – всплеснула руками Рита.

– Я тоже хочу роль. Сестра снималась, а я что, уродка?

Григорич поспешил успокоить внучку:

– Будет, будет тебе роль.

С возгласом «Ура!» Кира направилась в свою комнату, но обернувшись, спросила:

– Дедушка, а что я буду делать?

– Танцевать, милая,– ласково ответил Григорич. – Раз, два, три. Раз, два, три. Раз.

И Кира затанцевала вальс.

Сценарий писался тяжело. Получалось все: и сюжет романтический клеился, и повороты неожиданные расставлялись куда надо, и даже речь персонажей лилась легко и без пеньков. Смущало одно: во все это ужасно не вписывался Вован. Не по габаритам, нет. А по характеру. Ну не подходил он на роль героя в ромкоме (От автора: *романтической комедии*). Откровенно говоря, Григоричу хотелось писать о себе, о Рите, поговорить с ней о любви, о счастье, но Вован с его хамством и потребительским отношением, неспособностью любить и просто сопереживать здесь абсолютно был лишним. Увы, уговор дороже денег: Вован оплачивает все долги – Григорич снимает его в главной роли.

Через три дня с горем пополам сценарий был готов. Волновались все, хотя всю съемочную процедуру – от кастинга до монтажа – студия Дома культуры брала на себя. Маша потребовала своего присутствия на площадке. Чтобы не создавать проблем из-за мелочей, Григорич уговорил студийцев пойти на это. Да он и сам вместе с Ритой тоже наблюдал со стороны. До последней минуты написания сценария Григорич не был уверен в успехе, но придумав неожиданный поворот, стал удовлетворяться результатами, а когда поставил

финальную точку, даже пожалел, что играть будет не он.

Итак, съёмка началась.

Потеряв работу и семью, неудачник Мазин готов свести счеты с жизнью, но обнаруживает у себя дар – почерк, который исполняет желания, написанные на открытках. Мазину больше нечего терять и у него лишь одно желание – взять от жизни все и любой ценой.

Леня **МАЗИН** (45) стоит у подъезда многоэтажки и напряженно смотрит вверх, где с балкона 8-го этажа его **ЖЕНА** (40) размахивает руками, невнятно кричит, ибо вместо слов нам слышен лишь лай.

Как только женщина умолкает, Мазин вынимает из ушей беруши и раскрывает рот, чтобы ответить, но голоса нет, одни хрипы.

С балкона летят два рюкзака и попадают прямо в мусорный бак. Мазин переворачивает бак на себя, достает рюкзаки, вешает их на плечи и уходит. С балкона все еще доносится лай жены. А во дворе, изгибаясь и судорожно вскакивая, танцует агрессивный фламенко Кира.

Мазин входит в банк и обращается к **КАССИРШЕ** (50),

но голоса нет, только сипы. Он берет со стенда открытку и пишет на ней.

Камера КРУПНО: СОРВАЛ ГОЛОС. ЖЕНА, САМИ ПОНИМАЕТЕ. ВЫГНАЛА БЕЗ КОПЕЙКИ, А У МЕНЯ ВОРТУ С САМОГО УТРА НИ КРОШКИ. ПРОСТИТЕ, ВАС НЕЛЬЗЯ ОГРАБИТЬ НА... ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ?

Мазин подает открытку кассирше, зажмуривается и протягивает руки – для наручников. Дзинь-дзинь и в окошке появляется искомая сумма. Мазин смотрит на кассиршу, разинув рот.

Мазин (*удивленно*). Простите, это – мне?

Кассирша кивает. Мазин отходит и снова возвращается.

Мазин Мне?

Кассирша хмурится. Мазин поспешно забирает деньги, задумывается и покупает пачку открыток. Уходит, оглядываясь с тревогой. Но кассирша спокойно обслуживает других клиентов.

Быстрая смена кадров: Мазин заходит в парикмахерскую лохматым. Дзинь-дзинь и выходит со стильной прической. Заходит в салон одежды. Дзинь-дзинь и выходит в доро-

гом костюме. Открывает двери частного стоматолога, дзинь-дзин и выбегает через другие двери на улицу с улыбкой, сверкая золотыми коронками, рассматривает открытки и целует их.

Камера плавно скользит через дорогу и выхватывает вывеску на фасаде ресторана "ТИХИЙ ОМУТ". Мазин входит в здание.

ОФИЦИАНТ (30) провожает Мазина к свободному столику. Мазин пальцем выбирает блюда в меню. Официант записывает и уходит.

Мазин раскладывает на столе оставшиеся открытки и задумчиво потирает подбородок. Пишет. Камера **КРУПНО** на текст: **ЛЮБОВЬ МОЯ, МАШЕНЬКА. ПРОСТИ СВОЕГО НЕУДАЧНИКА, НО БЕЗ ТЕБЯ МНЕ ХОТЬ ПЛАЧЬ, ХОТЬ ВЕШАЙСЯ...** Мазин рвет открытку и бросает под стол. Официант приносит закуски и водку. Мазин выпивает. За окном чуть темнеет. На полу уже кучи разорванных открыток.

Мазин строчит на очередной открытке: **МАШУНЬ, ДАВАЙ ЖИТЬ ДРУЖНО? ЖИЗНЬ ТАК КОРОТКА, ЧТОБ ТРАТИТЬ ЕЁ НА ССОРЫ... А КТО НЕ ПЬЕТ, А?!** Мазин резко разрывает открытку и бросает под стол. Выпивает. За окном зажигаются фонари.

Мазин посвистывает и пишет на энной по счету открытке: "МАРИЯ! ПО-СУЩЕСТВУ, ТЫ В КОРНЕ НЕПРАВА И ЕСЛИ Б НЕ МОЕ ВОСПИТАНИЕ, Я ПРЯМО В РЫЛО НАЗВАЛ БЫ ТЕБЯ СВИНЬЕЙ НЕБЛАГОДАРНОЙ. НО ПРОЩУ ЕСЛИ ТЫ...ТЫ...". Мазин видит официанта, приближающегося со счетом, боевой пыл гаснет, он добавляет к тексту: "МАШУТКА, КОШЕЧКА МОЯ, СПАСИ РОДНЕНЬКАЯ...". Официант приносит счет. Мазин робко пишет на открытке сумму и кладет на стол. Зажмуривается. Дзинь-дзинь. Официант утвердительно кивает и улыбаясь, уходит.

Обалдевший Мазин небрежно пишет на новой открытке "ДА ПОДИТЕ ВЫ К ЧЕРТУ, МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА! СЕРОСТЬ МЕЩАНСКАЯ, БИГУДЕЙ НА ТЕБЯ НЕ НАПАСЕШЬСЯ, ДУРА". Пинает рюкзаки и уходит.

Мазин садится в такси, в это время через окно его осыпают ворохом разорванных открыток. Туда же впихивают и рюкзаки. Мазин брезгливо отряхивается. Машина отъезжает.

Недалеко около парковки у супермаркета Мазин видит **ФЕДЮ (38)** и его жену **ЛЮДУ (35)**. Они стоят у своего "Шевроле" и ссорятся. Люда слегка шатается, она не трезва.

Федя (*разводя руками*) Ты как с цепи сорвалась, Люси. что с тобой?

Люда (*нервно*) А кто меня на ту цепь сажал? Не ты? Хватит, понял? Я устала быть вещью.

Федя (*смеясь*) Ах, ну да! Ты ж у нас королева.

Люда (*вскрикивая*) Королева! Только ты не король.

Федя. Слушай, дорогая, может не при посторонних? Давай дома обсудим.

Люда. Дома? Нет у меня больше дома.

Федя (*Мазину*) Эй, слышь, паркер. Отгони её куда-нибудь. Тачку я имею ввиду.

Мазин не отводит глаз от Люды. Затем пожимает плечами и принимает ключи от Феди. Федя с Людой уходят в супермаркет.

В салоне Мазин выкладывает разорванные открытки из карманов и перекладывает их в рюкзак. В окошко стучится Люда и садится на место пассажира.

Люда (*смущенно*) Телефон где-то посеяла...

Достает из бардачка фляжку с коньяком, но при Мазине не решается пить и оставляет её на месте. Натыкается на обрывки открыток и бросает мимолетные взгляды на Мазина.

Мазин (*тоже смущаясь*) Простите, я насорил. Сейчас уберу.

Люда читает пару строк и пристально смотрит на Мазина. Мазин нервно рвет обрывки на еще более мелкие кусочки и запихивает их в рюкзак. Скулы на лице играют.

Люда (*с грустью*) Вы так любите ее?

Мазин сдувает клочки, те осыпают обоих. Люда с Мазиным отплеваются. Смеются и раздувают обрывки с обеих сторон.

Мазин. И вся любовь...

Мазин замечает телефон, свисающий с шеи Люды. Люда замечает взгляд Мазина. Они приближаются друг к другу, на фоне кадра Кира танцует танго, но в это время в окошко стучит Федя.

Люда (*холодно усмехаясь*) О! Не прошло и полгода. хозяин за рабыней явился.

Мазин целует руку Люды, что-то пишет на открытке, открывает окошко и протягивает открытку Феде. Федя отходит, а Мазин уезжает вместе с удивленной Людой.

Люда. Спаситель мой, признайтесь. Что вы там мужу написали? Заклинание?

Мазин (*спокойно*) Попросил не волноваться, я беру вас напрокат.

Люда (*возмущенно*) Что?!

Мазин. Поверьте, вы не останетесь в ущербе. Мы только прокатимся на Муравьевы пруды, я покажу вам Бестужев сад. А потом, если захотите, повезу вас на мыс Несбывшихся мечт. Прекрасная натура для любого художника. Она всегда меня вдохновляла...

Люда. Так вы не парковщик? Вы художник?

Мазин (*с ухмылкой*) Плохой. Впрочем, всё в прошлом.

Люда. Почему?

Мазин. Увы, хорошего из меня не вышло.

Люда. Разве бывают хорошие и плохие?

Мазин (*вздыхая*) Еще как бывают. Плохие пишут то, что можно продать, но никто их не покупает. А хорошие продают то, что пишут. Даже сущую дрянь. (*с горечью усмехается*) Вот и вся разница. Зато там, куда мы едем, есть Желаний мост.

Люда. Ах, я бывала там.

Мазин. Странно. Никогда вас не видел.

Люда (*задумчиво*) Может потому что я тоже уже в прошлом?

Мазин. Может быть. Говорят, если стоять на мосту вдвоем, зажав глаза и загадывать желания про себя, обяза-

тельно сбудется то из них...

Люда.которое совпадет у обоих. Что же вы остановились, волшебник?

Мазин. Красный свет.

Люда (*поглаживая колено Мазина*) Хочу зеленый.
Немедленно.

Мазин достает открытку и хочет писать, но останавливается. Люда и Мазин смеются. Мазин смахивает локон волос со лба Люды, она задерживает его руку, рассматривает и целует.

Мазин (*тихо*) Чуть подождем. и все сбудется.

Люда (*нежно*) Хорошо, мой король.

Зеленый свет. Машина снова мчит по трассе. Люда вдруг начинает хохотать.

Мазин. Что случилось?

Люда. Представила, какая была истерика у его несостоявшегося величества после вашей открытки. Он ведь без очков ничего не видит.

Мазин (*бросая взгляд в зеркало*) Ах вот оно что! То-то я смотрю, за нами уже эскорт.

Люда испуганно оборачивается. Сзади мчатся две поли-

цейских машины и сигналият остановиться. Из окна одной из них высунулся почти наполовину Федя и что-то орет, размахивая кулаками. Навстречу Мазину еще две машины преграждают путь. Стоп. Мазин с Людой держатся за руки. Люда плачет.

В обычном зале заседания немногочленно. Присутствуют только некоторые участники прошедших событий, связанных с Мазиным. Мазин сидит на скамье под стражей.

Публика смехом провожает на место кассиршу банка. **СУДЬЯ (56)** призывает всех к спокойствию.

Судья. Прошу тишины. внимательно ознакомившись с документами по делу и выслушав свидетельские показания, суд может с уверенностью сказать, что не находит здесь состава преступления, поскольку все пострадавшие добровольно шли навстречу Мазину. Поэтому если у обвинения больше нет свидетелей....

СЛЕДОВАТЕЛЬ (35) тянет руку и кивком просит подняться свидетеля со своего места. Выходит некто **РОЗГИН (60)**.

Судья. Представьтесь, пожалуйста.

Розгин. Розгин, начальник службы соцобеспечения ко-

минтерновского района. Мазин – наш бывший работник.

Судья. Что у вас есть сообщить суду?

Розгин. Уважаемый суд! Прошу вас серьезно отнестись к моим словам, так как я требую применить к обвиняемому самую суровую меру наказания.

В зале тишина и присвист.

Судья. Свидетель, вы не можете ничего требовать. говорите по существу.

Розгин. По существу, конечно. эээ... Мазин, он поначалу ничем особенным не выделялся. Выполнял план, подписывал открытки одиноким пенсионерам, поздравлял с праздниками и желал там счастья, здоровья – всё по шаблону. А как-то под новый год Леонид, находясь в подпитии, стал подписывать открытки абсолютно всем от имени деда мороза, выполняющего желания. Но вы бы видели эти тексты!

Судья. Например?

Розгин. Одной он написал, что у неё исчезнут все болезни. Бедная диабетчица поверила и дорвалась до сладкого – еле спасли. Другую убедил, что вскоре в их семье появится ребенок. И муж-импотент пришел разбираться. Но последней каплей стал визит башляева!

Судья *(вздрагивая)* Как? Самого?

Розгин кивает.

Розгин. Так вот супруге уважаемого мецената подсудимый цинично внушил, что она королева и вскоре встретит настоящего мужчину, который вытащит её из клетки.

Судья. То есть вы хотите сказать, что у подсудимого...

Розгин (*отчетливо*) У него почерк, которому безоговорочно верят. Поймите, господин Судья, я был вынужден уволить Мазина от греха подальше.

В зале мертвая тишина. Все смотрят на Мазина.

Судья (*Мазину*) Подсудимый, скажите, вы сейчас где-нибудь работаете?

Мазин (*вяло*) Нет.

Судья. У вас семья? Жена? Что она говорит?

Мазин (*показывая на рюкзаки*) А уже все сказала.

Судья. Как же вы живете?

Мазин. После сокращения каждый раз отмечался на бирже, потом бросил. Брался за любую работу, но жену не устраивала низкая зарплата. Мои заработки не поспевали за аппетитами её родни. Работал грузчиком, сорвал спину. Пока валялся дома, понял, что всем я обуза и ждут они только одного. От безысходки запил, хотел повеситься на березе возле нашего дома, так её спилили. Теперь вот на кладбище ограды подкрашиваю. Жена называет неудачником. Сначала не

кормила, а теперь и вовсе выгнала.

Судья вздыхает, перебирает бумаги, оглядывает зал и задерживается на Мазине. Встает и нехотя оглашает решение.

Судья (*глухо*) В связи с появлением новых обстоятельств, отягчающих вину подсудимого... но учитывая, что подсудимый впервые привлекается в уголовном порядке, Суд еще раз внимательно ознакомился с делом и постановил: запретить гражданину Мазину Л.Н. писать, подписывать и рисовать сроком на... до полного исчезновения опасного для общества дара, с ежемесячным прохождением проверки специалистами.

В зале гул одобрений и протестов. Мазин ухмыляется.

На мосту стоит Мазин в старой одежде, с рюкзаками за спиной и собирается прыгать.

Люда (*кричит*) Нет! Не смейте!

Мазин вздрагивает и оборачивается на крик. По мосту бежит Люда с рюкзаком.

Мазин. Вы?

Люда. Я волновалась и всё боялась войти в зал, но надеялась, что вы что-нибудь придумаете и произойдет чудо. Что

там было? Вы...вы молчите?

Мазин (*безучастно*) Ничего особенного. Жена лишила меня голоса, а суд обрубил руки. Хотите довершить экзекуцию? Подтолкните, пожалуйста. Ноги ватные, а сил нет.

Люда. Вы...вы не имеете права.

Мазин. Возвращайтесь к мужу, прошу вас. Не мучайте ни себя, ни меня. Послушайте доброго совета, ибо я нищ.

Люда. Вы не прыгнете!

Мазин. Почему же?

Люда. Неужели вы совсем не помните меня?

Мазин. Простите?

Люда. Однажды вы так точно описали мою жизнь и так больно сделали мне. Но благодаря этой спасительной боли я увидела, в какой тюрьме живу и кто такой мой муж. Вы убедили меня, что я встречу настоящего короля...

Мазин. Так это вы? Я виноват, что разбил вашу семью. Что я наделал...

Люда. Что наделали? Вы однажды открыли мои глаза на мое прошлое и потому не надейтесь, что я позволю вам закрыть ваши на будущее. Я тоже перед вами в долгу и если не отойдете, я встану рядом.

Люда пытается потеснить Мазина и встать на его место. Они молча смотрят друг на друга.

Мазин (*зачарованно*) Так это вы.

Люда. Я ушла из дому... из-за вас.

Они толкаются, Люда пытается оттолкнуть Мазина от края моста, но вдруг поскользывается на банановой кожуре и падает с моста, Мазин падает за ней.

Из мусорной кучи в кузове грузовика выныривают Мазин и Люда – оба грязные.

Мазин. Черт, а могли бы разбиться.

Люда (*улыбаясь*) Нет, не могли.

Мазин. Почему?

Люда. Я так пожелала.

Мазин. Я тоже. (*радужно*) Хотите пообедать в Париже?

Люда. С вами хоть в тундру, мой король.

Мазин лезет к кабине и барабанит по крыше кулаками.

Мазин (*водителю*) Эй, любезный, останови у ближайшего киоска. Мне надобно купить дюжину открыток.

Мазин поворачивается на спину и растягивается на куче мусора. К нему под крылышко лезет Люда. Мусоровоз уезжает. А на мосту танцует вальс Кира.

Как только мусоровоз с Вованом-Мазиным и актрисой

уехал и режиссер скомандовал: «Снято!» тотчас на площадку явилась Маша. С вызовом, не обещающим мирной беседы, она вопросительно крикнула:

– Как снято? А как? А где Вова? Вова! Ты куда с этой лахудрой, хомяк штопаный? Так вот где ты ночевал? А ну вернись!

Злобные выкрики так и сыпались из взбешенной Маши, которая со спринтерской скоростью бежала за грузовиком, угрожала Вовану уморить его голодом, а актрисе повывидирать ноги и руки. Оператор решил не останавливать камеру.

– Вот она, сила искусства! – заметил режиссер. – Мадам, это же кино.

Но мадам уже не слышала. Она категорически отказывалась принимать такую натуральность игры ее мужа. А Рита повернулась к мужу и сказала:

– Больше никаких съемок, обещаешь?

Пришлось пообещать ради спокойствия в веселой семейке.

Но спустя три дня после того как Григорич отправил все три фильма на разные студии, только из одной пришел откровенный ответ от редактора. Тот благодарил молодого сценариста за занимательные комедии, но приписал, что поскольку Григорич – новичок в мире киноискусства и еще ничем не зарекомендовал себя в индустрии, то вряд ли ко-

гда-нибудь его сценарии перейдут из разряда любительских на профессиональный уровень.

– Так что же мне делать? – спросил Григорич в ответном письме.

– Один вам совет: Вам нужно зацепиться, встрять в наш бизнес, познакомиться с кем-то и быть представленным – или лично или через...

– Что-то? – изумился Григорич.

– Нет-нет, – успокоили в студии. – Через имя в титрах хотя бы.

Когда Рита спросила, почему ее муж такой мрачный, Григорич подавленным голосом рассказал, что ему посоветовали отдавать свои сценарии бесплатно – за имя в титрах.

– Сейчас много студентов из киношкол и институтов снимают короткометражки для курсовых проектов, – добавил он. – Надо предлагать, авось понравится что-нибудь, и они соизволят экранизировать. И это только начало пути.

– Что же ты решил, милый? – взволнованным голосом спросила Рита.

– Пусть будет так, – вяло ответил Григорич. – Устал я, честно говоря. Очень устал.

Рита тихонько подошла к мужу, приобняла его и прошептала на ухо:

– Я тебя люблю. Ты – мой Мазин.

По телу Григорича словно токи прошлись и он очнулся.

Обхватив ноги Риты, он стал целовать ее живот и говорить, как сильно тоже ее любит.

Глава 17

Все свои сценарии коротких метров, с которыми читатель уже знаком, Григорич добросовестно отправил на сайт «Лига кино», в базе которого собрано самое большое количество сценариев, автоматически защищаемых законом об авторских правах. Сам текст на сайте прочесть невозможно. Потенциальный продюсер или режиссер, коих там кишмя кишит в поисках свеженького материала, может лишь ознакомиться с логлайном, не более того. А уже сам текст сможет получить только по запросу у автора. Почти каждый день Григоричу на почту приходили подобные запросы, преимущественно от студентов или выпускников театральных вузов, которым для курсовых проектов требовался оригинальный сценарий. Поначалу Григорича раздражала сама концепция взаимоотношений между сценаристом и молодыми режиссерами, с которыми он пытался торговаться. Но просящие студенты, все как один, вешали о том, что денег нет, бюджет на съемку маленький и так далее и тому подобное.

– Чуть ли не милостыню просят, – ухмылялся Григорич жене. – Им остается только добавить: «Мы сами не местные, подайте сюда ваш сценарий, и если он нам подойдет, мы его живьем сожрем».

– Так и пишут? – рассмеялась Рита.

– Почти. Обещают имя в титрах – в первой тройке.

– И то хорошо.

– Меня смущает фраза: «...если он нам подойдет». А если не подойдет, но они воспользуются им, а я об этом и знать не буду? – бурчал Григорич.

– У тебя же есть авторские права, – резонно замечала жена.

Муж только вздыхал и закрывал воспаленные от долгой работы за компьютером глаза.

– Если со всеми судиться.... – обреченно отвечал он и продолжал отсылать сценарии по запросам голодающих, от которых слышалось только: Дай! Дай! Дай!

Шли недели за неделями, отшелестела осень, заснежила зима, и хоть сценарных запросов стало еще больше, и Григорич неустанно отправлял свои работы по адресам, обратной связи не было почти никакой. Потихоньку проблемы добытия хлеба насущного начали превалировать над мечтами о глобальном, и Рита, видя, как муж увлеченно работает над переводческими заказами, стала понемногу успокаиваться. Про себя она давно уже решила, что «худо-бедно и так проживем – без этой сумасшедшей гонки за призраками. Все так живут и ничего – с голоду не умираем, на лекарство и культурные программы есть, за коммуналку платим и чудесно».

Заказов перед новым годом и в самом деле навалилось выше крыши, и работать приходилось практически круглые

сутки. Бесконечные переговоры с клиентами с телефоном на плече, разбор рекламаций преимущественно от тех заказчиков, которые считают, что лучше переводчика знают английский язык и безостановочная молотья по клавиатуре – повседневная юдоль любого фрилансера. На экране же – тысяча знаков являлась за тысячей, час проходил за часом, а денег в конце месяца по отчетам – все равно не хватало на лучшую жизнь, которую бедный Григорич мечтал обеспечить жене. Отбросьте застарелые штампы относительно благополучной жизни переводчиков – денег за свой труд они и вправду получают мало. Прожить на них можно, тут грех жаловаться, но позволить себе чуть больше прожиточного минимума – уже затруднительно. Как говаривал Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Если вы работаете, но ваша зарплата покрывает только покупку еды, одежды и оплату ЖКХ – то стоимость вашего труда равна стоимости труда раба». Считавшая деньги не главным Рита категорически не соглашалась с академиком, считая, что если не гнаться за журавлем, то и с синичкой можно быть счастливой. Все верно, только вот от непрерывной молотьи по клавиатуре и постоянном напряжении мозга, хочешь не хочешь, накапливалась усталость. Если другие проработают восемь часов и домой, то у Григорича график был ненормированным. Он мог и пятнадцать часов пахать, а заработать столько, сколько они. Стоит же не поработать день – уже крен в финансах. А что делать? Вопрос риторический.

Но что деньги? Григорич благодарил Бога, что после сокращения у него есть заработки, все-таки он прошел такую школу переводчика на заводе, получил такой опыт общения с людьми разных социальных слоев и такие технические знания по профессии, что плоды всего этого до сих пор кормят его семью. Обидно было другое: невостребованность. Воспоминания о годах своей работы на «Турбоатоме» часто в последнее время посещали и тревожили Григорича. Ах, какое это было время! Когда он приходил в офис, где никто не понимал иностранного инспектора от заказчика, все ссорились, доказывали с пеной у рта, визжали как недорезанные и бились головой об стенку, но только начинал говорить переводчик – как все в тот же миг преображалось. Моментаально решались спорные вопросы у конструкторов, подносились нужные чертежи из цехов, правильно заполнялись формуляры ОТК, блестяще проводилась центральной лабораторией цветная дефектоскопия или УЗК сварных швов, закипал чайник для простуженного индуса, и менялась сама интонация общения: от агрессивной до дружеской. «А собственно, что произошло? – мысленно спрашивал всех Григорич. – Почему вы ссоритесь? Что у вас не получается? И почему? Не потому ли, что вам нужен я? Так я здесь и теперь все у нас пойдет как по маслу». Верно. Отменяются штрафы благодаря правильно переведенному анекдоту, не разорвется контракт благодаря умно переформулированной фразе главного

инженера, и вокруг воцарится деловая и в то же время дружелюбная атмосфера, и все зауважают переводчика, потому что поймут, что и он – частичка общего их дела, общей их боли, общей их судьбы. Григорич был востребован, его ждали, на него рассчитывали и с ним считались.

А ныне уже не было той потребности в нем, не было того уважения да и тех людей, наверное, тоже не было. Сидел себе дома Григорич, работал до первых петухов и не ложился с последними, а все-равно ощущал себя за бортом жизни. Неудачи же в сценаристике угнетали его еще больше и вселяли еще большую неуверенность и ничтожность. Рита, зная своего мужа хорошо, старалась, как могла поддерживать его моральный дух, убеждая, что плохие переводчики не могут быть перегружены работой, как он. И она очень хотела, чтобы он не культивировал в себе низкую самооценку, не страдал и поменьше переутомлялся.

– Ты и так устаешь с этими заказами, а еще и сценариями занялся. Сосуды ведь не вечные, может, успокоишься? – все порывалась сказать ему Рита, но не говорила, поскольку знала взрывной характер мужа. Да и не время было еще уговаривать его оставить идею добиться славы в кино. Не время. Хотя Григорич и молчал, упершись в монитор, и вроде бы его интересовали только процедуры испытаний насосов или тендеры на поставку холодильных агрегатов, но Рита очень хорошо чувствовала и понимала: муж все время ду-

мает: «Как же сделать, чтобы мои сценарии заметили?» Чувствовала, вздыхала, готовила ему что-нибудь вкусненькое и облачалась в наушники, чтобы не мешать трудяге своими любимыми сериалами.

Благодаря отличному знанию материала, Григорич работал на автомате и всегда держал ниже монитора картонную табличку, приклеенную к основанию. На картонке были написаны в ряд от руки желания Григорича. Да-да, не удивляйтесь. Не впервые в своих попытках чего-то добиться доходил Григорич до отчаяния и однажды посмотрел передачу-марафон, которую вел апостол Владимир Мунтян, собиравший миллионы людей в залах, объездивший весь мир с проповедями и давший надежду и исцеление многим страждущим. В то время Григорич тоже страдал: у него был камень в желчном пузыре, который жутко его беспокоил. Никакие чудодейственные капли, предназначенные будто бы для растворения камней вопреки всей медицинской науке, не имели должного эффекта. К тому же его тяготил лишний вес – под сто десять кило. С учетом сколиоза позвоночника, такая нагрузка отдавалась на весь организм, и ходить просто становилось невозможно. На операцию по удалению желчного собрать было нереально и что же? Мунтян в своей передаче говорил так: «Коль хочешь, чтобы тебе помог Господь, напиши на бумаге все свои желания и повесь список на том месте, куда твои глаза в течение дня чаще всего смотрят. И

каждый день, когда будешь видеть желания, повторяй каждое по пять раз».

Ну, кто ж поверит в эту детскую чушь? Но от нечего делать Григорич написал, что хочет похудеть, хочет избавиться от камня, написал еще много о чем и поставил картонку с желаниями возле монитора. И вскоре, уж не помню как, но нашлись и деньги на операцию по удалению пузыря, и после операции в течение года похудел Григорич до семидесяти семи килограммов, сбылось также и многое другое. Впоследствии, когда трудоголик неделю скучал без заказов, он мог просто прочитать пять раз желание: «Хочу высокооплачиваемую работу» и минут через пять ему уже звонили из бюро переводов и предлагали очередной заказ. Вероятно, считал он, это действие Святого Духа, который каким-то образом через обращение к нему Мунтяна чудодейственным способом помогает людям. Кира с Ирочкой тоже нет-нет и пользовались счастливой дедушкиной картонкой, но к этому имелись весьма важные основания, как то: «Хочу собачку с пультом управления, чтобы ходила и хвостиком виляла или Ой, Господи, пусть меня не вызовут сегодня по математике».

Но один раз с желаниями произошла осечка. Когда Григорич написал «Хочу квартиру» произошло страшное: умер отец. Можно было не заметить никакой связи между этими явлениями, но Григорич был крайне мнителен и суеве-

рен. Он начал размышлять и пришел к выводу, что вероятно, Святой Дух услышал молитву и все думал, как бы исполнить никак не выполнимое желание. Единственный вариант, который, возможно, показался Тому разумным, это – после смерти отца мать Григорича останется одна в трехкомнатной квартире и тогда сын сможет предложить маме разменять трешку на две однушки. Григорич так и поступил, но мать отказалась, уклончиво дав понять, что у нее есть еще и младшая дочь, а у той двое внуков. В общем, Григорич понял, что это не вариант, но и стал осторожнее с этим желанием. Будучи, как мы знаем, человеком упрямым, он решил подойти к решению проблемы с другой стороны, а именно пожелал: «Хочу продать свои сценарии и заработать денег на квартиру». Изо дня в день он по многу раз в перерывах между работой Fine reader по распознаванию текста из формата pdf в Word почитывал это желание, да так рьяно, что написал его в одной справке, за что получил от редакторши из бюро переводов нагоняй. Сработал человеческий фактор из-за огромной загруженности и психологического напряжения, когда одновременно приходилось выполнять по два-три заказа на одну и ту же дату или выдерживать шквал пожеланий, претензий и уточнений.

Монотонный труд утомлял его неумную натуру, желавшую развернуться, расхотиться и расшириться на дальние дали. Требовался выплеск эмоций, разрядка или потрясение

– на худой конец. Когда совсем было не в состоянии, Григорич вылезал из своей берлоги и бродил по квартире в поисках приключений. Каждый день их было предостаточно, но в последнее время почему-то даже ссоры Вована с Машей резко сократились. С раннего утра оба убегали по делам, стараясь не быть замеченными даже собственными детьми, и появлялись уже поздно вечером, когда уже не оставалось сил на грызню. Разве что расстроенная Кира подойдет к папе и начнет напирать на того с очередной просьбой помочь решить задачку, чем вызовет единственную реакцию: «Сама думай и не подходи ко мне со своим глупостями!» или Ирочка прибежит к маме показать рисунок и спросит, а какого цвета радуга, и наткнется на хмурую физиономию, беседующую с подругой по телефону об очередной мужской сволочи, и отмахнется от дочки, как от прокаженной.

Часто и сами сестры ссорились друг с другом, ведя бои местного значения по поводу чего-нибудь сломанного, измазанного, съеденного или чересчур шумного. Но все это было обыденным и неинтересным. Практически не за что было зацепиться и развить тему образования, культуры поведения или воспитания. Рита была очень рада безуспешной охоте мужа за выбросом порции адреналина и надеялась, что тот выбросит хотя бы свои фрондерские идеи из головы. А тому прямо не терпелось куда-то встрять или кого-то защитить.

Больше всего Григорича возмущало, что Быдловичи почти не замечали своих детей. Они полностью игнорировали просьбы Киры или жалобы Ирочки, да и вообще любое мнение ребенка воспринималось родителями чем-то достойным для обсуждения, поскольку, что там серьезного может быть у малышей? Однако же ценные указания при этом раздавались без устали направо и налево. В частности Вован обожал воспитывать дочерей запретительным тоном. Мелькавший неподалеку Григорич улучал возможность и вставлял: «Ты бы не приказывал, а объяснял, почему нельзя и что будет, если она это сделает? И выслушай Киру хоть раз, может она что-то дельное скажет».

– Кто? – кривил губы отец. – Кира?

– А если затыкать рот, – распаялся Григорич, – и обращаться с дочерью приказным тоном – так и вырастит закомплексованной, боящейся выразить собственное мнение. На работе на ней будет ездить начальник-деспот, а дома мужтиран. Друзья не будут ее воспринимать, потому что ничего разумного или смелого от нее ожидать не придется, так и станет трусливой ведомой овцой – куда скажут, туда и пойдет. И никто даже не догадается, что все это из-за того, что в семье мнение ребенка считали пустяковым и никогда его не слушали.

– Вот будут свои дети, их и слушай, пока не задолбят вопросами, – фыркал Вован.

– Так ответь хотя бы на один, – настаивал Григорич.

Киру, с надутыми щеками слушавшую эту полемику, интересовало только: «Где находится Мировой океан?»

– Папа говорит, что где-то возле Америки.

– Ну! – предвкушая победу, спросил Вован у Григорича. – Ответь, умник.

– Деточка, – мягко сказал дедушка, присаживаясь на кровать возле внучки. – Мировой океан находится совсем в другой стороне.

– Да ну! – расхохотался Вован. – И где же?

Не обращая внимания на комментарии Григорич продолжал:

– Если бы твой папа доучился до третьего класса, он бы знал, что Мировым океаном называют не один океан, а все реки, моря и океаны, которые существуют на нашей планете.

Вован ухмыльнулся, потоптался на месте и услышав, что его зовет Рита, охотно исчез. Когда же Григорич вернулся в свою комнату, вернувшаяся со свернутой в трубочку газетой в руках жена тотчас настоятельно попросила мужа не ставить Вована в идиотское положение да еще при дочери.

– Ты подрываешь его авторитет, – сказала она.

– Было бы что подрывать, – отреагировал возбужденный муж и тут же получил газетой по лбу.

Родители Ирочки и Киры обычно отделялись от надоедливых детей, одаривая их игрушками, которыми были забиты все шкафы, диваны, полки и подоконники. Если же это-

го арсенала оказывалось недостаточно, тогда каждой дочери вручался телефон или планшет с каким-нибудь Роблаксом или подобной игрушкой, и те надолго улетали в виртуальное пространство. Григорич сокрушался жене:

– Мда. Прекрасная семья, когда все молчат и заняты только собой. Бедные дети. Быдловичи их угробят. Вот увидишь.

– Тебе то что? – возражала Рита, понимая правоту мужа, но говорила это, чтобы он только не лез ссориться с Быдловичами, а по-другому он и не умел с ними общаться. Любое его слово, уже даже не критическое, а просто для поддержания разговора, воспринималось Вованом и Машей как брошенный вызов и тут же вызывало негативную реакцию.

– Дикий народ, – усмехался Григорич. – А дети все это видят и станут такими же дремучими и равнодушными друг к другу.

– Сдерживайся, прошу тебя, – со сложенными вместе ладошками у груди умоляла мужа Рита. – Ладно, я могу ляпнуть, но я – женщина. Давай хоть я у тебя сценарий куплю, только успокойся.

Но Григорич поступил иначе. Как-то, будучи на книжном рынке, он купил изящный картонный иллюстрированный сундучок зеленого цвета с позолотой по бокам и с вязаной веревочкой, внутри которого помещались книжки со сказками в ярких обложках и с изумительными картинками. Там были и «Спящая красавица», и «Кот в сапогах», и «Зо-

лушка», и многие другие. Купил он книжки с единственной целью: раз уж родителям наплевать на детей, то дедушка не позволит внукам оставаться недоразвитыми. И кое в чем он таки преуспел. По крайней мере, Ирочка повадилась приходить к дедушке, брала с полки сундучок и выбирала книжку. С большим наслаждением слушала она и про забавных гномов, подружившихся с Белоснежкой, и про хитрого кота, победившего людоеда, и про хрустальную туфельку, в которую тоже мечтала всунуть свою миниатюрную ножку. Ирочка особенно полюбила сказку «Красная шапочка» и могла слушать ее бесконечно, – только заканчивалась, начинай сначала, – и так по кругу до тех пор, пока голос Григорича не садился, превращаясь из тоненького дисканта Красной шапочки в хриплый кашель волка. Чтения в кругу дедушки и бабушки нравились обеим внукам и поначалу Быдловичи потирали руки от счастья и от того, что к ним наконец-то не пристают дети. Но каждое доброе дело имеет и обратную сторону. Пребывая в полном восхищении от актерских способностей Григорича, Кира с Ирочкой начали просить маму и папу почитать им сказки голосом дедушки, когда тот был очень занят работой. Разные американские мультики по мотивам этих сказок детям не нравились, и Маше с Вованом, разозленным на Григорича, приходилось изобретать какие-нибудь новые способы, чем отвлечь несносных детей.

Рите надоели все эти распри, и она повела мужа церковь,

авось что-нибудь чудотворное снизойдет на голову мужа и заставит оставить его попытки всех перессорить. По дороге они снова много говорили о квартире, фантазировали, в каком районе лучше всего ее покупать и как потом обустроиваться. Шли они с каким-то странным чувством восхищения собственным районом со старинными зданиями, с живописными скверами, с памятником влюбленным, с мостом Желаний, с великолепным домом, где жил знаменитый во всей Европе кондитер Жорж Борман. Как все вокруг было зелено и уютно. Они смотрели на все, как смотрят те, которые давно здесь не были или те, которые никогда больше этого не увидят. Странное смешанное ощущение тревоги появлялось и начинало так захватывать их, что хотелось прижаться к каждому домику, обнять каждый кустик, упасть на траву и закричать:

«— Это мое! Не трогайте наш дом, орки!»

Церковь сегодня закрыли на ремонт, и это сильно огорчило Риту с Григоричем. Они постояли возле здания, помолились и отправились обратно, как вдруг по дороге Григорич заметил знакомое лицо человека. Мужчина в балахоне медленно шел навстречу им и широко улыбался. А приблизившись, сразу же назвал Григорича на «ты». Было что-то такое простое, незлобивое в глазах этого человека, что это «ты» ничуть не покорило самолюбие Григорича, а напро-

тив, он будто бы ощутил духовную связь с человеком, с которым давно хотел сблизиться. Перед ними стоял Владимир Мунтян. Он спросил у Григорича, будто находился все время рядом с парочкой и слышал каждое их слово:

– Вот скажи, а что изменится, когда ты получишь квартиру?

От волнения из-за неожиданной встречи Григорич не мог вымолвить ни слова. Крепко державшая его под руку Рита, тоже молчала. Они оба пытались что-то проблеять, но ничего не выходило. Тогда Мунтян, понимая их чувства, приобнял супругов за плечи и обвел их теплым лучистым взглядом, приглашая к дружеской беседе. Словно разрушился и пал каменный мешок, в котором сжимались грудные клетки Риты и Григорича, а из онемевших ртов словно вытащили брус. В тот же миг супруги со слезами на глазах стали рассказывать всю свою жизнь с детьми. А в конце добавили, что если бы у них была своя квартира, то, по крайней мере, они получили бы душевный комфорт, исчезли бы ссоры, никто бы никому не мешал, потому что в одной квартире каждый хочет быть хозяином. Друг к другу можно было бы ходить в гости, внуки с радостью бы бежали к ним погостить, иногда приезжали бы и дети. Рита занималась бы собой и мужем, а Григорич посвятил бы себя творчеству, писал бы сценарии, романы и, конечно же, работал бы, ибо он – неисправимый трудоголик.

Но все это невозможно в условиях гнетущей злобы и нервных истерик домочадцев. Они так много и так долго говорили и плакали, что даже не заметили, как Мунтян исчез. Он исчез, а Рите с Григоричем на удивление стало очень легко. Почти не касаясь земли, счастливые Григорич и Рита летели домой, боясь вдруг узнать, что уже умерли, и это возносятся их души. Поэтому попеременно щипали друг друга, щекотали и пинали, проверяя на живучесть, а убедившись, что все в порядке, весело хохотали. Еще с отголосками веселья прибыли они домой, и застали Машу в состоянии уныния.

– Что случилось? – бросилась к Маше мать.

– Баба Зоя умерла, – сдавленным голоском произнесла дочь. – Надо ехать на похороны.

Баба Зоя была матерью первого мужа Риты – ее первой свекровью, с которой после смерти сына они редко встречались. Но внучку Машу баба Зоя очень любила.

– Далеко это? – спросил Григорич.

– В Саратовской области, – сказала Рита. – Езжайте, конечно.

Маша поколебалась, но все же добавила:

– Мам, но Киру с Ирочкой мы дома оставляем. Ты не против?

Вздыхнув, Рита развела руками и сказала:

– Куда ж деваться.

Вечером Рита, ходившая все время в задумчивости, ска-

зала мужу:

– Знаешь, а ведь Маша – единственная наследница.

– То есть ты хочешь сказать... – начал было Григорич, и улыбнувшись, осекся.

Глава 18

Слов не хватит рассказать, а фантазии описать, как облегченно вздохнули Григорич с Ритой, когда Быдловичи, оставив детей, умчали, наконец, на машине в Россию. Григорич включил «Вечную любовь» и обнявшись с Ритой, стал кружить жену по комнате, выпархивать в танце в двери, дефилировать по коридору и посбивав везде угля, преимущественно телом самой партнерши, угомонился только тогда, когда запахи подгорающих оладушек как магнитом поманили обоих на кухню. Все утро муж с женой словно летали, у Риты на удивление совсем не болела голова, а Григоричу даже захотелось сделать зарядку. В общем, оба пребывали в возбуждении, и только легкая тень касалась лица супругов, когда они представляли, какой гвалт и вакханалия начнутся, как только проснутся внуки и почувствуют свободу.

Долго им пришлось ждать, пока Кира с Ирочкой соизволят встать – почти до двух часов дня. А проснувшись и умывшись, они первым делом спросили, что они будут кушать. Хлопотливая Рита тотчас стала запаривать кашку, варить сосиски и наливать на оладьи сметану. Еще вялые после сна девочки кое-как поковырялись в еде, оставив Риту в полном расстройстве, и молча отправились в свою комнату.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил Григорич, внимательно наблюдавший всю картину. – У них родители уехали.

Впрочем, может быть это шок.

– Ой, не говори ерунды, – отмахнулась полотенцем Рита и с недовольным видом стала убирать в холодильник недоедки со стола. – Просто соскучились и все.

– По кому? Быдловичи умотали всего-то два часа тому назад, когда дети спали.

Но странный феномен объяснялся легко: На фоне вечно ссорящихся родителей Кира с Ирочкой давно научились абстрагироваться и развлекать себя сами. Кира переписывалась с подругами в телефоне, а Ирочка что-нибудь рисовала или играла с куклами. Вот и теперь они молча ушли в комнату и не общаясь друг с дружкой, предались своим любимым занятиям. Для них в сущности ничего не поменялось, разве что стало вокруг тише, на них никто не кричал и не раздавал указаний. Григорич с Ритой только сейчас поняли, как проводят время внучки и очень этому огорчились. И если Рита как-то спокойно отнеслась к этому, для нее важно было, чтобы никто не ссорился и не оставался голодным, то Григоричу казалось важным не молчаливое отчуждение, а коллективное общение. Поэтому когда он с благородными помыслами зашел в комнату к внучкам, те сразу съежились и напряглись. Кира бросила косой взгляд на бабушку. В ее глазах дикого волчонка легко читался испуг, мол, стряслось что-то неординарное, а Ирочка прикрыла локтем подставку, на которой были разбросаны кусочки пластилина, из кото-

рых она что-то с большим усердием лепила, судя по тому, что в пластилине было все: стол, пол, подоконник, рот и даже волосы самой Ирочки.

– Создаешь какой-то секрет? – поинтересовался Григорич у младшенькой, поглаживая ту по плечу.

– Неа, – пробурчала Ирочка и нахмурилась. – Я просто никогда никому не показываю.

– Почему же?

Ирочка потупила глаза в стол и молчала.

– А кому это интересно? – равнодушным тоном сказала Кира, и Григорич уловил в интонации старшей внучки смесь скрытой горечи и обиды.

Все замолчали. Наконец, чтобы не усугублять удрученное настроение, Григорич решил снять напряженную паузу.

– Когда я был маленьким, я обожал лепить мушкетеров в плащах со шпагами из иголок и в шляпах с перьями, – сказал он.

– А где ты брал перья? – вяло поинтересовалась Ирочка.

– Выдергивал из уголков подушек, – улыбнулся дедушка. – У нас были тогда такие подушки. Мои мушкетеры дрались на шпагах, гуляли со своими подружками и пели песенки. А еще они жили в домике, я сам его делал.

Григорич так увлеченно говорил, что не заметил, как в голосе стали проявляться детские интонации мальчика-задаваки. Хотя может быть, просто ожило его детство, когда он

еще не был Григоричем, а в игрушечные миры верил как в реальную жизнь.

– А из чего домик? – дернула Григорича за рукав Ирочка, видя, что дедушка задумался и замолчал.

– Из картонной коробки из-под маминой обуви. Я вырезал двери, окна, все разукрашивал снаружи и изнутри. Вылепливал столы, стулья, чашечки, бутылочки и много чего еще. Даже кошку с собаками лепил.

Известная собачница Ирочка не сводила глаз со рта дедушки – так интересно он рассказывал. Сняла наушники и Кира, которая тотчас вспомнила, что у них есть такая коробка. Сестры договорились вместе создать домик, а Григорич пообещал достать где-нибудь перьев. Потихоньку Ирочка убрала локоть и показала дедушке свою поделку. Она лепила снеговика, правда, из черного куска и с шарами квадратной формы, а рядом себя на санках с колесиками. Григорич одобрительно сказал:

– У тебя очень оригинальный и правильный взгляд на мир, Ирчик. Многие позавидовали бы. Молодец. Сделаешь – принеси и покажи, ладно?

Внучка живо кивнула, а Григорич вышел из комнаты, провожаемый теплыми глазами внучек.

Григорич с Ритой наслаждались реальной тишиной, которая так благотворно действовала на всех, что совершенно не хотелось накапливать отрицательной энергетики: о чем-

то спорить, ругаться по пустякам или просто повышать голос. Хотелось успеть насытиться положительными эмоциями, пока не вернулись Быдловичи, а те обещали явиться уже через неделю. Однако долго побыть в тишине Григоричу не удалось – раздался телефонный звонок. Номер был неизвестен, и первой мыслью было сбросить незнакомца. Но странное чутье подсказывало обратное: «Ответь». К тому же код был российским: +7.

– Добрый вечер, – произнес молодой женский голос, но без заигрывания и лести.

– Добрый, – настороженно ответил Григорич, лихорадочно пытаясь сообразить, кто из России может ему звонить. Не Быдловичи же, в самом деле.

Но звонившая по имени Евгения представилась питерским продюсером только что созданной студии бывших выпускников Института кино и деловым тоном рассказала о сути звонка. В данный момент она с командой занимаются поисками подходящего сценария для дипломной режиссерской работы ее мужа Александра.

– Из всего потока материала, – призналась продюсер, – режиссер не смог выбрать ничего для реализации под диплом, но я выделила именно ваш сценарий. У него отличная структура и персонажи, диалоги, поэтому дала время команде подумать над ним.

У Григорича перехватило дыхание и во рту стало сухо от волнения. Вот это: «я дала время команде» заставило его да-

же встать и отряхнуться, будто он стоял перед директором Голливуда и внимал.

– Скажите, – с легкой хрипотцой спросил он. – А о каком сценарии вы говорите?

– «Правда жизни». О Полине.

– Спасибо за оценку.

– А пока у меня к вам вопрос такого содержания, – продолжала Евгения, не меняя тона. – Как вы смотрите на предложения написания сценариев по сюжету или идее, которые даёт продюсер?

Нет, это была не пустышка Ева. У Евгении каждое слово был взвешено, отчеканено и сразу же вовлекало в деловую струю. Григорич пытался ради придания себе веса, выдержать паузу и не сразу соглашаться, но тяжеленный груз всего пережитого с такой силой обрушился на него, что сценарист не выдержал и тут же выразил согласие. Слушавшая весь разговор по громкой связи Рита одобрительно кивнула и перекрестила мужа, тихим голосом шепча молитву. Без лишних слов и абсолютно честно Евгения сообщила, что заплатить не может, но зато может предложить: имя в титрах в первой тройке, договор авторского заказа и участие в номинации «Сценарий» на кинофестивалях.

Далее, она пояснила, что у нее есть хорошая история, фильм по ней ждут в Казани на международном фестивале и перспектив у подобного материала масса. Но тот сценарий,

что уже написан, ее не устраивает.

– Почему?– спросил Григорич.

– Он слишком иллюстративен и в нем много моралите, словно затянутый социальный ролик.

– Понимаю. Короткий метр?

– Да, максимум минут на тридцать.

Григоричу импонировала спокойная и одновременно решительная манера разговора продюсера. Он был убежден, что это не развод и легко сам перешел на деловой тон.

– Если не трудно, – попросил он, – опишите, пожалуйста, саму идею, персонажей, локации и все, что может понадобиться мне для поэпизодника. Я за ночь обдумаю и уже завтра смогу что-нибудь вам предложить.

На том конце провода охотно продолжили.

– Идея касается предстоящего развода, поэтому у нас есть мама, папа, девочка и ее воображаемый говорящий медведь, который в реальном мире простая игрушка, но для девочки он – друг, с которым она разговаривает. Зовут его Зефирка. Или как хотите, можете назвать. Локаций мало: детская комната, коридор, кухня (замкнутое пространство, как ассоциация к отдельной ячейке общества, семьи). Бюджет у нас маленький, извините.

Существует два мира: детский и взрослый. Ребенок с игрушками живет словно отдельно, а родители, их крики/ругань на кухне, как взрослый и тяжелый мир – отдельно. Лишь иногда в мир девочки доносятся крики, и они побуждают ее

взрослеть и принимать решения.

– Это трагикомедия? – задумчиво спросил сам себя Григорич, но Евгения моментально отреагировала:

– Что вы! Я не буду загонять вас в рамки по жанру. Давайте, как будет вам удобно. Можно примешать немного сюра/абсурда, чтоб например, не было понятно, что за медведь. Может, родители будут подыгрывать ее общению с игрушкой. Варьируйте, как хотите, чтобы запутать зрителя.

– А финал? – поинтересовался Григорич. – Непременно хэппи-энд или открытый?

Евгения задумалась, собираясь с мыслями, и сказала:

– На самом деле – не важно, хороший финал или плохой, нам главное показать проблему развода и дать решение зрителю. Т.е. мы не можем заявить о проблеме и оставить зрителя думать самостоятельно. Родители должны развестись и это обязательное условие.

– И нет надежды на примирение?

– Понимаете, семья уже развалилась, мама и папа больше не хотят быть вместе, но у них есть ребенок. Но ведь дитя не клей для брака, он не должен насильно держать людей вместе, если они противны друг другу. Ребенок будет расти, чувствовать эту пустоту в семье, слышать ругань – это плохо для него. Согласны?

– В общем, да.

– Значит, мы обличаем это и показываем нашему обществу, что развод это нормально. Лучше если у мамы и папы

будут дружеские отношения, они будут счастливы порознь, и не будут ломать детство для ребенка. Это наша мысль.

– То есть тут развод – действительно единственный выход, чтобы сохранить отношения.

– Да, развод в их случае единственный выход, и их задача это объяснить ребенку.

Григорич пожелал Евгении хорошего дня, а затем крепко обнял жену. Так крепко, что та чуть не потеряла сознание.

– Господи! – вскрикнул он и закружил Риту по комнате. – Неужели! Неужели у нас все получится! Господи!

Риту тоже переполняли эмоции, и она больше всего радовалась за мужа, который давно заслужил награды за свой каторжный труд и великое терпение. Целый день Григорич ходил как ошарашенный счастьем и никак не мог приступить к работе. Он все пытался отодвинуть этот волнительный и очень ответственный процесс на самое удобное время – ночь. Для этого прилег на часик, чтобы поднабраться сил перед делом его жизни. В первый раз он чувствовал, что будет работать не в пустоту – ему дали заказ и теперь Григорич должен проявить себя вовсю, применяя все-все знания, которые дала ему киношкола Кухарука, лично директор и, конечно же, учитывая свой нелегкий, но полезный опыт создания сценариев и фильмов. Лежа в кровати, Григорич все размышлял об идее нового фильма, представлял, через какие мытарства придется еще пройти и вместе

с тем фантазировал себя и Риту в лучах славы и благополучия. Он уже видел, как снимаются его фильмы, поздравляют друзья, родные, звонят режиссеры театров с просьбами написать для них пьесу, терзают книжные издательства, наперебой предлагая гонорары и лучшие условия. В общем, так он мечтал-мечтал, пока не уснул до утра.

Рита не стала будить мужа, потому что и сама утомилась на кухне с детьми, пришла в комнату, прилегла и заснула. А утром Григорич вскочил и возопил:

– Проспал! Проспал!

Кое-как успокоив мужа, Рита спокойно сказала, что перед работой очень хорошо помогает прогулка на свежем морозном воздухе.

– Не понял, – удивленно вскинул брови Григорич.

– У Ирочки сегодня начинаются репетиции к утреннику в садике на 8 марта, – сообщила Рита. – Отведешь ее, подождешь и после занятий заберешь.

Григорич кивнул и стал одеваться. Ирочка в хорошем расположении духа похвасталась перед дедушкой, что встала раньше него и уже успела покушать кашку, пока он дрых. Дедушка был в восхищении. Они вышли на улицу и договорились, что дедушка отведет Ирочку в садик, а сам пойдет в магазин. На обратном пути он ее заберет. Ирочка согласилась с самым серьезным видом, на который способен шестилетний ребенок. Они шли и спорили, какой дорогой пойти, чтобы не опоздать. Пока спорили, Григорич сообщил, что

придется бежать, потому что ворота садика закроют и их не пустят.

– Хочу на санках, – закапризничала Ирочка и тут же упала на лед. В другой раз знаменитая плакса тотчас бы разревелась, но Григорич с доброй усмешкой воскликнул:

– Зачем тебе санки, если у тебя есть замечательная попа, на которой ты умеешь здорово кататься.

Ирочка весело расхохоталась. Так они и добежали до садика, где Григорич передал внучку из рук в руки воспитательнице, Оксане Борисовне.

Погода была снежная, но под ногами уже таял лед, пробивалась вялая травка, и пахло ранней весной. В голове рождались сцены: девочка Лиза начинала говорить первые слова, ей вторил большой игрушечный медведь, с которым она то ссорилась, то мирилась в своей детской комнатке, а в это время на кухне разгоралась ссора родителей. Исколесив два квартала в мыслях, Григорич забыл о магазине, да так и вернулся в садик с пустыми сумками. Ирочку пришлось ждать еще минут двадцать, зато дедушка слышал звуки песен, которые разучивали дети для предстоящего утренника. «Интересно, – думал Григорич. – Машка успеет прибыть из России, а то дочка так старается?» Когда Ирочка вышла, она была в ярком возбуждении и всю дорогу рассказывала дедушке все то, что обычно мало интересовало ее маму.

– А мы такой танец разучивали, дедушка, – тараторила

внучка. – Сначала мальчики так стоят в ряд, потом они такие расходятся как лепестки, и из середины мы такие тычинки появляемся и танцуем вместе с пчелками.

– Супер! – восхищался Григорич. – А стишок задали учить?

– Да, – тоненько протянула Ирочка. – Только я его запомнить не могу.

– Ничего, выучим, – пообещал дедушка, и они вместе зашли в магазин.

Уже на подходе к дому позвонила Рита и взволнованно сообщила:

– Кира ушла из дому.

– Что значит ушла? – не понял Григорич.

– Не знаю. Ничего мне не сказала, оделась и ушла.

Ирочка спокойно сказала:

– А она всегда так делает и никто не ругается.

– Разве твоя сестренка не понимает, – спросил дедушка, – что маленьким самим выходить опасно и вообще надо говорить, куда идешь?

– Я когда вырасту такая как Кира, – сказала Ирочка. – Всегда буду родителей спрашивать, правильно?

– Умничка. Если б еще родители это понимали.

И тут они увидели Киру, стоявшую за школой, и беседовавшую со своей одноклассницей Софией. Мелкая, косоглазая Софа, как ее все звали, всегда зыркающая по сторонам,

о чем-то бурно спорила с Кирой, а та еле сдерживалась, чтобы не зарыдать или не треснуть подругу по голове пакетом с вещами. Подойдя ближе и притаившись за кустами, Григорич с Ирочкой услышали обрывки фраз, долетавшие до них. Кира на повышенных тонах пыталась объяснить Софе:

– Мы что, уже не дружим? Почему ты не хочешь придти ко мне домой?

– Ой, да какой там у тебя дом? – надменным ехидным голоском отвечала подруга. – Убогая хрущоба с тесным коридорчиком – не развернуться. В таких квартирках живут только нищие пенсионеры. У вас нет даже кондиционера.

– Зачем нам кондиционер зимой? – удивлялась Кира.

– Это я так, к слову. А кухонька маленькая, обшарпанная, пол потертый, я так и не разглядела, у вас паркет или линолеум?

– А у вас что? – сквозь зубы процедила Кира.

– У нас трехэтажный огромный коттедж с сауной и бассейном. И три гаража. А еще широкая мансарда, с которой вид на яблочный сад.

Григорич раздвинул руками кусты и предстал перед подругами. Софа съежилась и чуть согнулась, а Кира сильно нахмурилась.

– Дедушка, ты чего здесь? – недовольно спросила она.

– Пошли домой – в убогую хрущобу. Тебя нищие пенсионеры заждались с киселем и блинами.

– Ну, дедушка, – надулась внучка. – Я с подругой тут...

– С подругой? – удивился Григорич. – Что-то не вижу здесь никаких подруг и вообще людей. Иначе бы со мною поздоровались.

Софа съезжилась еще сильнее и повернулась к Григоричу спиной. Не в силах противостоять гневному блеску в глазах дедушки, Кира поплелась домой, отдав ему мешок с вещами.

Дома она попала в руки Риты, которая уже собиралась устроить внучке взбучку, но видя расстроенный вид Киры, оставила ту в покое. Кира заперлась в ванной комнате, и вскоре оттуда послышались ее всхлипы. Как ни старались дедушка с бабушкой и с Ирочкой достучаться до нее – Кира лишь выкрикивала, что с ней никто не хочет дружить, никому она не нужна со своими проблемами и просила оставить ее в покое. Григорич вкратце пересказал Рите беседу двух подруг, после чего та с широко раскрытыми глазами и грозным видом заявила:

– Пусть только явится эта промокашка – все косы ей выдержажу.

После этих слов в ванной щелкнул крючок, появилась зареванная, но крайне удивленная Кира, которая тут же попала в объятия бабушки и разрыдалась. Не в силах выдержать столько водопада, Григорич, наконец-таки избавленный от домашних хлопот, приступил к созданию шедевра, который назвал: «Взрослым надо поговорить».

Сегодня был для сценариста особенный день. Григорич, что называется, вспомнил все, чему его учили и прежде всего он легко набросал логлайн:

Семилетняя Лиза узнает, что является единственной причиной, сдерживающей родителей от развода и потому, невзирая на то, что те вечно отталкивают ее как маленького ребенка, Лиза решает заставить папу с мамой выслушать ее взрослое мнение.

В целом, вся работа шла легко, на подъеме, будто бы Григорича зарядили мощной батареей, заполненной творческим непокоем, удачей и талантом. Перед ним на столе были разложены не листы бумаги, а на этот раз нарезанные прямоугольные карточки с текстом на них. Словно пасьянс Григорич тасовал карточки, меняя одну с другой и с каждой переменной глубоко задумывался. Видя необычное занятие мужа, и насколько мучительно погружен он в решение какой-то задачи, Рита старалась никого не допускать в комнату. Однако маленькая Ирочка все же улучила момент и тихонько подкралась.

– Дедушка, – просящим тоном обратилась она. – А ты стишок обещал со мной выучить.

– Что? – будто из тумана сонным голосом проговорил тот. – Ах, да.

На лбу Григорича резче проявились морщины и, откинув-

шись на спинку кресла, он заложил ногу за ногу и внимательно посмотрел на внучку.

– Давай. Как там у тебя начинается?

Ирочка собралась с духом, напрягла щечки, задумалась, вспомнила и выдохнула:

– Чому так багато навколо тепла...

Тут она запнулась и сунула палец в нос.

– У тебя там шпаргалка? – улыбаясь, спросил дедушка.

Ирочка отрицательно замотала головой и показала листик, на котором было написано две строчки.

– Замечательно, – пробурчал Григорич, вчитываясь в текст. – Очень даже замечательно. Итак, давай за мной: «Чому так багато навколо тепла?»

Ирочка повторила.

– Только старайся с выражением и ручками обведи всю комнату, мол, вокруг много тепла. Показывай каждое слово, поняла?

Внучка кивнула и повторила с выражением и жестами.

– Це мамине свято весна принесла, – закончил Григорич. – Вот так, умница. И опять покажи ручкой в сторону окошка. Весна оттуда приносит нам мамин праздник.

Ирочка все послушно исполнила. Она повторила полный текст и благодаря взмахам рук, запомнился он уже лучше.

– Только ты произносишь как-то сухо, – заметил Григорич. – Будто сдерживаешься внутри себя. Между тем я замечаю в тебе творческие способности, а ты боишься их прояв-

лять. Знаешь, в чем дело?

– В чем? – хмуро спросила Ирочка.

– Надо верить в то, что говоришь. Поверь, что весна – это мамин праздник. Он теплый и радостный, а зима холодная и злая.

– Хорошо, – тихо произнесла внучка.

– Ты ведь любишь свою маму?

Девочка робко кивнула.

– Вот и правильно. Мама всегда приносит свято, то есть праздник. Поэтому когда читаешь стишок, верь в весну, в маму и в праздник. Поняла?

Ирочка кивнула еще раз, но уже уверенней.

– Хорошо. Теперь иди и порепетируй, потому что сейчас дедушке нужно поработать.

– Ладно, – согласилась внучка. – А что ты работаешь?

– Да вот, пишу, – Григорич окинул глазами письменный стол.

– Сказку? – оживилась девочка.

– О, если бы, – ответил он и побарабанил по столу, вновь тасуя карточки.

Деликатная Ирочка собиралась было на цыпочках покинуть комнату, как вдруг за спиной Григорича заметила нечто, глубоко ее озадачившее. Сгорая от любопытства, она немедленно спросила:

– Ой! Что это?

За спиной сценариста на всю стену было развешено черное полотно, на котором в ряд иголками были прилеплены точно такие же карточки со словами, какие лежали на столе. Григорич брал со стола одну из них и прикреплял на стену. Затем снимал другую карточку из одного ряда, спешно что-то писал на ней и помещал в другой ряд, закалывая ее иголкой. Хмурил брови, поджимал губы и бурчал под нос, после снимал карточку и менял ее местами с другой. Глядя на общую картину со стороны, оставался более-менее довольным и обращал взор на следующий ряд.

– Это, – показал дедушка рукой на стену и стол, – мой рассказ. Только он пока не написан. Все слова и строчки так разбросаны и перемешались, как твои паззлы, что теперь приходится их правильно складывать. И если хотя бы одну карточку положу не в то место, история может пойти совсем в другую сторону.

– Ух, ты, – заинтересовалась внучка. – А как это?

– Смотри, – Григорич взял четыре пустых карточки и написал на каждой из них пару строк. – На каждой карточке одна сцена. Если правильно сложить все сцены, получится рассказ.

– А если неправильно?

– Получится... другой рассказ, – улыбнулся сценарист и продолжил. – Первая сцена: Бардак в комнате. Вторая: Звонок в дверь, ты идешь открывать. Третья: Ты убираешь игрушки и подметаешь пол. И четвертая: Мама достает из сум-

ки мороженое и дает тебе. Разложи карточки правильно.

Перебирая карточки тонкими пальчиками, Ирочка прежде потасовала их, как делал дедушка – ей это очень понравилось. Копируя его же действия, она отошла в сторонку и взглянула на пасьянс со стороны. И точно так же как дедушка, нахмурилась и пробурчала что-то себе под нос. Григорич не мог не рассмеяться и увлеченно наблюдал за внучкой. А та быстро взяла третью карточку и положила ее после первой.

– Правильно? – спросила Ирочка дедушку.

– Умница, – подтвердил тот. – У тебя и вправду есть творческий дар. А что если сцену бардака поставить после того как мама даст тебе мороженое?

Подуло свежим ветерком, и над головами творческой интеллигенции появилась голова волчонка.

– Тогда, – сказала оскаливавшаяся Кира, – ваша история пахнет ремешком по попе.

– Верно! – похвалил старшую Григорич.

– А если, – предложила она, – так и оставить и посмотреть, что будет?

– Какой удивительно тонкий и прагматичный взгляд на мир, – поразился дедушка и обнял Киру.

Поглощенные созданием рассказа о бедной Лизе и ее медвежонке, девочки чуть ли не легли на стол и стали с интересом менять сцены и придумывать дальнейший ход развития

событий. После каждой перемены сцен комната сотрясалась от заливистого смеха или наоборот, воцарялось печальное молчание. Кира заметила, что стена со сценами новой истории Григорича про девочку Лизу похожа на шахматную доску, и, будучи чемпионкой школы по шахматам, она изобретала удивительную историю, совмещая несовместимые сцены, которые подавала ей Ирочка, под которые Григорич пытался подобрать нужные взаимоотношения героев. Контролируя процесс, он подсказывал, что сцены не должны идти так, как ожидает зритель. Для него все должно быть непредсказуемым, каждый шаг героя не должен просчитываться, следующее слово может привести к трагедии. После каждой сцены зритель должен хвататься за голову и меньшее, что может сказать: «Ну, надо же! Кто бы мог подумать!», а большее: «Идиот! Куда он идет? Зачем?»

Диалоги стали выдумывать все вместе, а Рита еле успевала носить из кухни одному кофе, другой «Агушу», третья доедала третью пачку чипсов Laus. В конце концов, чтобы дать себе время отдохнуть, хозяйка приготовила всем пиццу и принесла большие чашки с чаем. Работа закипела. Комбинации предлагались одна за другой, вызывая вопрос: А что дальше? И если дальше тупик, карточка со сценой тотчас отбраковывалась. Но над одной комбинацией трое соавторов думали долго. Первая сцена: Мама ругается на кухне. Вторая: Папа что-то ищет в чулане. Лиза бежит к папе показать

письмо деду Морозу. Сцена третья: Папа с мамой целуются. Были еще несколько вспомогательных переходных сцен и сцен-пауз, но эти – ключевые. В конце концов, уставшая Ирочка предложила милый вариант с поправками, следуя по пути наименьшего сопротивления, где сначала мама кричит, потом девочка показывает письмо маме, они идут к папе и все вместе целуются и обнимаются. Кире была противна эта слащавая патока, и она бросила с каким-то своим знанием жизни:

– Так не бывает. Когда Лиза приходит к папе, тот ее посылает со словами: «Мне не до тебя с твоими глупостями. Иди к маме». А дурочка мама кричит на нее и убегает на маникюр.

– Неправда! – вскрикнула Ирочка. – Мама хорошая! Хорошая!

Кира показала сестре язык и покрутила пальцем у виска. Они стали щипать друг друга и обе со слезами выбежали из комнаты.

Григорич вздохнул, окинул грустным взглядом стену с карточками, и медленно, но ровно в голове его блеснула одна искорка, за ней другая, сюжетные линии стали наполняться напряжением и загудели жизненной энергией, а мозг-трансформатор сначала медленно и недовольно, потом все быстрее и ожесточеннее начал проворачивать идеи, перемалывать слова и пошел выдавать полотно, исписанное штриха-

ми, сродни схеме кардиограммы. Сценарий под другим названием: «Про бедную Лизу» стал четко вырисовываться. Не на привычном листе бумаги, а сразу на клавиатуре уверенными пальцами легко и свободно Григорич стал отбивать зычный ритм шагов, приближавших его к славе. Сразу же по окончании работы возбужденный сценарист отправил копию продюсеру и режиссеру. А сам громко позвал домочадцев и приготовился к декламации.

Глава 19

В комнате везде расставлены и сложены картины в рамках. На кровати сидит девочка ЛИЗА (7) в халате медсестры, маминых туфлях и с покрашенными губами. Она кормит с ложечки плюшевого медведя ЗЕФИРКУ настоящим мороженым. Подносит ложку к его губам, но съедает сама и ругается маминым голосом.

Лиза (*качая головой*). Ай-яй-яй, больной! Вам же гланды удалили, а вы ведете себя как маленький. Соблюдайте диету: мороженое три раза в день. (*Топая ножкой.*) Еще ложку, не то вколю йогурт внутривенно. Ага, испугался!

За раскрытым окном каркают вороны и лают собаки, что очень пугает Зефирку, он стонет и закрывает лапами уши.

Зефирка (*жалобно*). Собаки... Бррр. Страшнее зверя нет.

Лиза захлопывает окно, но лай сменяется лязгом замка входной двери в квартиру. Лиза лихорадочно сбрасывает халат и туфли, прячет в шкаф и стирает помаду. Делает знак Зефирке молчать.

В квартиру врывается хмурая МАМА (26) с синяком под глазом, за которой с задумчивым выражением лица и с сумками в руках входит ПАПА (37). Свет в темном коридоре не включают.

Мама (*равнодушно*). Ой, да мне все равно, где и с какими бомжами ты бухаешь.

Папа (*вяло улыбаясь и вздыхая*). Совсем все равно? А раньше бывало.

Мама (*резко*). Раньше ты хоть мужиком казался.

Папа пытается обнять маму, но та отводит его руку, словно ошпарилась кипятком. Папа оступается и с грохотом падает на пол. Из сумок по всему коридору раскатываются яблоки. Папа ползает и собирает их, а мама смотрит на него свысока.

Мама (*презрительно*). Как все достало. У всех мужья как мужья, а это возомнило себя Врупелем, ни черта не делает, бухает и только думает. О чем оно думает – один хер знает. Когда ж ты уже работу найдешь или...

Папа (*горько*). Сдохну, да? А что я могу, если таланты здесь никому не нужны?

Мама. Зато школам нужны простые учителя рисования.

Папа поднимается и гордо запрокидывает голову.

Папа (*вскрикивая*). Никогда! Слышишь? Никогда Я не опускаюсь до статуса учителя школы.

Мама (*язвительно*). Конечно! Мы ж чемпионы в статусе трутня. Да живи ты как хочешь.

Открывается дверь детской и показывается голова Лизы. Родители вымучивают улыбки на лицах.

Лиза (*жалуясь, но с хитрецей*). Ма, а Зефирка опять ничего не ест. У нас есть другие лекарства?

Мама (*уставшим голосом*). Доча, давай позже с глупостями.

Папа (*нежно*). Не сейчас, Лизок. Взрослым поговорить надо, ладно?

Родители уходят на кухню. Лиза вздыхает и закрывает дверь.

Лиза подходит к окну и смотрит на улицу. Зефирка рядом.

Зефирка (*с трудом выговаривая*). А что такое "поговорить"?

Лиза (*грустно вздыхая*). Ничего хорошего...

Воспоминание. Папа с озабоченным видом копается в

кладовке. Лиза радостно подбегает с открыткой и фломастерами.

Лиза (*с вдохновением*). Папочка, помоги мне открытку деду Морозу написать с пожеланиями? Я знаешь о чем мечтаю...

Папа смотрит не понимая и уходит. Слышен его крик.

Папа (*кричит маме*). Где эскизы мои из кладовки? Завтра клиенту нести и ни черта не найду.

Мама. На свалку снесла. Мне мазня твоя хлеба в дом не приносит. Вон, беги, бомжи уже рукоплещут.

Папа (*гневно*). Убью тебя, серость!

Визг мамы и грохот в коридоре. Лиза закрывает лицо пустой открыткой, фломастеры падают на пол.

Мама одевается у зеркала и говорит по телефону. Озабоченная Лиза дергает ее, чтобы что-то спросить.

Лиза (*волнуясь и доверительно*). У нас в садике окошко разбилось, так Димка меня своим одеялом укрыл. Он влюбился, да? Я правда красивая?

Мама хмурится на Лизу, отмахивается и продолжает раз-

говор.

Мама (*по телефону*). Угу... Угу... Совсем обалдел? Срочно клизму ему! Та бегу уже! Бегу.

Мама морщится, глядя на Лизу и уже на пороге, орет в комнату.

Мама (папе). Ты когда-нибудь задницу оторвешь? На дворе еще март, а в детской окно разбито. Мне что, одеялом заткнуть?

За мамой с силой хлопает дверь. Из комнаты папы его выкрик.

Папа (*раздраженно*). Да хоть жопой костлявой. Некогда мне еще и об окнах ваших думать.

Лиза сопит, берет мамину тушь, размазывает себе по лицу, кривляется в зеркало, показывает язык и тихо плачет.

Лиза в школьном платье у зеркала расчесывает волосы. На тумбочке сидит Зефирка и держит белый бант. На зеркале надпись: С 1 сентября! Крики мамы из-за двери.

Мама (*папе с презрением*). Ты что купил, алкаш? С боду-

на школу с детсадом перепутал? Ей ранец нужен был, а не игрушки твои.

Папа (*надрывно*). Любовь ей нужна, дура! И прежде всего от матери – хотя б от такой.

Лиза вздыхает, срезает ножницами ценник с уха медведя и прижимает Зефирку к себе.

Лиза (*шепчет*). Люблю тебя.

Зефирка обнимает Лизу и прицепляет ей на волосы бант. В коридоре хлопают двери и слышны крики родителей.

Конец воспоминания.

Зефирка (*охая и икая*). Ох и злы-ые они. Как соба-аки злые.

Лиза (*вздыхая*). Они не могут иначе.

Из кухни доносятся крики. Лиза подбегает к приоткрытой двери и выглядывает за нее.

Камера направлена из темноты коридора на освещенную дверь в кухню из полупрозрачного стекла. За дверью видны снующие и жестикулирующие силуэты родителей.

Из глубины коридора эхом доносится слово мамы: РАЗВОД. Лиза отшатывается и бежит к окну. Тормошит Зефирку.

ку.

Лиза (*громко*). Ты слышал?! Слышал?

Зефирка (*недовольно*). Да я только и делаю, что слышу.

Лиза. Так не молчи же. Что значит развод?

Зефирка (*пугается и зевает*). Не знаааю, но пахнет ссорой. Я от слов таких засыпаааю.

Зефирка храпит. Лиза ведет медведя к двери и ставит на пол.

Лиза (*строго*). Слушайте внимательно, больной. А то у нас будут баальшие осложнения.

Зефирка (*вздыхая*). Еще бы. Не первый год болеем.

Зефирка выставляет ухо в коридор.

Мама показывает на свое лицо.

Мама. Разводы эти я сама себе поставила?

Папа (*стонет*). Так не надо ж пилить меня без конца. И без того хреново на душе. Да, пью! А как не пить, когда я с мегерой живу! И вечно голодный.

Мама рычит, слышен звон крышки о кастрюлю.

Лиза задумывается.

Лиза. Разводы...разводы...

Она бежит к окну, брызгает водой на стекло и вытирает тряпкой. То же самое проделывает и с акварелью "Папа, мама, Лизок", висящей на стене под стеклом, с подписью: ПА-ПА.

Подбегает к двери и шепчет.

Лиза. Mamочка, папа больше не будет. Прости его. Только не ссорьтесь.

Зефирка. Мне кажется, не то.

Зефирка прислушивается к звукам из коридора.

Движения силуэтов ускоряются. Мама визжит, папа отступает.

Мама. Да пока ты по выставкам шляешься я пашу как лошадь, а потом до ночи по уколам бегаю. Когда мне готовить?

Папа. Мы с дочкой тоже не кролики на развод, чтобы одну капусту жрать.

Мама (*ехидно*). Та ты шо! А по ночам так самый типичный. Всунул – подергался, пискнул и сдох. А мне лев нужен с дрыном, понял? Короче, не нравится – ищи хозяйку получше.

Папа (*еле слышно*). Нашел уже...

Оба застывают на месте.

Лиза растерянно смотрит на Зефирку.

Лиза. Ты что-нибудь понимаешь?

Зефирка (*чесет в затылке*). Папа не хочет быть кроликом. А маме дрын нужен. Что значит – дрын?

Лиза (*нервно*). Бестолочь.

Зефирка (*обиженно*). Плюшевый я.

Лиза шепчет в проем двери, сложив ладошки вместе.

Лиза. Папочка, ты же пошутил? Мамуль, не слушай его. Ты самая лучшая, а супчики варить я и сама могу.

Лиза вздыхает и относит Зефирку на кровать. Лиза с Зефиркой напряженно слушают голоса родителей из кухни.

Папа в кухне (*бормоча*). Сама говорила: у меня своя жизнь, у тебя – своя.

Мама в кухне (*наступая*). Да у ребенка вчера температура была, я в ночную не вышла, а ты? Ты где лазил, козлина?

Лиза кусает ухо Зефирки. Тишина, слышен такт настенных часов.

Зефирка. Он что, придумать ничего не может?

Лиза (*досадливо*). Мой папа не ты, он врать не умеет. А жаль.

Зефирка. Я бы дал ему парочку уроков.

Лиза дает Зефирке подзатыльник.

Папа дергается, мама в позе хищницы перед прыжком.

Мама. Снова шлендру завел, хламидиозник?

Папа. Не смей про Иру, гуашь ты мутная. Она одноклассница моя и встретились мы случайно. А потом... словно пелена с глаз: Как я жил до сих пор и с кем! Я даже помолодел с Иррой.

Мама (*сквозь зубы*). Заткнись, урод.

Папа (*кривляя маму*). "Заткнись, урод". Тьфу ты, быдло. А Ирочка – тонкая чувственная душа, как увидела мою акварель...

Мама (*надвигаясь на папу*). В смысле? Она что, здесь была?

Папа (*кивая и отступая к окну*). Господи! Ну почему у Дали жена была – муза как муза, а мне чудовище...

Мама (*размахивая половником*). Тампон ты жеваный, а не Дали.

Папа (*отмахиваясь тряпкой*). Да и ты не Гала, коза фригидная.

Боевой рык мамы. Бегают вокруг стола.

Зефирка сидит на кровати и увлеченно смотрит в экран ноутбука. Лиза у двери. Слышатся отголоски из кухни.

Зефирка (*не отрывая глаз*). Ой, это и есть ррразззвод?

Лиза (*глотаю слезы*). Молчи, капитан Очевидность, молчи. От нас папа уходит.

Зефирка. На работу?

Лиза. Навсегда.

Зефирка. И что, вечером не придет?

Лиза. Ни вечером, ни через год

Зефирка. И даже через сто миллионов лет?

Лиза. Даже.

Зефирка (*отрываясь от экрана*). Зато лаяться больше не будут.

Лиза подбегает, бьет Зефирку и выхватывает ноутбук. На экране картина "Утро в сосновом бору".

Лиза (*сердито*). Опять гадости разглядываешь. В лес смотришь. Не пуцу!

Зефирка (*жалобно*). Я только тишину послушать. Разве я в клетке живу? Почему непустишь?

Лиза. Потому что и ты уйдешь. Навсегда!

Лиза швыряет ноутбук на кровать и идет к окну, садится

на подоконник и хмуро смотрит сквозь стекло. Зефирка отворачивается, открывает крышку ноутбука и кладает клавишами. На экране то "Утро в сосновом бору", то "Медведь в клетке". Выбирает вторую картинку, скулит. Лиза видит ее в отражении стекла.

Лиза (*укоризненно*). Неблагодарный... Друг, называется.

Поскрипывает дверь от сквозняка.

Мама и папа сидят на стульях, не смотрят друг на друга и говорят в пустое пространство.

Папа (*удивленно*). Благодарить тебя? За что? Что сдуру влюбился, из села вывез и в квартире прописал? Как богиней тобой восхищался, а стала кем?

Мама (*с холодной иронией*). А может – с кем? Да если бы ты мужиком был, а не маминой писей. Недотепа! Кредитов понабрал, пришлось дом в селе продавать, чтоб расплатиться. И одни музы на уме!

Папа (*грустно, но уверенно*). Эх, все равно не поймешь. Ладно, давай разбежаться.

Мама (*распаляясь*). Ага! Значит я сутками на работе, мамаша твоя скорее удавится, чем с внучкой посидит. И как? Ребенка в детдом сдадим или с собой заберешь?

Папа (*испуганно отступая*). С собой? Мы не можем. У

Иры коммуналка, там даже ванной нет. И потом мне покой нужен и аура. Боже, почему я такой несчастный...

Мама (*вздыхая*). Господи, от какого ж подонка я родила! Лучше б аборт сделала, как мама-покойница советовала.

Папа дает маме пощечину. Мама падает на пол. Звон посуды.

Крики из кухни. Зефирка качает головой и стонет, глядя на картинку "Медведь в клетке". Лиза подходит и садится рядом.

Зефирка. Ой, не разведутся они, и эти крики никогда не кончатся. Несчастный я.

Лиза сидит недвижима, напряжена и смотрит в пространство.

Лиза (*тихо в сторону*). Кончатся. Скоро все закончится.

Зефирка (*радостно*). Правда?

Лиза (*упавшим голосом*). Правда.

Лиза надевает куртку и на Зефирку надевает шарф.

Зефирка (*удивленно*). ОЙ! Ой-ей-ей-ей! Куда мы?

Лиза подходит к кровати и переключает картинку на

"Утро в сосновом бору". Лиза тянет Зефирку из комнаты. Уходят. Со стены падает семейная акварель.

С кухни слышатся стуки кулаков, звон посуды и топот. Лиза вздыхает, порывается идти на кухню, но останавливается и открывает входную дверь. Они с Зефиркой выходят из квартиры.

Лиза с Зефиркой перебегают проезжую часть широкой дороги, спасаясь от преследующей своры собак, но останавливаются посередине на крохотном островке безопасности. Из-за бешеного потока машин они блокированы и не могут двинуться ни в какую сторону. Грузовики и мотоциклы норовят задеть их.

Зефирка (*хнычет*). Стрррашно... Когда мы домой уже?

Лиза. Никогда! Ты же сам хотел в лес.

Зефирка. Нууу, он далеко. Пошли домой, а?

Лиза (*отвернувшись и резко*). Иди! Машины проедут и возвращайся.

Зефирка. А ты? Одна ведь пропадешь.

Лиза. Пусть. Бездетные родители быстрее разойдутся и перестанут кричать. Ты будешь счастлив, Зеф. Ступай!

Зефирка (*угрюмо мотает головой*). Они станут кричать еще громче.

Лиза (*с иронией, горько*). Чушь. Даже не заметят. Я всегда мешала им жить. Теперь мешаю развестись. И угораздило так некстати родиться. Уходи же!

Зефирка (*отбивая окурок из машины*). Неправда...

Лиза (*заглушая сирены машин*). Правда! Они кричат – им больно. Они видите ли несчастны. А я? Со мной кто-то поговорил? Спросил: доченька, а ты счастлива? Они не слышат меня. Никто не слышит!

Слышен лай собак с тротуара, откуда пришли герои.

Зефирка (*продирая горло*). Так скажи им погромче.

Лиза. Чуть. Они не слышат не потому что не могут. А потому что не хотят.

Зефирка (*мнет свою голову*). Значит, надо, чтоб захотели.

Лиза. Как это?

Зефирка. Поговори с ними по-взрослому.

Лиза. Смеешься? Я маленькая. Только в школу пошла.

Зефирка. А я вообще не хожу. Не дорос еще.

Лиза. И слабенькая...

Зефирка. Взрослые иногда бывают слабыми, но я слабее тебя.

Лиза (*вздыхая*). Ты не понимаешь, как сложно стать взрослой. А злой как они – не хочу.

Зефирка. Может я и плюшевый, но мне кажется, ты взрослеешь, когда у тебя есть кто-то, кто без твоей заботы умрет. Ой! Как много слов, чуть не уснул. А я умру без твоих лекарств, без теплых ручек, без сказок на ночь и усну нико-

му не нужной игрушкой...

Сеет мелкий дождь, поднимается ураганный ветер и переворачивает овощной лоток на тротуаре. На дорогу выносит брезент. Лиза видит, как дрожит от холода Зефирка. Она пытается добраться до брезента – метра три, но машины не дают. Гремит гром, ливень. Лиза всё-таки выскакивает на шоссе и маневрируя, хватается брезент. Но в коленках судороги, она падает. Зефирка успевает схватить Лизу, и они возвращаются на островок с победой, чуть не попав под колеса машины.

Зефирка (*ревет*). Я боялся, боялся, что ты умрешь...

Лиза (*рыдая и смеясь*). Жива! Живая я, ну что ты! Что ты.

Лиза гладит Зефирку. Они накрываются брезентом. Тишина.

Зефирка (*шепотом*). Стрррашно. Расскажи мне сказку.

Лиза (*тоже шепотом, но твердо*). Сказки кончились, милый.

Зефирка. Не может быть. Когда же?

Лиза (*пристально глядя в глаза*). Только что. Знаешь что, теперь нам придется столкнуться с жизнью. Ты идешь со мной, друг?

Зефирка (*вскрикивает в ужасе*). Куда? В лес?

Лиза (*задорно*). Нет, глупыш! Домой за счастьем. И на этот раз нас там выслушают.

Зефирка неуверенно кивает и вздыхает.

Лиза (*целуя медведя*). Только чур в дороге не спать.

Лиза с Зефиркой срывают с себя брезент, а уже сумерки. Дождь прошел и машин на стороне к дому нет. Герои переходят дорогу и идут домой, прижавшись друг к другу.

У подъезда из кустов вылетает шавка и принимается лаять, но Лиза вскрикивает: БРЫСЬ! и та скулит и ныряет обратно.

Лиза с Зефиркой входят в квартиру. В коридоре темно. Из кухни доносятся голоса родителей, рычащие с замедленной скоростью.

Папа. Грыжа ты прыщавая...

Мама. Акрил ты пересохший...

Лиза тянет упирающегося медведя, поскользывается на яблоках и падает. Оглядывается по сторонам – нет Зефирки. Вскрывает, вытаскивает из кармашка платья фонарик и пытается выхватить Зефирку из темноты. Наконец, на полу видит игрушку – плюшевого медведя. Лиза бросается к нему

и обнимает.

Лиза (*всхлипывая*). Милый! Мой милый Зеф, не засыпай. Ах, ты снова игрушка. Все кончено.

Душа Зефирки. Нет, просто дальше мне нельзя.

Лиза. Но почему сейчас, когда ты мне так нужен? Ты же друг, мой лучший друг. Как я одна смогу, не понимаю.

Душа Зефирки. Сможешь. Ты теперь многое сможешь понять. Но торопись, пока они люди.

Лиза. Я поняла, Зефирка. Я справлюсь.

Лиза ступает дальше с игрушкой. Эхом отдаются голоса с замедленной скоростью, но с каждым шагом речь родителей все ускоряется и озлобляется: стоны, визги, кашель, хрипы и лай.

Папа. Куда хочешь катись из квартиры! Мы с Ирой и Лизой без тебя проживем!

Мама. Разбежалась! Ты мне дом сначала верни и мы с дочерью сами уйдем.

Папа. Чтоб ты ЗОЖем ее заморила, грязь?

Мама. С тобою скорее сопьется, мразь!

Папа. Шиш тебе, курва. Не дам! Не дам!

Мама. Руки прочь, хамло! Хам! Хам!

Слышны вопли и рычание. Лиза открывает дверь кухни

и видит родителей с оскалами и собачьими мордами вместо лиц. Они бегают вокруг стола. Лиза вскрикивает и падает без чувств.

Сквозь туман Лиза видит силуэты родителей в человеческих обличьях. Они склонились над ней. С одной стороны ее тормозит всхлипывающий папа, с другой мама прижимает Лизу к груди и подносит вату с нашатырем к носу папы.

Мама (*напе хрипло*). Уйди, Христа ради. Ты дочери нашей смерти хочешь, бессовестный.

Мама вдруг начинает плакать. Папа изумлен и крестится.

Папа (*дрожащим голосом*). Да ты что! Ты что! Ты плачешь? Умоляю, успокойся. Лаллладно. Завтра же на развод подадим.

Мама теплеет, улыбается и гладит папу по плечу.

Мама. Молодец, мужик. Но лучше – сегодня.

Лиза внезапно открывает глаза, пауза, все застыли.

Мама (*Лизе тихо*). Прости, доченька, понимаешь....

Серьезный взгляд Лизы постепенно теплеет.

Лиза. Не надо, мамуль, я все понимаю. Мне давно уже не шесть лет.

Папа (*бормоча и неуверенно*). Дочура, ты для меня... Но мы с мамой... уходить надо, да? Или...

Лиза прижимает руку папы к себе и улыбается.

Лиза (*уверенно кивая*). Надо. Будь счастлив, папочка. И приходи почаще. Ко мне приходи.

Родители переглядываются и обнимают дочь.

Лиза (*Зефирке улыбаясь*). Вот и услышали нас, мой милый. Вот и услышали...

Какое-то время после завершения чтения Григорич сидел, уткнувшись в монитор, и не отводил глаз, боясь, что его молчащие зрители заметят в них слезы. Лишь на миг, оторвавшись от экрана, он бросил короткий взгляд вглубь комнаты и увидел, что Рита с внучками, прижавшимися к ней, сидят на кровати с платочками у глаз. Они не могли вымолвить ни слова, но и не нужно было слов. Кира с Ирочкой показали большими пальчиками вверх и поглядели друг на дружку. Удивленная Кира спросила сестру:

– Чего хнычешь? Последнюю сцену ты сама придумала.

– А сама чего? – передразнивая сестру, спросила Ирочка.

– А мне кажется, – подвела итог Рита, громко прочищая нос, – это удача, мой дорогой. Большая удача.

В это время среди кипы смешанных карточек что-то за-сверкало, завибрировало и картонки вздрогнули и поползли. Это проснулся телефон Григорича. С дисплея мерцающим светом взывал режиссер Александр. Немеющими от волнения пальцами Григорич схватил аппарат и выбежал с ним на кухню.

Спустя три минуты он вернулся и сообщил, что режиссеру и продюсеру сценарий понравился. Сегодня же Александр покажет его своему мастеру по дипломному проекту и если тот одобрит, то поедет со сценарием на худсовет.

– Так что, – потер руки Григорич, – держите за меня кулачки.

– А не посидеть ли нам вечерком за столом всем вместе? – предложила Рита.

Никто не возражал, тем более что зимой рано темнело и можно сказать, что хотя и было четыре часа, но наступал уже вечер и все проголодались. Григорич с внучками отправился в «АТБ» за съестным, а Рита пошла на кухню чистить картошку.

Трое соавторов брели по заснеженной улице и весело болтали, кто о чем. Беспокойная Близнец Кира не умела ходить спокойно, она постоянно пританцовывала, а легкая на подь-

ем Ирочка, да еще и родившаяся в год Обезьяны, по-своему подражала сестре, не удерживалась на ногах и падала в сугроб. Вокруг шумели дети, – кто со школы Киры, кто из садика Ирочки, – перекликались, о чем-то договаривались и разъезжались на лыжах или на санках в разные стороны. Через час наши герои уже тащили огромные баулы с продуктами, большую часть которых занимали «Хочу это. Нет, не это, а это» Киры и Ирочки. Все они уже вошли в подъезд их дома и начали подниматься по ступенькам. Чем ближе было к их последнему пятому этажу, тем отчетливее слышались резкие звуки очень знакомого голоса. Это Рита, державшая за обе косы ноющую Софу, стиснув зубы, говорила той прямо глаза:

–еще имела наглость заявиться сюда – в убогую хрущевку? Да, у нас маленькая квартирка, но зато вся комнатка Киры уставлена кубками и увешана медалями победителя городских и областных соревнований по танцам. Ее фотография лучшей шахматистки школы висит рядом с фотографией лучших учеников, у нее идеальный музыкальный слух, ритм и такт, а у тебя – ни голоса, ни ума и ни такта и чего ты добилась? Кто о тебе скажет что-нибудь хорошее, если ты своих подруг выбираешь по материальному благополучию? Еще раз увижу тебя возле моей квартиры, отрежу косы, ясно?

Перепуганная Софа так рванула по лестнице вниз, что сбила с ног Ирочку, которая крикнула той:

– Слепая что ли?

– Кто? – спросил Григорич, оглядываясь. – Кира! Ты ко-го-нибудь здесь видела?

Кира ухмыльнулась и пожала плечами.

– Никого. Если бы здесь кто-то прошел, то поздоровался.

– Верно, – похвалил дедушка и все трое продолжили путь домой.

А дома Рита ждала всех с великолепной новостью. Оказывается, звонила Маша и сообщила, что документ на вступление в наследство оформлены и скорее всего квартира бабушки Зои достанется Быдловичам.

– Мы переезжаем в Россию? – с тревогой спросила Кира.

– А почему бы и нет, – сказала Григорич.

– Мы будем приезжать к вам в гости, – добавила Рита. – Или это плохо?

Кира ничего не ответила, лишь повела бровью и вместе с Ирочкой пошла в свою комнату, чтобы переодеться к столу. У двери она повернулась и каким-то похолодевшим голосом вдруг сказала:

– Все хорошо, только какое-то странное чувство.

За столом сидели Григорич с Ритой, улыбавшаяся Ирочка с куклой Анечкой, которая всем делала пальчиком «тссс», и слегка задумчивая Кира. А посередине стоял большой домик из коробки, искусно разукрашенный во все цвета раду-

ги, с пластилиновой лепкой по фасаду и изумительной обстановкой внутри, которая явно предназначалась не для людей. Внутри домика жила вся собачья команда из Щенячьего Патруля. А к крыльцу прислонилась метла с пером, которое Григорич выдрал из хвоста знакомого голубя. Над вкусно сервированным столом витали дразнящие ароматы яств, но все так устали, что почти не притрагивались к еде. Однако чтобы не обижать бабушку, внучки старательно запихивали в себя куски мяса и полные ложки оливье и с набитым ртом восторгались: «— Как всё вкусно!»

Позвонила Маша и Григорич тут же включил видеосвязь на Телеграм. Обрадованные дети сразу же стали выть и требовать, когда уже приедут родители. Маша с Вованом, слегка удивленные, что-то мямлили насчет того, что как только уладят последние формальности с квартирой, то сразу же приедут за Кирой и Ирочкой. Родители куда-то спешили, но Рита настояла, чтобы они посмотрели новый танец Киры, который привел тех в восторг, а потом Ирочка с глубоким чувством и трогательным волнением продекламировала маме стишок: «Чому так багато навколо тепла? Це мамино свято весна принесла». В динамике слышалось сопение Маши и звук чмока.

— Я вас очень люблю, детки мои, — прошептала она и снова засопела.

Спать легли рано и решили до завтра не убирать со стола – вдруг кому-то захочется встать среди ночи и перекусить, что бывало не редко. Ночью всегда еда слаще и ароматнее. После нее спится превосходно. Все, довольные и переполненные эмоциями, легли спать, хотя долго еще ворочались из-за беспокойных мыслей. Ирочка думала попросить завтра Оксану Борисовну дать ей стишок длиннее, она очень хотела рассказать его на утреннике для мамы, когда та приедет. У Киры не выходили из головы уважительные слова бабушки, которые та сказала Софе о ней и Кира решила, что отныне будет выбирать подруг не из таких финтифлюшек. Григорич мечтал, что мастер одобрит сценарий, хотя это было уже не главным, а главным было то, что Святой Дух услышал и теперь у них будет квартира, вернее, уже есть. А Рита благодарила Бога, что все наладилось, никто не огрызается, и в семьях воцарились мир и любовь.

Наступила ночь и как-то быстро она пролетела, но под утро часа в четыре Рита вдруг вспомнила, что они не выпили вчера за День Защитника Отечества. Поскольку и так не спалось, Рита встала, надела халат и села за стол. Налила себе вина и только хотела пригубить, как с кухни притопал Григорич и возмутился, что жена пьет в одиночку.

– А тебе чего не спится? – удивилась Рита.

– Да так как-то, – вздохнул Григорич. – Мысли...мысли...

Они обнялись и стали пить из одного бокала, произнося друг другу шепотом:

– Поздравляю...Поздравляю... Поздравляю....

Они страстно поглядели друг на друга, но тут в комнату ворвались внучки.

– Бабушка, дедушка, – жалостливым голоском протянула Ирочка, – хочу кушать.

– А что ты хочешь?

– Наполеона с чаем.

– И я, – сказала Кира.

Почти в полпятого утра все четверо вновь сидели за столом – сытые, довольные и не в меру болтливые. Они говорили так много, будто давно не видели друг друга или больше никогда не встретятся все вместе. Когда все темы были исчерпаны, Ирочка молча подошла к книжному шкафу, открыла свой сундучок и вытащила книжку, которую знала наизусть: «Красную шапочку». С глазами, полными света и радости, она принесла дедушке книжку и попросила почитать.

– А давайте все вместе! – предложил Григорич. – Ты, Ирочка, будешь Красной шапочкой. Ты, бабушка, будешь мамой и бабушкой. Ты, Кира, волком хочешь?

Кира удовлетворенно кивнула и зарычала.

– А ты? – спросила она.

– А я, как всегда, от автора.

И они начали разыгрывать пьесу. Веселились, кривля-

лись, искажали голоса и придумывали какие-то новые слова своим персонажам. Хохотали до упаду да так, что в серванте звенела хрусталь... Ан, нет. Это не хрусталь, а вдруг ожил телефон Риты. Она схватила свою ракушку и открыла крышку.

– Доця! – удивленно воскликнула Рита и включила громкую связь. – Машунь, что? Что случи....

– Мама! Мамочка! Война! Они..... перекрыли границу. Мы не приедем... Деточки мои.....

Связь прервалась. Кира застыла в танце, Ирочка прижала к себе куклу Анечку, а Рита уткнулась лицом в плечо Григорича, у которого лицо стало каменным, а глаза враз помутнели.

КОНЕЦ 1 КНИГИ